

Юрий КРАСАВИН

СНЫ ЗОЛОТЫЕ

Повести и рассказы

2018 г.

ББК Р6
К 78

Текст печатается по изданию:

Красавин Ю.В. Полное собрание художественных произведений. - Тверь.: Наука и культура, 2010.

© Красавин Ю.В., наследники. 2018 г.

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КРАСАВИН

Родился 7 января 1938 года в селе Мелковичи Солецкого района Новгородской области. Детство прошло в деревне Ремнево Калязинского района. Закончил Калязинский машиностроительный техникум в 1959 году. Работал конструктором на Конаковском фаянсовом заводе, учителем в школе рабочей молодежи г. Конаково, собственным корреспондентом газеты «Калининская правда».

В 1969 году закончил Литературный институт им. Горького в Москве.

Член Союза писателей СССР с 1972 года.

В 1975-1984 гг. жил в Великом Новгороде, до 1982 года руководил Новгородской писательской организацией.

С 1984 по 2013 год проживал в г. Конаково Тверской области. Печатается как прозаик с 1958 г.

Книги Юрия Красавина в «советский» период выходили массовыми тиражами в издательствах: «Молодая гвардия», «Московский рабочий», «Советский писатель», «Современник», «Советская Россия», «Детская литература», «Лениздат».

Автор более тридцати романов и повестей, множества рассказов, стихотворений, публицистики. Произведения Ю.Красавина публиковались журналах: «Новый мир», «Знамя», «Наш современник», «Роман-газета», «Октябрь», «Нева», «Звезда», «Север», «Волга», «Москва», «Дальний Восток», «Дон», «Подъём», «Русская провинция».

Лауреат Всесоюзной премии им. Н.Островского за роман «Мастера» (1984).

ХУТОРОК

Повесть

1.

Попасть в него можно только так: вот если пойти в лес, к примеру, за грибами, и подступит к тебе со всех сторон непроходимое болото... Тут главное – что такие болота есть. Евгению Вадимычу достаточно было глянуть на карту, висевшую над диваном: вон хотя бы за Волгой от Московского моря до реки Медведицы на десятки километров ни одной ниточки-дороги, ни одного кружочка-селения - только штрихи, будто рябь на воде, да неверные очертания озер, безымянных и с именами: Светлое, Великое, Песчаное.

Ну, озера - это особая статья, потому что по ним можно ездить на лодке, а зимой они покрываются льдом, значит, любой берег достаем; нужны же вот именно болота, непроходимые и непроезжие в любую пору года – человек среди них живет, как на другой планете, которая недостижима. Вот эта недостижимость была главным условием и залогом того, что так, как вообразалось, может свершиться и на самом деле, мечта вполне исполнима.

А это ли плохо - жить далеко ото всех! Не видеть людей, которые тебе надоели, примелькались. А надоели и примелькались, признаться, все без исключения, каждый в отдельности и общим своим присутствием за стенами ли квартиры, на улице ли, в со-

седних ли домах. Городок небольшой, даже незнакомые прискучили, и хоть нет с ними тягостных отношений, но они создают тоскливый фон этой обыденной жизни.

А вот отправиться бы, скажем, по грибы, а там...

Так и плывет перед глазами: редколесье, водные зеркала, затянутые ряской или покрытые стрелолистом; ряска местами вскипает ядовито-зеленой пеной, на кочках телорез с осокой да аир, да высокая колючая трава неведомого названия; а кочки шаткие, неверные: шагнешь на иную - и ухнешь в воду; топь заколыхается, запузирится, забурчит; жутковато станет от этого колыхания и бурчания, необъяснимый страх мгновенно объемлет душу и тело. Уж тут не до грибов, а лишь бы выбраться на верную дорогу к дому. Но в какую это сторону – к дому?

Если день пасмурный, немудрено и заблудиться. Бывают такие глухие дни: ветер есть, но откуда, не поймешь; и облака то ли плывут, то ли остановились и закрыли солнце наглухо, будто войлочной пеленой. Так где юг, где север? Дальний шум города затих, только ветер шелестит в осоке да в трепетных осинках. Сумерки царят посреди дня!

И вот по трясине этой бултыхаешь, бултыхаешь, поворачивая туда и сюда, - топь все глубже, глубже, все безнадежней; бредешь, а вода уже выше колен... уже по пояс!.. и нет конца-края гиблому болоту! Запах багульника дурманит голову, болотный газ поднимается из топких ям, и не от этих ли испарений да запахов уже кружится голова? Мертво всё вокруг. Где-то в отдалении прокаркает ворона, а поблизости ни единой птахи, разве что сорока, пролетая высоко, засмеется над тобой, бедолагой: куда, мол, тебя болотные черти завели!

В водных зеркалах среди листьев водокраса и рдеста отражаются скелеты деревьев: хилые сосенки да робкие осинки умирают тут в ранней молодости из-за скудных условий жизни. Все они стоят криво-косо, на них тоже не обопрешься, и они не выручат в случае чего. А болотная вода тебе уже до подмышек, и вот уже по самое горло; ноги вязнут в илистом дне. Судорожно хватаешься

за ломкий валежник и корневища аира, за багульник и осоку, уже в панике, уже с отчаянным криком, готовым вырваться из горла!

И вдруг ноги нащупывают спасительную твердь. О, радость! – дно полого поднимается, скоро становится даже и не топким, а песчаным, и вода уже чиста, без ряски и гниющего лесного мусора.

И вот тут выбравшегося из трясины Евгения Вадимыча встречала громким заразительным смехом молодая женщина с тяжелым узлом волос на затылке, туго перехваченная в талии фартуком, с подошником или тазом выстиранного белья. Она смеялась, изгибаясь полным станом и приговаривая:

- А я-то... я-то испугалась: кто это... там пыхтит да фыркает? Не болотный ли дедушко?

Он сокрушенно обирал с себя опутавшие его плети рдеста, отжимал полы куртки – вода стекала зеленая от мелкой ряски или мутно-коричневая от ила. И уж полный конфуз: лягушка выпрыгивала из кармана, шлепалась на землю. Тут женщиной овладевал новый приступ веселости, а Евгений Вадимыч только улыбался смущенно:

- Заблудился вот... чуть не утонул. Гиблые у вас места.

Хотя что же тут гиблого, если стоял он на живописном берегу: сосны поднимались по пологому склону, заводи тихие...

Она замечала, что ладонь у него порезана осокой до крови, и тотчас переставала смеяться, брала его руку, озабоченно осматривала, сразу перейдя на сердечный лад:

- Ишь, угораздило его! Ну, пойдем ко мне, горе ты мое...

Да, именно так, ласково и сердечно: «Горе ты мое...».

Это была не городская женщина, с говором особенным, напевным, какой бывает только у тех, кто проживает в далекой глубинке и не испорчен телевизором да радио.

Ивовые кусты клонились с берега, тропка восходила меж папоротниками, а в папоротничках тех черничник с брусничником в россыпях ягод, ночные фиалочки-любки там и тут и никому не нужные грибы - моховики, дуплянки, а по подлеску молодые че-

ремухи, рябины со спелыми гроздьями, еще не склеванные дроздами. Сам же лес подпирал небо высоченными стволами сосен; и воздух отстоялся лесной, смолистый, бодрый, уже без багульникового дурмана, потому и в голове у Евгения Вадимыча прояснело, и глаза стали зоркие, и на слуху даже слабый треск веточки под ногами.

Тут и день из пасмурного каким-то образом становился ведренным: солнечный свет прямыми потоками падал меж кронами сосен, высвечивая стволы и рябиновый подлесок; и небо голубело среди вершин и пухлых облаков - видно было, как величаво плывут они, откуда и куда.

- А я нынче баню топила, - говорила эта ласковая женщина, мягко ступая впереди. - И кошка у меня с утра пораньше умывалась уж так-то старательно! А ночью сон приснился: будто нашла в крапиве гнездо с куриными яйцами, да большое - десятка на два. К чему бы, думаю, этот сон? А верно говорят: яйца приснятся - это уж точно кто-то явится. Вещий был сон, надо же! Вот и не верь после этого приметам!

Шагая сзади, он отмечал, что походка у нее этакая... залюбуешься! Всякое движение - взмах ли руки, поворот ли головы, просто ли то, как она ставит ногу, - все соразмерно, в лад, как звуки музыки. Это не изломанная обувью на высоком каблуке да твердым тротуарным покрытием походка - женщина, что встретила его, ступала свободно, мягко, как-то очень легко. Столь свободно и красиво могут ходить только дикие звери... да молодые женщины.

2.

Банька у нее старенькая, покосившаяся, с одним окошком и обомшелой кровлей; мосточек возле баньки нависал над чистой и спокойной заводью, а на глади этой - чашечки кувшинок белых на зеленых листьях-блюдцах. Встанешь на мосточке - и над тобой, и под тобой бездна с плывущими облаками!

Он лежал на полке, в сухом пару, когда открывалась дверь и входила эта женщина... нет-нет, не раздетая... А впрочем, иногда и обнаженная совсем. Ведь это случилось не раз: как он тонул, потом выбредал на сухой берег, как встречал ее и оказывался в баньке, куда и входила хозяйка, не жеманясь, а попросту, как жена.

- Ну, как ты тут? А вот я веничком тебя похлещу. Пару подавай! Пар костей не ломит.

Плескала ковшиком воду на раскаленные камни - от удара горячего воздуха вздрагивала входная дверь - и веником его, веником березовым, зеленым, приговаривая:

- А уж худой-то худой, как сто лет не кормленный! Это ж до чего мужика довели! И скотина-то в хороших руках добреет, а ты, знать, в плохие руки попал. Горе ты мое...

Тело разымалось на части от горячего пара и от блаженства, а она плескала на камни, прибавляя жару. И уж совершенно изнемогшего дружески спихивала с полка. Евгений Вадимыч выбежал нагишом на мосточек, взмахнув руками, лихо кидался в бездну, всем телом разом ощущая студеность и целительную чистоту воды. Он чувствовал себя воскресшим, бодрым каждой жилочкой; плавал среди кувшинок, а эта женщина стояла возле баньки и опять смеялась:

- Ты у меня из болотного роду-племени. Вишь, лысина-то блестит! Истинно как у водяного.

Сколь ласкало ему слух это «ты у меня»! Он чувствовал себя «попавшим в хорошие руки», и не было в этом для него ничего унижительного. Напротив! Он был избранным ею, ото всех отличным, заслужившим любовь и ласку. Да, и любовь. А почему бы и нет!

Она и сама бесстыдно выходила на мосточек, закручивая мокрые волосы, - тут он видел ее всю, и сердце замирало, того и гляди остановится вовсе. Она отважно кидалась в студеную воду - видно, донные роднички бьют в той заводи - и оказывалась рядом с ним; он до страстного содрогания чувствовал ее близость,

даже не касаясь. Если же касался, тело ее казалось ему обжигающе холодным и одновременно горячим... как-то так. Колени, груди, локти, плечи... Это была его женщина, ему принадлежащая! Одному ему.

Выходили на бережок, заворачивались в махровые простыни - хорошо-то как! - и она вела его к себе домой, что-нибудь весело рассказывая. А он и не слышал, что она говорит, только улыбался в ответ, потому что глаза ее говорили в это время другое.

А дом ее вот он, рядом, - избушка небольшая упяtilась под сосны и ели; и словно бы не построена, а выросла из земли, как вырастает естественным порядком гриб-боровик.

В домике том на столе ждали гостя кушанья, давно им забытые: топленая сметана в горшке, еще горячая, с пенкой румяной; щи с костью мозговой; потрошки бараньи жареные; крупеник, истомленный в масле коровьем; хлеб домашний, караваем с хрустящей корочкой...

От сытного обеда ли, ужина ли, да после банного-то пару он и засыпал счастливо.

3.

А проснувшись, Кузовков Евгений Вадимыч видел себя в своей небольшой квартирке, в комнате с выцветшими обоями - раньше-то дешевые обои не достать было, теперь вот лежат в магазине свободно и очень красивые, так цена какая!

Итак, он просыпался в меньшей из двух комнат-каморок, где из мебели помещался диван, платяной шкаф да столик со швейной машинкой, а больше ничего. Ну, еще два стула. Оттого, что для второго дивана тут не было места, а заменить первый на кровать вовремя не спроворили (теперь и кровать не купишь, и она не по карману), жена Татьяна спала на надувном матрасе, прямо на полу: Кузовковы уже не молоды, чтоб тешиться всю ночь в объятиях друг друга. Жена привыкла спать на полу. Ей казалось, что это временно, однако сказано же, что временное и есть самое

постоянное. Да ведь и на диване спать радости мало: с некоторых пор стала выпирать сквозь обивку сломанная металлическая пружина, и как раз в ребра спящему.

Проснешься поутру, откроешь глаза - и видишь прежде всего трещину вдоль стыка потолочных плит с высохшими дождевыми потеками. Трещину эту он, хозяин, не раз заделывал и штукатуркой и шпаклевкой, клеивал марлечкой да подбеливал, но дом дышал, как живое существо, потому, смотря по погоде, трещина становилась то пошире, то поуже, и как ее ни заделывай, она появлялась вновь и вновь. Думается, что и от слабого землетрясения силой в один-два балла это панельное сооружение распадется, подобно карточному домику. Ладно, хоть не бывает тут землетрясений, потому и стоит дом, не разваливается, лишь подрагивает пугливо, когда мимо проезжает тяжелый грузовик или высоко в небе скоростной самолет пересечет звуковой барьер. Вот еще при сильном дожде досаждала вода; с верхнего балкона она стекала прямо в шов между бетонными наружными плитами, а потом на плиты перекрытий. Верхние соседи в этом не виноваты, они уж пытались что-то там законопатить - виной всему строители, спешившие когда-то сдать дом к очередному празднику и отрапортовать о трудовой победе высокому начальству.

А в большой комнате, где сыновья, хватило места двум старым диванам, столу письменному (уж изрезан стол перочинными ножиками и испятнан чернилами до безобразия); телевизор там, залитый в новогоднюю ночь воском да так и не отчищенный; на телевизоре аквариум без рыбок, только с водорослями; на полу книги рваные, гантели, футбольный мяч с опавшими боками, постели, собранные комом и затиснутые в угол...

Чем взрослей становились сыновья, тем грубей, независимей, хамоватей - к порядку их призвать большого труда стоило. Теперь одному пятнадцать, другому тринадцать, и уж порода явно сказывалась: не в смиренного отца оба, а в мать - у той в роду все бузотеры да горлопаны, все без царя в голове. Когда женился, как-то не приходили в голову проблемы возможной наследствен-

ности, а теперь вот стал докапываться до причин - как не вспомнить женину родню!

В Татьяне эти наследственные гены проявлялись, между прочим, в своеобразной «доброте»: вот покупает она копченую колбасу - ну и загляни в кошелек, сообрази, надо ли еще что-то! Но она непременно хочет быть доброй, потому купит еще и сыру кило... Мало того, глядишь, на последние деньги еще и окорока. Все это она, придя домой, тотчас шмяк на стол и нарезает толстыми ломтями: ешьте, мол, на здоровье.

- Слушай, ну ты хоть не сразу все, - урезонивал жену Евгений Вадимыч. - Не праздник, ведь, нынче.

- Ну да, буду я тут... трястись над этим, - в сердцах отвечала Татьяна.

- Чего хорошего - все за один присест съедим? А потом зубы на полку?

- Ну и черт с ним! Съедим, и спрашивать не будем.

- По одежке протягивай ножки, по одежке! - сердился он.

Тут и она поднимала голос:

- Ты под старость совсем сквалыгой становишься!

- Таня, капитал наш велит нам быть бережливыми, - тихо и виновато говорил он.

- Зарабатывать надо уметь, а не беречь, как Плюшкин.

Вот и весь разговор. Даже литературный пример привлечен. Сыновья при этом осуждающе смотрели на отца, но ведь и к матери они особого уважения не испытывали! Оба родителя, по их мнению, лыком шиты. Она учительница, он инженер, а зарабатывают тот и другой меньше последнего дворника с начальным образованием.

Сыновья жили в соседнем, сопредельном пространстве, то есть по-своему. Совсем рядом, но поди-ка до них докричись. Вадике с Петькой, видимо, нравилось, что в их комнату можно заходить с улицы, не снимая обуви, и сразу ложиться на диван; иной раз, глядишь, сухие комья грязи тут и там - подмести или уж тем более помыть пол обитатели этой комнаты считали для себя делом зазорным.

- Мне легче самой обратиться, чем их заставить, - тоскливо говорила жена и добавляла, - а самой-то некогда.

И он знал, что легче: если прикрикнуть на сыновей, старший не отзовется - окрысится:

- Только и знаешь ругаться! Больше ты ничего не умеешь.

В этом будет явный упрек: раз отец мало зарабатывает, значит, человек он неспособный, а потому и не должен рассчитывать на их повиновение.

Иногда сыновья приводили с собой компанию приятелей, некоторые были с отвратительно выбритыми головами и крашеными волосами, с прическами в виде петушиных гребней; компания приносила с собой магнитофон, открывала окно на улицу и врубала музыку. Именно врубала, другого слова не подберешь. От музыки этой щель в потолке становилась явно пошире, стекла дребезжали, мелкие вещи падали со стола... Как было выдержать это долго? Кажется, продлись испытание еще полчаса, и с ума можно свихнуться.

- Ну что у вас тут? - раздраженно говорил Евгений Вадимыч, входя в сыновнюю комнату; а говорить приходилось в повышенном тоне, иначе его не услышали бы. - Притон устроили? Малину?

Уж какое недовольство отражалось на их лицах в ответ на его слова! Словно он творил сущую несправедливость из-за неспособности постигнуть красоту этой музыки. Но сколь противно было видеть хотя бы то, как сидели они, разложив и развесив части своих бранных тел по подлокотникам диванов, по спинкам стульев, по полу и на столе.

- Жалко тебе? - огрызался Вадик. - Кому мы мешаем?

- Соседей пожалейте! Вы не одни в этом доме.

- Мы музыку слушаем. Пусть и они кайф ловят.

- Это не музыка, а крест для распятия! Это дыба! Это приспособление для пытки!

Компания с нарочитой ленью поднималась. Последним уходил Петька и тоже огрызался на ходу:

- Куда мы пойдём? По подъездам шататься?

Не было сил отвечать, доказывать, воспитывать...

После их ухода в квартире надолго оставался запах курева, которого Евгений Вадимыч тоже не переносил; окурки валялись в туалете, в цветочных горшках, на балконе. Оставались и припрятанные бутылки из-под пива, и воздух, возмущенный рок-музыкой, басистыми неокрепшими голосами, хамским смехом.

Что за проклятая жизнь!

4.

Тоска была в душе, когда шел домой. Хотелось приткнуться где-нибудь, пересидеть до следующего рабочего дня. Потому как лекарство от недуга, были грезы о домике том, что упятился в сухой лесной сумрак... Герань стояла на окнах, солнечные пятна лежали на чистых половичках, белый рушник с красными петухами висел над зеркалом, кружевная накидка на подушках; пахло там цветущей геранью, теплой печью, липовым медком, сдобным тестом... Хозяйка ступала по чистому половичку босыми ногами мягко и неслышно, приносила в решете пироги с пылу, с жару.

- Что-то нынче не задались, - говорила она озабоченно. - Боюсь, перестояло мое тесто. Да и подгорели, кажется: вишь, жарко печь натопила.

Ничего не подгорели: просто хорошо зарумянились те пироги, каждый цветом ее щекам подстать. Ах, какие пироги! С яйцом, с лучком, с гречневой кашей, с яблоками и лесной ягодой.

- Нет, нынче с грибочками, - говорила стряпуха, разламывая один из пирогов. - Прямо за огородом, на канавке два белых нашла. А в осинничке возле бани, гляжу, стоят подберезовики - веришь ли? - один к одному, восемь штук. Этакие черноголовенькие, на толстых ножках. Я их поджарила с лучком, да и в начинку. Ну-ка, гость дорогой, выручай хозяйку, ешь на здоровье.

Гость «выручал», а беседа шла своим чередом.

- Что же, грибов нынче много? - спрашивал он с полным ртом.

- Сначала-то коровочки пошли - это как ржи заколоситься, - отвечала она. - Ну, этот слой уж к Иванову дню и прошел, разве что моховики остались да маслята, а то и коровик попадетса - я их не беру.

- Пстой, что это за коровочки да коровики?

- А белые же! Мы их так зовем. Которы молоденьки - те коровки, а если шляпка снизу позеленела, ну этот дед-коровик.

- Впервые слышу, - вел свою игру Евгений Вадимыч.

- Уж потом, в августе, после Спаса-яблочного коровок да коровиков бывает ужась сколько. Ну, и подосиновиков тоже, подберезовиков - это за протокой, в березняках. Там же грузди, рыжики, волнушки...

- Грузди белые или черные? - уточнял Евгений Вадимыч, замирая сердцем.

- А толстые такие, самые настоящие. Я их прямо в кадке солю, не отваривая, и в погреб спускаю. А в маленькую кадучку - рыжики. У меня еще прошлогодних в той и в другой кадках осталось, ужотко достану...

- М-да... Красиво жить не запретишь, - качал головой Евгений Вадимыч и принимался за следующий пирожок.

- Рыжиков бывает тьма-тьмущая, - продолжала хозяйка. - Иной раз приду в Белоусово - лощинка такая за бором сосновым - их там столько, что большую корзину наберу, а они все стаями, стаями... Я с жадности-то даже разревуся: жалко оставлять, а и себе уж довольноно.

Признавшись в этом, она смеялась, потом добавляла:

- А с белыми замучаюсь сушить!

Он слушал ее, как слушают волшебную сказку. В этой сказке было так много отрады, что на душе и легчало, и светлело. Они сидели рядом; он чувствовал плечом ее плечо и, чуть повернув голову, видел ее блестящие глаза, голую полную руку в коротком рукавчике, завиток волос на виске.

Хозяйка хуторка обращалась к нему попросту «Вадимыч»,

и это тоже нравилось ему. Такое могла позволить себе если не жена, то очень близкая женщина, та, которая имела доступ к его сердцу, и с которой было вот это полное сердечное согласие.

- У вас там, в городе, еда, небось, получше моей, - ревниво говорила она. - Я тут живу попросту, по-деревенски, как умею... пряники ем неписанные. А вы причиндали всякие любите, пирожное-мороженое. Так, да?

5.

Дома у Кузовковых пироги не пеклись: Татьяна не любила стряпать. Если что-то и затевала, то отнюдь не по доброму желанию, а понуждаемая сыновьями или мужниными упреками. И если уж принималась, то непременно с ворчанием, с сердитым стуком, бряком и звяканьем.

В последнее время Евгению Вадимычу понравилось заходить в маленький частный магазинчик, что открылся недавно возле магазина большого, государственного; там, помимо всего прочего, можно было взять стакан кофе с коржиком к нему. А подавала, между прочим, женщина по имени Людмила - это была одна из тех вальяжного вида женщин, которых называют сдобными: крупная, белотелая, полнокровная, ей всегда было жарко, в любую погоду. У нее красивые руки с ямочками на локтях, и на щеках тоже ямочки, лицо этакое приветливое и всегда спокойное. Нет, она не годилась на то, чтоб поселиться в хуторке среди болот, но... какие у нее плечи!

Евгений Вадимыч заходил сюда в обеденный перерыв и всякий раз огорчался, если вместо Людмилы работала другая, пожилая уже; эта тетка была проворней, но при ней почему-то уютно становилось в магазинчике.

А Людмила двигалась замедленно, щелкала на счетах, шевеля губами, будто говоря: «Ох, считать-то мне - нож острый!». При ней он непременно брал кофе с пирожком и, отдыхая за единственным столиком, посматривал на эту женщину с грустью, как

на витрину валютного магазина: не ахти что, а все-таки недоступно.

Каждый раз с обидой неизвестно на кого ему думалось: вот ведь замужем, конечно, эта Людмила... А муж кто? Небось, какой-нибудь замызганный мужичок, который запивает по выходным дням и тискает эти белые плечи, белую грудь нечистыми лапами. А пахнет от него скверным куревом или чем-нибудь похуже.

«Нет, - снова и снова говорил он себе, - эта женщина не годна для хуторка - грузновата слишком... от хороших харчей да хорошего аппетита. В ней нет живости, огня, воодушевления. Она живет, чтобы есть, а надо наоборот: есть, чтобы жить. Жить! Вольно, свободно, не подчиняясь чьим-то прихотям, приказам, не оглядываясь на кого-то, кто над тобой начальствует, - вот что такое жить по-настоящему. А не затем, чтоб служить собственному желудку».

Но это было несправедливо - думать о Людмиле так: ведь, было же в ней что-то, навевавшее успокоение, утишавшее досаду и раздражение. Уж наверняка мужу спокойно живется возле такой доброй крупной женщины.

«Как за каменной стеной», - усмехаясь, думал он, следуя за нею глазами.

Конечно, она и в любовных утехах ленива да неповоротлива; уж сама не поцелует, не обнимет... но мужу покорна, податлива, пусть даже от той же лености.

Как бы там ни было, в этом магазинчике Евгений Вадимыч чувствовал себя корабликом, зашедшим в уютную гавань после долгого плавания по бурному морю. И жаль, что неловко было сидеть тут со стаканом кофе долго, и тем более неловко затевать пошлое ухаживание: как-никак летами он за сорок и уж лысина ото лба до затылка, и морщины на лбу, и резкие складки у рта, да и вообще неказист - что за ухажер! Но вина ли это, что не потерял он интерес к молодым делам?

Жена Татьяна с годами утратила женскую округлость и обрела угловатость и в фигуре, и в повадке; ей стало свойственно

постоянное беспокойство, она стала нервной - по всякому поводу, даже мелкому, готова поднять крик; особенно же ее раздражали дела кухонные: тут она давала себе волю, и тут уж лучше к ней не подходить.

Татьяну можно понять: кухня тесная, газовая плита работает кое-как - может, заржавела, а может, просто неспособна к делу со дня своего появления на свет. Слесари-газовщики, навещавшие ее, говорили обычно: «Хотите пироги испечь - ставьте другую, эта не годится». Но сначала ему не до того было, а где теперь вот взять новую плиту? В комиссионном магазине продается, да цена ей - если не есть и не пить этак полгода или месяцев восемь, тогда только накопится нужная сумма.

6.

В последнее время то, что творилось с ценами, способно довести до сумасшествия или до самоубийства. Не только они, Кузовковы, в отчаянии - весь городок придавлен и угнетен, будто каждый из жителей несет на плечах невидимую тяжесть, как мешок с песком или цементом. И не сбросишь с себя эту ношу, даже когда спишь.

Месяц назад в соседнем доме девушка повесилась: не могла купить сапоги, в старых ходить стыдно. Ну, что-то еще ее толкнуло. Записку, однако, оставила такую: родители, мол, обеднели вконец, а сама заработать не может, потому не хочет так жить. В записке той она прокляла жизнь, в которой все усилия идут на то лишь, чтоб наполнить собственный желудок. У нее там, в записке, было сказано резко, так что даже и не повторишь без внутреннего содрогания.

Признаться, случай этот так поразил Евгения Вадимыча с Татьяной, что они теперь уж не решились делать выговоры сыновьям за беспорядок в их комнате, за поздние возвращения домой, за школьные «подвиги» в виде двоек, прогуливания уроков и прочего. Пусть творят, что хотят, лишь бы живы были. Вот только с

музыкой бум-бум-бум и блям-блям-блям, с истошными воплями их любимых рок-певцов Евгений Вадимыч примириться не мог. Легче было повеситься, чем терпеть это. А упреки, что ж, вынести можно.

- Зачем вы нас на свет родили, если не можете одеть-обуть, как следует? - спрашивал старший уже не раз.

Он спрашивал не интересу ради - нет! Упрекал. И в таком тоне, что Татьяна справедливо называла его словом «буркнуть»: не сказал, а буркнул.

- Откуда мы знали, что так будет! - пыталась она защищаться.

- Надо было знать, - огрызнулся сын. - Вы при социализме жили, то есть при плановом хозяйстве. Что же так плохо плановали?

- Мы вас не просили нас родить, - буркал и младший, подражая старшему.

Евгений Вадимыч в разговор обычно не вступал, сдерживался, только потирал ладонью то место в груди, куда больно стучало сердце.

А в городе новая мода пошла у молодежи: по вечерам бить витрины магазинов. Что-то в них просыпалось, в этих молодых вандалах: протест? отчаяние? озлобление? Просто швыряли камнем в стекло, которое побольше, и убегали. У каждой витрины милиционера не поставишь, а сами жители из квартир не высывались: страшно. По некоторым замечаниям той компании, которая приходила к Вадику и Петьке, можно было догадаться, что ребята каким-то образом к этому делу причастны. Если не били стекло, то уж видели и знали, кто разбойничал. Расколошматили все газетные киоски, вдребезги разнесли витрины книжного и спортивного магазинов и даже широкие окна зала бракосочетаний. Местные частники стали одевать свои торговые будочки железными листами, как в броню, а спортивный магазин уже закладывал витрины кирпичной кладкой. Впрочем, это раньше был он спортивным, а теперь в нем и банки с рыбными консервами, и перьевые подушки, и сковородки с кастрюлями. То же и в книжном.

- Вадя, если узнаю, что ты хулиганишь, пощады от меня не жди, - пригрозил Евгений Вадимыч не очень уверенно.

- Сначала застукай на месте преступления, а потом говори про пощаду, - заявил тот в ответ. - Сходи к юристу, узнай свои права.

Сказано было таким тоном, что пришлось прикладывать ладонь к груди и поглаживать, утишая сердечную боль.

- Ты как с отцом разговариваешь? - заступилась Татьяна, заметив, что муж взялся за сердце.

- А как? Нормально, - огрызнулся сын жестким голосом.

В таких случаях Евгений Вадимыч запирался в ванне, открывал кран, чтоб ничего не слышать. Он сознавал себя слабохарактерным, безвольным, и потому тоска была в душе.

«Зачем я их родил? - думал он о сыновьях. - Что за странная прихоть у людей: производить на свет себе подобных? Насколько лучше было бы без них!"

С некоторых пор ему казалось, что он потерял сам себя. Словно лучшая его половина отделилась и исчезла, и оттого теперь нет у него, у Кузовкова Евгения Вадимыча, ни решимости, ни воли.

7.

А ведь когда-то был орёл! Ну, если не орёл, то уж во всяком случае не мокрая курица. В институте учился - кто лучший танцор, ухажер, гитарист, волейболист? - Женька Кузовок! Случись драка - и в драке был неплох. А поехать куда-нибудь и уговаривать не надо: со студенческим отрядом где только не побывал! И на туркменском хлопке, и на рязанской картошке, и на астраханских арбузах. На байдарках ходили по Каме и Витиму, и по Катуню; в пещеры лазили.... Во всяком предприятии он был самый заводной, самый предприимчивый. Каждое такое путешествие, каждое событие поднимало его в собственных глазах, потому и был он орёл! Теперь же духом упал и дерзость утратил: даже стал как бы ниже ростом, голосом тоньше, глаза обрели собачью грусть: от

завтрашнего дня уж не ждет ничего отрадного.

Укладываясь спать, он слышал, что жена ворочалась на своем надувном матрасе, шмыгала носом. К концу-то дня она выматывалась на работе так, что сил не хватало на ссоры, только на слезы. Пожалуй, лишь в слезах проявлялась ее женская сущность, а больше-то ни в чем.

- Не плачь, - сказал он, жалея ее.

- Обидно, - отозвалась она. - Маешься-маешься... все ради них, а они...

- Ты не думай об этом.

- Как же не думать! Что я завтра на стол поставлю? Мясо нынче знаешь почему? А масло сливочное? А колбаса? Две наши зарплаты сложить, да купить этих продуктов - за неделю съедим. А дальше что? Вот и варю пшеничную кашу да картошку, картошку да пшеничную кашу. А они попрекают - каково слушать!

Имея диплом преподавателя истории, она работала в детском садике; там у нее полторы ставки, значит, каждый день полторы смены отработать надо. Приходила домой охрипшая, усталая - целый день на ногах!

Да ведь и он тоже поздно возвращался домой, и у него работа - не сахар. И лихорадило то, что на его заводе третий месяц не выдавали зарплату, к тому же всех будоражили слухи: вот-вот сокращение грядет.

- Не думай об этом, - повторил он, вздыхая.

- Я удивляюсь на тебя, Женя: ты какой-то спокойный.

- А кабы мне за беспокойство деньги платили, я б только и делал, что беспокоился.

- Не платят, ты и спишь крепко?

- У меня снотворное, - сказал он и признался, ее жалея, словно поделился последним. - Я вот лягу и представлю себе... будто пошел в лес за грибами да и заблудился. Обступили меня болота со всех сторон!.. И уж тонуть начал - никак не выберусь! Но - выбрел на сухое. А тут, на бережку, женщина стоит и смеется, глядя на меня, облепленного тиной. Встречает, будто знакомого.

- А женщина эта с тонкой талией и широкими бедрами, - хмыкнула Татьяна.

- Ну!

- И что потом?

- А потом... Представь, живет она на острове, этакий хуторочек, и нет к ней ниоткуда пути, ни по воде, ни по сушу. Это вот примерно между Волгой и Медведицей - там болотный край. Не знает она ни телевизора, ни газет с этими гнусными политическими новостями и знать не хочет. Ей дела нет, кто и где и с кем воюет, кто нынче правит нашим государством, где озоновая дыра образовалась, какие цены на рынке... Она просто живет! Радуете жизни. Домик у нее, рядом береза со скворечником, огород, сарай с сеном...

- Коровушка с теленочком, свинья с поросеночком...

- Да. Коровка рыжая, как солнышко, и теленок ей в масть. В криночках молоко настаивается - сметана будет, простокваша, творог... и каждый день парное молоко, утром, в обед и вечером.

Хм, прямо-таки волшебные слова: сметана, творог, простокваша... как заклинание.

- Вот я криночку выпью да и усну, - заключил Евгений Вади-мыч, словно песню оборвал на полуслове.

- Ты неплохо устроился, - подумав, сказала Татьяна мирным голосом и замолчала.

Он решил, что жена уснула, но она вдруг спросила тихонько:

- Жень... А улы у нее есть?

- Есть... в огороде шесть штук и еще где-то в лесу столько же, - помолчал и добавил. - Там липы много... целая роща. В кладовке мед по сортам хранится: липовый, гречишный, цветочный...

- Хочу липового, - сказала Татьяна. - В школе у меня подруга была, дед у нее улы держал. Помню, пришли мы к нему, он и достал для нас рамочку. Вот как сейчас вижу... и во рту сладко.

8.

А он вышел на тесовое крылечко, этакое покривившееся, ступеньки шевелились под ногами. Как так - непорядок! Взял топор, клинышек вытесал, забил - вот теперь крепкой стала ступенька. За нею тем же манером и вторую, и третью. Огляделся - за крыльцом жерди, доски, тачка с обломанной рукояткой. Осмотрел эту тачку, мастеровито вытесал, прибил новую рукоятку, придирчиво осмотрел свою работу и остался доволен: крепко! Под старой березой столик был врыт, но одна ножка подломилась - он и это живо поправил - приладил новую ножку.

И тотчас еще дело нашел: калитка огородная совсем хила, по земле чертит, когда открываешь-закрываешь. За час работы, а вернее за три минуты, смотря каким временем мерить, смастерил калиточку - загляденье. Навесил ее, смазал петли ржавые, чтоб не скрипели, несколько раз открывал-закрывал - порядок!

Хозяйка мимо прошла, похвалила:

- Вот что значит мужик в хозяйстве появился!

Ему стало лестно от этой похвалы, даже плечи расправил. Прошелся вдоль изгороди, оглядел ее критически, пошатал столбы, и опять за дело: в лесу вырубал сухостоинки - молодые елочки, не дожившие сроку, - из них хорошие колышки получались; приносил по полсотне за раз - ставил новую изгородь вместо прежней.

- Да отдохни ты! - уговаривала хозяйка, но так, ради похвалы.
- Ишь, какой непоседа! Моих дел не переделаешь.

Как ее звали, эту женщину, что ходила мимо, овевая его подолом широкой юбки? Наверно, какое-нибудь простое имя...

- А как тут у вас насчет рыбы? - спросил он. - Водится или нет?

- А ты к озеру сходи под вечер, послушай, как бултыхает, - живо отозвалась она. - Там и судак, и щука... Я-то в этом деле не смыслю - ни разу не лавливала. А тут вон даже возле баньки нашей окуни плотву гоняют.

«Сети сплету, - подумал Евгений Вадимыч. - Крупноячеистую поставлю на озере, а в заводи можно парочку «телевизоров» поставить... Утром проверил да вечером - десяток-другой окуней на уху...».

9.

- Женя, а как ее зовут? - слышался шепот.

- Кого?

- А вот женщину эту?

- Не знаю.

- Наверно, какое-нибудь деревенское имя, - вздохнула Татьяна.

- Да уж у нас с тобой городские! - отвечал он ревниво.

А изгородь уже радовала его взор: и столбы в свежих затесях, и колышки ровные - получалось прочно, надежно, празднично. Он видел, что и крыша дома стара, и журавль колодца покосился, и оглобля у телеги сломана, и бочка в огороде рассохлась, и лемех у плуга затупился - значит, надо drankу щепать, столярничать, оттягивать лемеха в кузне, набивать обручи... Обилие этих истинно мужских дел радовало его и воодушевляло настолько, что хоть сейчас топор в руки да и за работу.

- Я б сама у нее пожила маленько, - тихо говорила жена для себя самой. - Господи! Разу не пришлось ни у кого влать погостить. Хорошо-то как: тебе готовят... собирают на стол... потчуют и тем, и сем... посуду моют. А ты сидишь себе барыней! Уж я б там отдохнула... за все эти годы. А то ведь просвету не знала.

Сыновья за стенкой бубнили что-то свое, кажется, ссорились, а у родителей в маленькой каморке было тихо и мирно, даже благостно.

- Жень, я иной раз подумаю: как нам с тобой в жизни не повезло! Ни у меня матери или ласковой свекрови, ни у тебя тещи или какой-нибудь доброй тетки или бабки. Чтoб поехали мы с тобой, а нас встретили, приветили... Ах, я б погостила... у этой женщины твоей на хуторке.

Евгений Вадимыч слушал, немного досадуя: какого черта жена с ним увязалась! Одно дело - если он там один, и совсем другое - если с женой. Сразу исчезли романтический туманец, окутывавший дом и хуторок, и остров посреди непроходимых болот.

- Тебе туда не добраться, - сказал он. - Болотина там гиблая на много километров. Даже зимой трясина дышит, и по льду не пройдешь, не бывает льда. Только самолетом... и потом прыгать с парашютом.

- Как же она там оказалась? Прошла же... и корову провела. Небось, и не одну только корову.

- Наверно, это было давно. Я думаю, ее деды-прадеды поселились там когда-то. Может, случилась особо суровая зима, болота сковало льдом, вот и добрались. Она выросла на острове и живет-поживает, ни в чем особо-то не нуждается.

- Как интересно! - вздохнула жена, засыпая.

А он по-хозяйски прохаживался по огороду - на грядках морковь кудрявилась, лучок прыснул длинными стрелами, огурчики уже завязались - торчат тут и там, держа на зеленых боках капельки росы. И подсолнухи цветут, и укропчик благоухает, и вишенки спеют, и... да чего там! Все есть, как тому и быть должно.

- Таня! - позвал он тихонько, желая поделиться новыми подробностями.

Но жена не отозвалась, спала сладко.

10.

За грядками, между прочим, оказался обширный участок с картошкой, уже пестреющей белыми и фиолетовыми цветочками, Евгений Вадимыч взялся ее окучивать.

- Тут я пораньше посадила, - сказала женщина, появляясь рядом с ним; и пахло от нее молоком парным, тестом сдобным, телом ее молодым... - А за огородом у меня еще разделана большая полоса. Земля там подзолистая, картошечка низкорослая, но, зна-

ешь, урожай неплохой бывает. В прошлом году и в позапрошлом по двести ведер накапывала я - для поросят.

Он знал, что их у нее не меньше трех, разного возраста, а еще и овец с десятков - тут же неподалеку гуляли; и теленок на них смотрел из-за изгороди.

- Землю известковать надо, - посоветовал Евгений Вадимыч, имея ввиду тот участок, что за огородом, а сам при этом волновался неведомо отчего. - И потом еще вот что: боровки картофельные ты неправильно расположила - их надо с севера на юг ориентировать, чтоб солнце за день прогревало с обеих боков.

- Ишь как! - удивлением своим она будто похвалила его. - Откуда тебе-то ведомо? Ты ж городской!

- Каждый мужик в пределах своей мужской профессии должен знать и уметь все: и картошку сажать, и изгородь ставить, и ребятишек сочинять.

Она так славно засмеялась! И смехом своим окрасила некоторую неловкость его суждения.

На том лугу, где теленок гулял, стояли невысокие стога.

- Сено в копны класть - одной-то несподручно, - пожаловалась она. - Да хоть чего возьми! Одна и есть одна.

Он согласно кивнул: да уж, мол, что и говорить, в одиночку и птица не живет.

- Мужика не хватает в моем хозяйстве, - заключила она и смутилась.

- Это верно, - отозвался он. - Ну, ничего. Сено мы перекадем, в больших стогах оно сохраннее.

Говорил это, а сам не мог отвести от нее взгляда: голые руки и плечи этой женщины покрыты были ровным загаром, голова на полной шее горделиво откинута назад, словно бы от тяжести волос.

- Как тебя зовут?

- Мила.

Мила... Какое славное имя! Оно как раз для женщины с ямочками на локотках, с доверчивым взглядом больших синих глаз...

- Жень! - слышалось с надувного матраца, так что он вздрогнул.

Татьяна переворачивалась на другой бок, шурша своим матрацем.

- Чего тебе? - отозвался он. - Не спится?

- Да уж уснула, и вот приснилось, будто я и вправду... Она, что же, совсем одна живет?

- Одна... Весь и хуторок - только этот дом да два сарая, да колодец с журавлем, да банька на берегу.

- И никого там больше нет?

- Нету.

Татьяна затихла, а через несколько минут опять подала голос:

- Как хорошо! Живешь в лесу - ни тебе шуму, ни гаму, ни гвалту.

- Тихо там, - доверчиво подтвердил Евгений Вадимыч. - И летом, и зимой.

- Какая смелая! Надо же, никого не боится, даже вот мужика, который из болота вылез.

Тут уже слышалась легкая насмешка над ним. Но он не обиделся.

- Меня ли бояться! Я смиренный. Да она в случае чего оплеуху отвесит - на ногах не устоишь.

- Никого ей не нужно, - размышляла вслух Татьяна. - Как отрадното! Тишина... петух поет по утрам. Кукушечка кукует.

Голос у нее был сонный, вот-вот опять отплывет.

- Зато магазинов нету, - подсказал он, желая отпугнуть жену от заветного острова, как постороннего человека от грибного места. - И рынка тоже.

- А зачем ей это? - тотчас возразила Татьяна. - У нее все свое: и молоко, и мясо, и овощи.

- Заболеешь - «скорую» уж не вызовешь. И сама в поликлинику не пойдешь.

- Да на черта ей доктора! Она от такой жизни здорова.

- Скучно там, - подсказал он.

- Это разве что с непривычки. А если постоянно там жить, нисколько не скучно. У нее ж корова, и теленок - с ними наговоришься, оно и повадно. Небось, и собака есть.

- Есть.

- Я б хотела, чтоб это лаечка была. Я люблю лаек.

- Тихо там, - опять повторил он. - Коростель кричит, пеночка поет, зяблик посвистывает.

Та пеночка и тот зяблик словно бы запели и в квартире у Кузовковых. И шум лесной донесло сквозь стены. И запахло сосновой смолой, багульником, сеном...

- Жень, а кошка у нее есть?

- Конечно. Где это ты видела, чтоб в деревенском доме не было кошки? Гуляет там с котятами.

- Откуда котята, Жень, если кота нету? Да и корова будет яловой без быка, и все-прочее. Тут что-то ты не додумал.

Он сказал, как бы размышляя вслух:

- Наверно, неподалеку еще остров есть, и там другой хуторок.

Объяснение вполне удовлетворило Татьяну.

- Хорошо-то как! - сказала она и почмокала губами, будто меду с ложечки приняла. - Слушай, а ты с этой женщиной... в каких отношениях?

Спросила, и слышно, что улыбается.

- Небось, на всю ночь остаешься?

Нет, это она не из-за ревности. Просто любопытно ей, далеко ли заходит муж в воображаемой игре.

- А я только до пирогов добираюсь и на этом сразу засыпаю, - сказал он и тоже улыбнулся.

- Этак-то она тебя намахает, - хмыкнула Татьяна. - Тоже мне! Пришел к молодой красивой женщине, поел и уснул. Мне стыдно за тебя, Жень!

- Да ладно, - благодушно отозвался он.

11.

Каждый день приносил череду неприятностей, и не было этому конца. То в замочную скважину ребятишки засунули спичку и ключ не входил; то в лифте кто-то нарисовал похабщину; то вывинтили электрическую лампочку на лестничной площадке и тут стало темно - они теперь дорогие, эти лампочки, вот и воруют их; то, глядишь, кто-то накидал у двери яичной скорлупы...

Случались неприятности и покрупнее: вдруг погас экран телевизора и звук пропал... Евгений Вадимыч проверил предохранители - так и есть, перегорели. Сменил - они тотчас перегорели снова. Купил еще пару, поставил - результат тот же: значит, что-то серьезное. Вызвал мастера - пришли сразу двое, толстый и худенький, оба в подпитии. Толстый открыл крышку телевизора, его товарищ стал ковыряться, должно быть не попадая отверткой, куда надо, потому что слышалось:

- Ты что, сдурел?

«Раскурочат они мне телевизор», - запоздало спохватился Евгений Вадимыч.

Но мастера с делом справились в пять минут: что-то там припаяли, на экране четко обозначилась «картинка». И звук обрел себя. Толстый обратился к Евгению Вадимычу:

- Ну, мужик, тебе как лучше: или мы напишем ремонту на четыре сотни, или ты нам поставишь две бутылки водки.

«Четыре сотни! - похолодел хозяин телевизора. - Да у меня месячный заработок не больше двух тысяч».

- Лучше водочки, верно? - развязно подмигнул толстый. - Посидим, покалякаем, выпьешь с нами.

- Я не пью, - сказал Евгений Вадимыч виновато.

- Да и мы не пьем! Так, ради знакомства с хорошим человеком. Пару бутылок на троих - это немного.

Худенький был совестливее, сказал тихо:

- Да ладно тебе, Сань, одной хватит. Тут и делов-то было...

- А соображенья сколько потратили? - нахраписто заявил его

товарищ. - По-твоему, мозговая работа ничего не стоит? Или мы с тобой по институту не закончили, скажи? Да мы все логарифмы по периметру прошли! Это что, пустяк? Пусть платит!

- Да ладно, Сань.

- Ну, хорошо. Давай, мужик, один пузырь и закуски нам собери.

Евгений Вадимыч мысленно прикинул: бутылка водки стоит двести рублей, а заартачишься - придется платить четыреста. Они, ведь, действительно, могут «написать ремонту» сколько захотят. Чего и не было, да было! Вздохнул, добыл спрятанную поллитровку, выкупленную еще по талонам прошлой зимой: сам он как-то не имел склонности к выпивке, потому и хранилось долго.

И сидел он с этими телемастерами, страдая от их постоянного «Слушай сюда, мужик!» и от того, что в качестве закуски на столе была лишь тарелка с макаронами; слушал их пьяный треп, изображая заинтересованность. А куда денешься! Приходилось терпеть. А то ведь в следующий раз могут и вовсе не прийти. Скажут: это, мол, тот жмот, с которым ни выпить, ни поговорить.

Худенький жалобился: опять, мол, жена ругать будет, домой хоть не являйся.

- Спросит: денег принес? А что я принесу, если куда ни приди - ставят водку...

Хозяину почудился в этом упрек: не дал денег, спаивает, как и все. Но ведь они же сами предложили!

- Ты поплачь, - поддразнивал толстый, хлопая напарника по спине.

А тому хотелось душевно поговорить.

- У меня, мужики, одна отрада: сяду на велосипед и уеду на дачку свою. Там хорошо... топориком тешу, что-нибудь приколачиваю.

- Хорошая дача? - сочувственно спрашивал Евгений Вадимыч.

- Да так, с собачью конуру... Зато тихо, никто не ругается. Если б не дачка, не знаю, как бы я жил. Жена загрызла бы... толь-

ко там и спасаюсь...

- Ишь, дал волю бабе! - шумел толстый; он водку пил, как воду, даже не морщась. - Не-ет, у меня не вякнет. Лишь бы домой пришел. А то ведь я могу и заночевать где-нибудь... Я иногда, это самое...

Он старательно подмигивал: вы, мол, понимаете? У него, мол, есть кое-кто на стороне.

- А касательно того, что для души, - у меня гараж. Вот там я, мужики, как на курорте. Машина старенькая, уж не бегаёт, зато ремонту требует много. Я ее холю-лелею, тачку эту. Сидишь, что-нибудь подтачиваешь, подкручиваешь... радио играет, бензинчиком воняет... в шкафу водочка стоит, стаканчик, бутербродик... а сон сморил - на топчан вальнулся и храпака минуточек на двести-триста. Хорошо!

Он опять хлопал напарника по плечу:

- Юра! Сейчас пойдем ко мне в гараж. У меня там осталось.

А того уж развезло.

- Не-ет... Я на дачу к себе.

«Тоже живут, как рыба подо льдом, - невесело размышлял хозяин. - Хорошо, когда есть маленькая отдушина...».

- Ребята, - говорил он, подлаживаясь под хамский тон собеседников, - а почему бы вам не начать собственное дело? Откройте мастерскую, будет своя клиентура, конкурентов одолеете качественным обслуживанием, приветливостью...

- А на хрена козе баян? - тотчас возразил толстяк. - Нам и так хорошо. Верно, Юр?

- Деньги будете грести лопатой! - убеждал Евгений Вади-мыч. - Сами себе хозяева - чего лучше! Это ли не свобода! А главное - так интересней жить!

Они ему в ответ, как неразумному:

- А запчасти где возьмем? Так-то нам поступают централизованно. Мало, не хватает, - пусть у начальства голова болит, где достать. А наше дело телячье: есть запчасти, - работаем, нету - гуляем.

- А вы найдете! Наладите связи...

- Да ну! Или мы плохо живем? Скажи, Юр! Пока у вас есть телевизоры, мы всегда будем желанными гостями. Вы и позовете, и приветите, и в глаза будете заглядывать просительно, и водки нальете сколько нам надо. Что, разве не так?

- Так, так, - покорно кивал головой Евгений Вадимыч.

- Ты не обижайся, мужик: если овец не стричь, они шерстью зарастут и вовсе одичают. На то и волк в лесу, чтоб карась не дремал. Понял?

Они были несокрушимы со своей логикой.

- Ты-то сам чем занимаешься? - спросил толстый. - Или только советовать? У нас страна советов! Открывая свое дело, коли такой умный.

- Я мастером на заводе, - объяснил Евгений Вадимыч. - Мы опоры высоковольтные делаем, на этом частный бизнес не откроешь.

- А ты в заборе дырку проломи да и торгуй этими опорами. Их дачники-умельцы, вон вроде Юры, для теплиц приспособят.

Тут они оба долго хохотали, а Евгений Вадимыч сидел грустный, унылый.

12.

В этот день, между прочим, он получил письмо от брата. Тот жил далеко и писал редко, но теперь вдруг стал потчевать посланиями одно другого тревожней. Старший извещал младшего, что у них в Кабарде стало припекать: вот-вот стрелять начнут. Так что пора сматываться отсюда и как можно скорее. Неизвестно, ведь, как повернется все далее; не исключено, что вслед за Осетией и Абхазией зоной военных действий станет и Кабарда.

Брат жил там лет тридцать, своими руками выстроил себе дом двухэтажный с огромным подвалом, возвел гараж и хозяйственные постройки - все из кирпича да камня; развел гусей и кур, держал десяток или больше свиней; у него был хороший сад-

огород - все это хозяйство приносило немалый доход и позволило старшему достигнуть такого уровня материального благополучия, до которого младшему далеко.

А теперь вот Борис Вадимыч писал, что свиней ему держать запретили, поскольку-де это оскорбляет чувства правоверных кабардинцев, и окна раза два били, и подметные записки подбрасывали: уезжай, мол, русский, в свою Россию, иначе дом подожжем, хозяйство разорим, дочку украдем и увезем в горы...

Государственная власть ослабла, защиты искать не у кого, а последние события в столице Кабарды еще более встревожили брата: национальное движение там нарастало.

«Продадим все и приедем, - бодро извещал он. - Поживем у тебя месяц-другой, пока не купим себе жилье».

«Интересно, как он это себе представляет - «поживем у тебя», - встревоженно размышлял Евгений Вадимыч. - Он что, никогда не бывал в двухкоморочной квартире панельного дома? Где тут спать уложить? Как за стол усадить? Не один, ведь, приедет, а с семьей - жена, дочь-школьница».

Евгений Вадимыч представил себе, как Татьяна мгновенно взвихрится, едва только узнает о содержании письма... как сыновья изобразят на лицах крайнее недовольство и что скажут...

Тоска опять охватила его. Одно утешение было - отправиться на хуторок, как отправились эти Юра и Саня, один - в гараж, другой - на дачку.

13.

На этот раз он добирался туда несколько дней, уже посуху, с тяжелым рюкзаком за плечами, по берегу дикой, совершенно безлюдной реки, заросшей дремучим лесом. На ночь ставил палаточку и сам засыпал под дальний медвежий рев и ближнее хрюканье кабаньего стада. Утром вставал, кипятил чай в котелке и, напившись, шел дальше. Расчет был такой: чем тяжелее путь, тем укромней хуторок и тем радостнее встреча. Всяческие испытания

в пути уж непременно искупятся сторицей, а раз так, то вот тебе и дождь, и бурелом, и овраги, и комары.

То был совершенно безлюдный край, с непугаными зверями и птицами, с ручьями, в которых рыба клевала даже на пустой крючок. Стояло жаркое лето, когда вечерами в низинках слоился туман и кричал коростель. Путник был уже измучен дальней дорогой, когда в дебрях лесных, глазам своим не веря, наткнулся вдруг на изгородь, на которой калились под солнышком надетые на колья кринки и горшки. Тропинка вела к дому с тесовой крышей, где у крыльца самовар дымил, а в распахнутые окна выглядывала герань.

Кошка, сидевшая на завалинке, смотрела на подходившего путника; собака вышла из конуры, дружелюбно виляя хвостом; куры под хозяйственным окном красавца-петуха рылись в навозной куче.

Евгений Вадимыч сбросил тяжеленный рюкзак, устало опустился возле стола, врытого в землю под старой березой, положил на него руки, глубоко и облегченно вздохнул, оглядываясь. Да, это тот самый домик, что так укромно упрятился задом в лес, так потаенно расположился тут - можно пройти мимо и не заметить.

Стукнула дверь, на крыльцо вышла хозяйка и замерла в испуге. Но тотчас обрадовалась, просияв лицом.

- Здравствуй, - сказал он ей.

- Здравствуй, - отвечала она и коротким жестом поправила волосы.

- Значит, так: чугунок со щами неси прямо сюда... и горшок каши гречневой томленной тоже.

- Эва как! - сказала она, сдерживая смех. - Хозяин явился.

- Чесночку ко щам и сметанки, - продолжал он. - Хлеба неси всю ковригу, сам отрежу.

Она покачала головой, прямо-таки польщенная его нахальством.

- Да уж заходи в дом, чего ж на улице-то!

- Нет, хочу здесь, на вольном воздухе.

Она стала выносить то, что он ей велел, каждый раз взглядывая на него так, что сердце обмирало. Щей налила в большую глиняную плошку, деревянную ложку подала.... По-хозяйски, прижимая ковригу к груди, отрезал он ломоть хлеба толстый, головой кивнул:

- Садись, чего стоишь?

- Спасибо... обедала уже. Ты ешь, ешь... горе ты мое.

И валенком дырявым, как мехами, стала раздувать угли в самоваре.

Тут неожиданно появилась еще одна женщина, того же возраста и того же деревенского склада, увидела сидящего за столом, замерла на полушаге.

- Ой, а кто это у тебя?!

- Да вот... гость забрел откуда-то, - отвечала Мила со сдерживаемым смехом. - Не ждала и не гадала, а он явился и сразу чугунок со щами затребовал.

И встали они обе бок-о-бок, эти подруги, сложив руки на груди, смотрели на него насмешливо, а он степенно хлебал.

- На лешего маленько похож, - говорила соседка.

- Где ты видела таких леших?

- Вот теперь вижу.

- За погляд деньги берут.

- Ты спросила хоть, откуда он и куда идет?

- Что мне за дело! Вишь, как проголодался - значит, издалека.

Я вчерашнего дня не ворошу - радуюсь нынешнему.

- Слушай, а зачем он тебе?

- Для повады! Вот расскажет, где был, да что видел.

Так вот они о нем говорили, поталкивая друг дружку локтями.

- А не будет от него никакого толку, - сказала соседка, подумав, и засмеялась. - Сорока годов мужик - не мужик. Одно название.

- Ой, да ну тебя! - покраснела Мила. - Совсем ты обессовестилась.

- Тебе, подруга, для повады ребятишек надо заводить. А этот сможет ли?

- Африканских страстей не обещаю, но ребятишек... хоть десяток! - степенно изрек Евгений Вадимыч. - Дурачье дело не хитрое.

И принялся за мозговую кость.

- Тогда вот чего: отдай его мне, - то ли шутя, то ли всерьез стала уговаривать соседка. - К тебе потом парень молодой из леса выйдет. А уж с этим я как-нибудь перезимую...

Но Мила решительно выпроводила соседку и сказала:

- Ты ее не суди строго. Она ведь только на язык смелая.

- Я так и понял, - кивнул Евгений Вадимыч.

- Мужа у нее прошлой зимой медведь задрал.

- А твоего? Тоже задрал?

- Я замужем не была.

- Что ж так?

- Откуда тут женихам взяться! В лесу живем, на сто верст вокруг лес да лес. В нашем хуторке всего три человека: еще бабушка Анисья на Лебязьей косе, да вот Аня... Анин дом чуть дальше, возле ручья. Ты мог бы и к ней выйти, а не ко мне.

- Нет, - сказал Евгений Вадимыч и головой покачал. - Этого не могло быть. Я к тебе шел, только к тебе.

Он встал из-за стола, чувствуя себя отдохнувшим, и нетерпеливо отправился осматривать хозяйство, отмечая глазами всякий беспорядок; руки просили работы, и он брался за дело, мастера то и это, при ласковых похвалах молодой женщины.

А потом наступил вечер. Евгений Вадимыч уже в сумерках сидел на ступеньках крыльца и слушал, как она доит корову. Комарики пели, из огорода веяло запахом черной смородины, первые звезды проявлялись на небе. Мила подошла с ведром парного молока в сопровождении кошки, которая ластилась у ее ног.

В полутьме, при отсветах загадочных зарниц, ужинали.

А потом хозяйка разбила широкую постель... И уж в полной темноте, лежа на жаркой перине, он осознавал совершающееся:

вот она раздевается, эта женщина, вот кровать мягко продавилась, когда она села на край ее, и вот рядом - ее дыхание, биение ее сердца... Восторженный ужас владел Евгением Вадимычем, как при волшебном сне, оттого, что она так близко.

Однажды, спохватясь, подумал о себе с укором: «А что это я, в самом деле, в моих заветных мечтах только о еде, да о бабе... только о бабе, да еде? Какое я все-таки примитивное создание!».

Фантазия дальше не шла: трудная дорога, радостная встреча, хозяйская работа возле дома. Он ходил, в сущности, по одной и той же стежке: через те или иные испытания - к отрадному концу, когда уже проваливался в сон. Но отрада-то, отрада-то в чем? Ничего больше-то и не хотелось, только чтоб тихий хуторок и ласковая женщина.

«Так ведь опять будет то же, что с Татьяной! Ну, народим детей, и вырастут еще двое-трое вот таких оболтусов, как мои. То-то радости от них!».

И сам же себе возражал:

«Нет, там они с раннего детства втянутся в хлопоты по хозяйству: огород копать, за скотиной ухаживать... в лес с топором, на озеро с сетью... косить и стога метать, пахать и сеять, жать и молотить. Это здесь они лоботрясничают, не знают, чем занять себя, а там-то была бы у них нормальная, здоровая и такая красивая жизнь! Ведь природа облагораживает человека, очищает душу и тело. Она приучает трудиться, а труд - как молитва...».

На хуторе том лошадка у двора, собака у крыльца, звон твоего молота по наковальне или в твоих же руках звон бруска по косе...

14.

- Женя, ты спишь? - донеслось с надувного матраца.
- Нет.
- Я вот думаю: хорошо бы ребят наших туда.

- Пусть ищут свой хуторок, - проворчал он через некоторое время.

- Они не умеют, Женя! - сказала виновато мать этих оболтусов.

- Как это не умеют? - удивился Евгений Вадимыч: ему не приходила в голову такая простая мысль.

- Да вот так.

- А ты? - спросил он после паузы.

- Что я?

- Разве и ты не умеешь? Там же рядом должен быть еще один островок, на нем живет плечистый бородатый мужик, без хозяйки мается. У него корова недоена, печь нетоплена...

Татьяна озадаченно помолчала, потом сказала:

- Нет, Женя, я без тебя никуда. Мне ни бритого, ни бородатого не надо.

- Да ведь это просто так... как игра, забава. Снотворное на ночь.

Сказал, а сам подумал иначе: может, построить и ей домишко на хуторке?

- Ладно, - сказал он великодушно, уже засыпая. - Там места и тебе хватит.

Он слышал, как Татьяна смеялась в подушку...

15.

...но слышал и петушиный крик в хуторке, щебет ласточек над обрывом, жужжанье пчел, шелест ветерка в листве.

Там было раннее утро. Солнца еще не видать, но облака уже зарумянились с одного краю, как пироги в печи от жаратка с углями. Обильная роса лежала на траве, и туман стлался в низинке, где ручей впадал в речку. Нарядный петух вышел со двора, посмотрел строго и дерзко, по-мушкетерски, и пропел, будто на поединок вызывал.

У каждого были свои заботы: Евгений Вадимыч запрягал лошадь в плуг. Мила вышла на крылечко проводить его и наблюдала, как он управляется с упряжью. Она сильно сомневалась, что это у него получится, не говоря уж о том, что пахарь он, конечно, аховый.

- Не страдай, - сказал он ей. - Нормальный мужик в пределах своей мужской профессии должен уметь делать все: и дом построить, и землю пахать...

Дернул вожжи, лошадка тронулась со двора, волоча за собой плуг.

- Печь истоплю и принесу тебе поесть, - напутствовала его Мила. - Нынче ватруху с черникой испеку, ты такую любишь.

- Ватруху надо еще заработать, - сказал он полушутя, полусерьезно.

По дороге неторной, пересеченной толстыми корнями деревьев, как рука жилами, глухо стучал волочившийся плуг. Птицы щебетали упоенно - самый радостный для них час: весь лес будто смеялся этим птичьим щебетом. Белка смотрела на человека и лошадку с нижних веток, не боясь... Вот и поляна широкая, мелкий ельничек по опушке - тут Евгений Вадимыч остановился. Зеленая клеверная отавка ровно стлалась по полю - клевер здесь уж третий год. Значит, задача такая: к Спасу-медовому вспахать, а к Спасу-яблочному засеять озимой рожью.

Солнце уже золотило верхушки деревьев: проспал пахарь, пораньше надо было вставать!

- Ну, - сказал Евгений Вадимыч сурово и осенил себя широким крестом. - Господи, благослови.

Никогда раньше он не крестился, а тут как-то само собой к месту пришлось.

1992 г.

ХОЛОПКА

Повесть

1.

- Раиска, поди за Белкой! - приказала мать. - Опять эта гулёна ушла неведомо куда.

Коров две, и обе одной масти, но одна уже пожилая - это Астра, она далеко от дома никогда не уходит; а Белка молода, вторым теленком только, вот она-то и есть гулёна.

- Да что я, нанялась за нею ходить? - привычно огрызнулась Раиска. - Пусть шляется хоть до утра.

- Семнадцать лет девке - эва какая кобылица вымахала! - А рассуждает, словно дите по третьему годику, - столь же привычно ворчала мать.

Это она, между прочим, обращается за сочувствием к Астре, у них полное взаимопонимание: обе матери, у обеих по дочери, у одной Белка, у другой Раиска.

- Поди, поди... Да не гони ее шибко! Она у нас выменем слаба, все молоко разбрызгает, растеряет.

Белка не боится ни прута, ни волков: ходит вольно - в деревне на месте исчезнувших домов заросли черемухи, тополиной молодежи, а меж ними высокая, сочная трава; да и вокруг по бывшим усадьбам, где стояли когда-то риги, сараи, и на околице, где в пору давнюю были скотные дворы, есть чем потешить брюхо такой солощей скотинке, как Белка. Есть еще выгон, где теперь

пасутся лишь вольные стаи дождевиков да шампиньонов, и поля сеяные... В прошлом году эта холера объелась на озими, чуть не подохла; хотели уж зарезать, да некому - нет в Сутолмине ни одного мужика, все повывелись. Однако вот отпышкалась, отвалялась... Слава богу, нынче нет поблизости озими, а далеко идти Белке лень да и интересу нет: от здешней ли хорошей травы другой искать!

Года три-четыре назад, когда Раиска была девчонкой, мать заставляла ее пасти своих коров, но Астру-то чего пасти - она и так никуда не уйдет. А вот к Белке надо четырех пастухов приставить, и все равно не устерегут. Пробовали на привязи эту скотинку держать, да и верёвки такой крепкой нету. Теперь отволели обе, никого не слушаются - и Белка, и Раиска. Конечно, им хорошо так-то, и зря их матери беспокоятся.

Смеркалось; трава покрылась росной испариной, Раиска шла босая, потому ноги стали мокры и заглодали.

- Белка! Белка!

Коростель скрипел в низине, где уже поднялся туманец слоистый - если идти там человеку, голова будет видна, а остальное утонет в белом молоке. На закатном небе самолет вычерчивал то ли молочную, то ли меловую дугу. Куличок просвистел над головой Раиски - опаздывал к своей куличихе с куличатами.

Если б не белая масть коровы, ни за что не найти бы гулену там, где она нынче паслась, - в кустах вдоль старого проселка, по которому нынче никто не ездит. Она б и заночевала здесь, с нее станется.

Вот уж кому хорошо живется на свете, так корове Белке: гуляй себе целыми днями, никакой работы - картошку не окучивать, траву не косить, сена не сушить, гряды в огороде не полоть, на рынок в город пудовую кладь не возить.

Раиска в досаде хлестнула Белку прутом:

- Ах ты карамора кривохвостая!

На что корова неодобрительно оглянулась, но шагу не прибавила. Потому не прибавила, что умная: молоко уже побрызгивало

на траву с ее сосков, а коли побегит, так и вовсе.

- Шлялка... ни стыда, ни совести, - выговаривала Раиска рассерженно. - Не по первому годику - эва какая вымахала: с вагон! А все бы прыгала да скакала. И в кого задалась? Мать-то у тебя смиренница. Правда, отец неведомо кто...

И вот тут кинула взгляд на Яменник и не то, чтобы вздрогнула, но этак опешила, приостановилась.

Яменник - лесок непутевый; сосны да ели растут в нем почему-то корявые, годные только на дрова. Но ведь и тех не добудешь: ямы да канавы тут, обомшелые камни да густо разросшиеся кусты бредины. А еще могучие кусты можжевельника - таких нет нигде: в два человеческих роста и выше, да такие плотные, что в каждом можно спрятаться, не увидит никто.

Зимой слышен из Яменника волчий вой... или словно бы крики, стоны. Выйдешь в морозную ночь да при полной луне - оттуда: у-у-у. Жуть возьмет! Хорошо, что лесок этот от Сутолмина не близко - небось, километра полтора или два до него.

Говорят, в первую мировую в Яменнике прятались дезертиры; у них там были землянки, запутанные лазы в чаще. Мужички эти ходили отсюда на дорогу-каменку, грабили проезжающих, а из деревень дальних крали девок молодых да красивых. Ну, насчет девок явное вранье, а вот все остальное про дезертиров сущая правда - то были местные, кое-кого помнят и доньне по именам. Небось, жен своих и крали, а вернее, сами те жены к ним похаживали.

Дезертиров не стало, а лесок этот все равно пользовался нехорошей славой. Даже когда Сутолмино было еще многолюдной деревней, летом никто не ходил в Яменник за грибами или за ягодами, хотя говорили, что и того и другого там даже в неурожайные годы довольно. Подойдешь ближе и видишь: на той стороне пруда или за ямами рдеет земляника... или рыжик рассыпался стайкой. Но почему-то лезть за ними через ямы да через кусты охоты нет. Пропадай она, ягода; пропадай и грибы.

Единственное, из-за чего хочешь, не хочешь, а надо идти в

Яменник - это можжуха. Без нее как кадки под огурцы да грибы парить? Можжушный пар - самый здоровый. Да и ягоды можжушные от многих болезней помогают - так старухи говорят. Из-за можжухи ходили в лесок этот с боязнью. Но ходили-таки.

Теперь же увидела Раиска огонь в Яменнике: горел костер. Он угасал, но вдруг разгорелся ярко - небось, подбросили хвосту - и показалось даже, что человеческая фигура мелькнула в свете его.

- В Яменнике кто-то грудок развел, - сказала Раиска матери, когда вернулась домой.

- Тебе показалось, - отмахнулась та.

- Ничего не показалось, - упрячилась Раиска. - И грудок, и человек возле него...

Но говорила уже не очень уверенно: может, болотные огни там, и нет никакого костра?

- Сама посуди: кому там быть? - сказала мать, а по голосу слышно: встревожилась. - Ради чего туда кто-то пойдет, да еще на ночь глядя?

- Может, уголовники? - предположила Раиска. - Убежали из тюрьмы.

- Хороший разговор на ночь, - проворчала мать. - Болтаешь неведомо что. Зачем кому-то понадобится Яменник наш?

- Награбленное прячут.

- Самая-то глушь в большом городе, а не в дремучем лесу, - вздохнув, возразила мать.

Еще подумала и добавила:

- Все преступники там, а у нас тут нету. Мы живем чисто.

- Может, дезертиры? Убежали из армии... не хотят служить.

Она даже размечталась вслух:

- А что? Поселились двое-трое... построили себе шалашик, грибочки на костре жарят, ягодки собирают... по вечерам песни поют. Надо будет сходить послушать попозднее.

- Я тебе схожу! - пригрозила мать. - Ишь, глупости-то сколько в голове!...

2.

А на другой день было воскресенье; Раиска ездила продавать творог и сметану: в Сутолмине, кроме Белки да Астры, еще четыре коровы у разных хозяев, но хозяева эти на базар не ездят - немощны. Поручили это дело Раиске. Она продавала свою и чужую сметану да творог два раза в неделю - по четвергам и воскресеньям.

Так вот, на обратном пути из города, когда шла по проселку от деревни Дятлово, и уж свое Сутолмино было на виду, настиг ее дождь. То есть не настиг еще, успела встать под дерево - это была одинокая елка возле клеверного поля. И вот, стоя тут, увидела странного для здешних мест человека. Человек этот шагал просто по меже, словно по дороге, и прошел совсем близко, не заметив Раиски. А вид имел этаким дачным, городской, прямо-таки отвратительно барский: костюмчик легкий кремового цвета и явно заграничного покроя, кепочка с большим козырьком, на ногах что-то вроде легких тапочек или сандалий... И что совершенно поразило Раиску: он был с тросточкой - не палкой, вырезанной где-то по пути, а именно с тросточкой, совсем не самодельной; такие, должно быть, продаются в валютных магазинах или достаются по наследству от богатых родителей. У Раиски глаз острый, успела рассмотреть: тросточка имела набалдашник желтого цвета... уж не золотой ли?

Вот теперь и думай, откуда такой фрукт появился. Шел он неспешной, гуляющей походкой, беспечно помахивал своей щегольской тростью, а дождевой фронт настигал его стеной. «Фрукт» не оглядывался, занятый своими дачными мыслями или просто по причине своей полной беспечности.

«Сейчас, сейчас будешь мокрой курицей, - злорадно подумала Раиска. - Скорей, дождик, скорей!».

Но, когда упали первые капли, барин этот - вот именно барин! - остановился, неспешно прислонил тросточку к кусту цветущего конского щавеля, достал что-то из кармана. Этим «что-

то» был пакет величиной с ладонь; он развернул его, расправил и надел через голову, как женщины надевают платье... Раиска разочарованно увидела, что он оказался в прозрачном голубоватом плаще с капюшоном и с резинками на запястьях. Ветер налетел и облепил всю его фигуру этим плащом, а он неторопливо снял тапочки, сунул их в прозрачный пакет, добытый неведомо откуда, подвернул свои кремовые штанины - причем, сделал все это неторопливо, аккуратно - и пошел босиком той же походкой гуляющего человека, но уже помедленнее, осторожнее. И тросточку прихватить не забыл!

Раиска провожала его взглядом, слегка озадаченная: ишь, плащ в кармане носит! Что это за плащ такой, который умещается в кармане?

Слышно было, как дождевые капли барабанят по прозрачной оболочке этого странного человека; потом дождь стал так плотен, что совсем скрыл удаляющуюся фигуру. А когда прояснело немного, кремовый господин был уже на опушке Яменника, мелькнул еще раза два за можжевельновыми кустами и исчез вовсе.

Два эти факта - ночной костер и появление нездешнего человека - были явно взаимосвязаны. Что-то стало яснее, но и добавилось загадок. Прежде всего: он один там такой или их несколько? Что они там делают? Почему он так одет, словно не в лесу живет, а отдыхает на курорте?

Об этой встрече Раиска ничего не сказала матери, а вечером, уже в сумерках, не поленилась сходить до Кукуя - это поле, примыкающее к Яменнику, через которое кукушки окликают деревню Сутолмино. Так вот, отсюда опять увидела она в чертовом леске костер...

Загадка эта не давала ей потом уснуть. А уснула - приснилось, что стоит среди можжевельновых деревьев, словно среди кипарисов, веселая дачка, чистенькая, сияющая стеклами окон и оцинкованной крышей, - этакий теремок, высокий, с резными наличниками, а по верхнему этажу затейливая терраска с баясинами и решеточками; и витая лесенка ведет на ту терраску. Раиска

даже поднималась будто бы по витой лестнице на эту терраску... но тут мать ее разбудила: иди-ка, девка, окучивать картошку «по холодку», пока солнце не припекает да пока слепни не донимают.

3.

Она и еще раз увидела того странного человека. Случилось это в поле, когда ходила доить корову в полдень. Может быть, не его видела, а уже другого?.. Потому что был он без тросточки и не в кремовом костюме, а в джинсах, в грубой рубахе с закатанными рукавами и в резиновых сапогах, да и помоложе прежнего казался, да и помужественнее. Но кепка с козырьком та же!

Человек этот сидел на холмашке, к ней спиной, не видя ее, оглядывал широкое поле, словно примеряясь к нему. Вдруг поднялся и пошел легкими шагами, но не к Яменнику а в противоположную от него сторону. Однако же Раиска почему-то уверилась, что это все-таки тот же самый тип, что накануне перед дождиком облачился в прозрачный плащ, удививший ее, только теперь одет иначе.

Загадка все время занимала ее мысли, не отступая. Потому на другой день Раиска сказала матери, что пойдет пособирать землянику по канавам, небось, назрело много. Прихватила с собой баллончик газовый (на всякий случай, для обороны) и отправилась сразу к Яменнику. Из деревни мимо сарая с провалившейся крышей, по старой канаве, на которой, и верно, тут и там проглядывала спелая земляника. Раиска решила, что соберет ягодки на обратном пути, а теперь ею двигало иное стремление.

Чем ближе подходила она к лесочку, тем настороженней оглядывалась. Почему-то робостно становилось, однако же сладок был ей этот страх, от которого замирало сердце.

Пройти по Яменнику - уж точно, или ногу сломаешь, или шею. Повсюду густая трава, не сразу определишь, насколько глубока та или иная яма и есть ли в ней вода. По буграм сосны и елки стоят одна другой корявее, меж соснами да елями бредина

переплелась, тут же и камни-валуны, некоторые из них, вроде бы, тесаные. Можжевельник растет могучий; в каждом можжевельниковом кусте чудилась притаившаяся человеческая фигура. Раиска пробиралась, оглядываясь зорко, то и дело прислушиваясь. Она чувствовала себя охотником, а дичью был тот нездешний человек; впрочем, вот если вдруг он выйдет навстречу из-за кустов, неизвестно, кому стать дичью, а кому охотником.

Она нашла тропку. Едва заметно, прихотливо тропка эта вилась среди густой растительности, то исчезая, то появляясь вновь. Исчезала там, где под елями стлался игольник, и становилась заметной в траве между кустами. От тропки этой ответвилась другая; тут на развилке постояла Раиска, решая, куда идти. Свернула на правую и пришла к ручью. Он был довольно глубокий, казался даже бездонным: темно в воде, дна не видно, течение медленное. Вброд переходить страшно, и не перепрыгнуть. Но на той стороне ручья в тени кустов прислонено было к березе что-то похожее на лестницу, хотя это была вовсе не лестница.

«Мосточек, - догадалась Раиска. - Он убирает его за собой... чтоб никто не ходил следом за ним. Хитрый Митрий! Но почему, почему он таится? Неужто в самом деле уголовник?».

Открытие перекидного мосточка заставило еще сильнее забиться ее сердце. Она вернулась к разветвлению тропки, постояла тут и, не в силах совладать с усилившимся страхом, отправилась назад, домой.

4.

Вечером она снова видела огонь в Яменнике, но разговора с матерью о том не заводила. А на следующий день не утерпела, опять решила пойти «за земляникой». Дошла до того места, где мосточек в кусте бредины, потопталась на берегу, спустилась ниже по течению и тут осторожно вступила в воду. Дно ручья оказалось довольно твердым, но неровным; хоть и поднимала подол выше некуда, все-таки замочилась. Однако перебралась на

ту сторону, огляделась, запоминая место брода, потом подошла к стоявшему торчком мосточку, внимательно осмотрела его. Он был очень хитро сделан: складной, как перочинный нож, из двух секций, и на стыке этих секций имел длинные подпорки. То есть если его перекинуть на другой берег, подпорки эти будут как раз посреди ручья.

«Хитрый Митрий!» - опять отметила Раиска. И дальше пошла по тропинке также тихо, крадучись. Знала: впереди будет пруд. Тут она остановилась, вздрогнула: на другом берегу, как раз напротив, сидел тот человек, босой, штаны подвернуты до колен. Тросточки не было видно, а все остальное при нем: и кепка с большим козырьком, и трубка, и даже тапочки стояли на берегу, отдельно. Он, конечно же, сразу увидел ее.

- Ты кто такой? - дерзко спросила Раиска, а дерзость была от робости. - Что тут делаешь? Как сюда попал?

Сидел он бог знает на чем, но очень вальяжно, словно в кресле, и курил. Вообще-то вживе Раиска никогда не встречала человека, курящего трубку. Разве что видела по телевизору: так делают или капитаны кораблей, или артисты, или министры - люди особые. Но чтоб в Яменнике под огромным можжевельником сидел и курил... это какая-то нелепость, ей-богу.

- Кто тебе разрешил? - спрашивала Раиска. - Чего тебе тут надо?

Он продолжал смотреть на нее все так же спокойно и не отвечал ей; дымом легонько пыхнул - голубоватый, прозрачный завиток поплыл как раз в ее сторону. В этом было возмутительное пренебрежение, этакая барская презрительность, высокомерие. Надо было как-то «достать» его, чтоб он хоть что-нибудь сказал.

- Ты кто? Скрываешься от милиции? Или, может, ты сбежал из желтого дома?

Не зная, что еще спросить, она села на берегу, разглядывая сидевшего напротив, за прудом, дачного человека.

- Если ты турист, то почему здесь? - подумав, продолжала Раиска. - Иди на реку, там таких бездельников много - палаток поставили, удочками махают.

У этого тоже палатка поставлена да столь искусно, что Раиска не сразу заметила ее за кустами - довольно высокая, под нежно-зеленым тентом: у нее было даже что-то вроде крылечка... От палатки уже натоптана тропа к пруду, здесь сделан мосточек по-над водой, вроде тех, с каких полощут белье. На ветке молодой березы висело широкое полотенце с нарисованным по белому желтым попугаем.

Еще можно было видеть в траве у воды стоявшие друг возле друга блестящие посудины - котелок, сковородка, миска, чайник.

- Я тебя русским языком спрашиваю: кто такой и зачем ты здесь? Как твоя фамилия?

Он в ответ ни гу-гу.

- А-а, ты, наверное, наркоман... Кайф тут ловишь, да?

- А тебе говорили, девушка, что у тебя ноги кривые? - вдруг спросил он, картинно отнеся руку с трубкой от лица.

Раиска даже встала:

- Чево?

- Ну-ка, повернись вокруг себя, я посмотрю. Откуда ты, огородное пугало?

Раиска мобилизовалась тотчас:

- Ах ты, карамора кривохвостая! Ах ты...

Но, как на грех, самые обидные, самые действенные слова не приходили ей на ум - те слова, которые сразили бы его наповал.

- Кто твои родители? - продолжал он этак вальяжно и стал выколачивать трубку о ствол можжевельный. - Небось, отец - прачкин сын, а мать - кухаркина дочь?

Раиска задохнулась в самой настоящей злости, но опять не нашла нужных слов, кроме «кривохвостой караморы». Впрочем, пригодилось «чистоплюй стерилизованный» - это неплохо, но дальше опять случилась заминка, хоть плачь. А вообще-то Раиска на язык была бойка.

- Наверно, выросла в коровнике или на конюшне, - сказал сам себе этот дачный тип, - любя коровий мык и лошадиное ржанье.

- До чего противный! - подивилась она. - Какой противный и отвратительный! Убила бы на месте!

Она топнула босой ногой по земле, наклонилась, подцепила у воды комок грязи, швырнула - бросок был так силен, что грязь долетела до того берега, и крошки ее угодили ему как раз на кремовую штанину.

- Ага! - торжествующе вскричала Раиска...

- Какие, однако, дикие нравы у здешних туземцев, - заметил он ровным голосом.

- А вот я тебе сейчас в рожу твою крапленую, рябую...

Она подцепила еще комок и швырнула, но на этот раз без прежнего успеха - грязь картечью сыпанула по воде. А в пруду цвели белые кувшинки.... Это немного остудило пыл Раиски: жаль цветы. Услышала, как он спросил сам себя:

- Зачем она пришла? Разве я ее звал?

Надо было уйти, но ведь тогда получится, что победа осталась за ним, потому что отступление - всегда поражение. Не-ет, погоди! Она опять села на берегу, уперлась подбородком в колени, уставилась на него, испепеляя взглядом.

- Ты из этой деревни? - небрежно спросил он и ткнул трубкой в сторону Сутолмина.

Раиска не ответила.

- Я спрашиваю: ты из этой деревни?

- Ну!

- Боже мой, как ты разговариваешь со старшими! Что такое «ну»?

- Каков вопрос, таков и ответ, - сказала ему Раиска. - Спроси что-нибудь поумнее.

- Ты приезжая или живешь тут постоянно? Отвечай коротко и вразумительно.

- Да я-то здесь сто лет живу, а вот ты кто такой? Чего тебе здесь надо?

Он некоторое время сидел молча, потом повел вокруг себя трубкой, говоря:

- Вся эта округа вместе с окрестными деревнями принадлежала когда-то славному дворянскому роду Сутолминых. Что ты об этом знаешь?

- Ничего не знаю и знать не хочу.

Но она хотела знать, потому насторожилась и попритихла.

- Вот этот пруд был выкопан крепостными... в том ручье фореель разводили... тут по взгорью был сад, цветники...

- А что-то говорили, верно, - вспомнила Раиска. - Будто бы тут помещичий дом стоял с балконом. Преданья старины глубокой...

- Тут жили мои предки, - важно сказал этот тип. - Мы, Сутолмины-Бельские, владели всем этим: полями, лесами, деревнями... и всеми жившими тут людьми.

Тут Раиску осенило.

- Барин! - воскликнула она. - Да неужто ты вернулся?! Светик ты наш ясный! Прости, Христа ради, что я с тобой так вот запросто.

Она воодушевилась, словно опору нашла в их единоборстве.

- Вернулся, помещичек ты наш незабвенный. Назови твое светлое имечко, господин Сутолмин. Как тебя звать-величать? И расскажи, где ты пропадал? Мы тебя тут ждали, ждали... уж не чаяли увидеть.

Он только посматривал на нее этак снисходительно. Со своего берега пруда на берег Раискин, при этом покачивал босой ногой. А нога у него была белая, холеная...

- Точно: барин! - она хлопнула себя по ляжкам и залилась смехом. - Взор-то, взор-то каков! А я, выходит, барышня-крестьянка.

- Ты - холопка, - поправил он строго. - Запомни, что я тебе сейчас сказал: ты - холопка.

Слово это не понравилось Раиске, она тотчас ожесточилась.

- Я - крестьянка! А ты бродяга, бездельник, трутень.

- Я дворянин, - сказал он с большим достоинством и стал раскуривать потухшую трубку. - Мое призвание - повелевать, руководить, наказывать на конюшне ленивых рабов и отечески поощрять старательных...

На этот раз Раиска нашла нужные слова и произнесла их уверенно и в достаточном количестве. Это были очень веские слова, не то, чтобы оскорбительные для него, но способные «достать» любого.

- Однако уходи, - сказал он, спокойно выслушав ее. - Ты утомила меня. Понадобишься - позову. Не холопье это дело - незваной являться пред светлые барские очи.

- Да пошел ты туда-сюда, а потом еще дальше! - послала его Раиска, вставая.

Засмеялась громко и ушла с видом победным.

5.

Но чувства одержанной победы не было. Слова «ноги кривые» и «холопка» застряли в мозгу. От них вскипала кровь, сердце требовало мщения.

Как он смел, этот жалкий городской чистоплюй, так пренебрежительно, так свысока разговаривать с нею? Как он смел говорить «уходи» и «ты утомила меня»? Да еще и «понадобишься - позову»! Ишь, корчит из себя барина! Да голову ему отрубить за это!

«Видали мы таких... в гробу и белых тапочках».

Вспомнила недавний сон свой: веселый домик с крашеными резными наличниками, с терраской по нижнему этажу, с витыми балясинами... Небось, именно такой и стоял когда-то в Яменнике, и уже не зря он приснился, но этот тип как-то очень решительно отстранил ее, словно отобрал в собственное владение: «Я дворянин..., а ты холопка».

Раиска спросила у матери: неужели это правда, что когда-то на месте Яменника стоял барский дом с прудами и форелью в ручье? Мать сказала:

- Кто это помнит! Тому уж сто лет или больше. Но рассказывали, что был, будто бы, дом большой - нижний этаж каменный, верхний деревянный.

- А терраска была?

- Может, и была...

- И лестница, небось, с резными балясинами на ту терраску?

- Может, и лестница...

Про свой поход в Яменник и про разговор с «барином» Раиска матери опять-таки не сказала. И продолжала досадовать, что рано оттуда ушла. Надо было еще поиздеваться над ним: ишь, трубку курит... штаны кремовые носит... тросточка... форели ему захотелось!

- Мам, а у нас в сундуке, вроде бы, старый сарафан хранится?

- То бабушки моей Оксиньи память.... А ей, вроде бы, от своей бабки достался. Его только по праздникам носили.

- А-а, так этот сарафан еще крепостное право помнит! Дай-ка я примерю, гожусь ли в холопки.

- Примерь. Может, впору окажется?

Сарафан был богатый, с вышивками на рукавах, по подолу, на груди, но попахивал нафталином и чем-то затхлым. Однако выглядела в нем Раиска нарядной. Если еще налепить на него заплат...

Вечером уж в сумерках с улицы велосипедный звонок прозвонил, скромно так, вежливо - это, значит, Витя Муравьев явился. Приезжает из Овсяникова, а оно в семи километрах от Сутолмина. Что ж, дураку семь верст - не крюк.

Раиска ему из окна:

- Я уже спать легла.

То есть поезжай, парень, обратно. Он сразу опечалился.

У Вити прозвище - Муравлик. Раиска так нарекла. Он ростом пониже ее и ужасно прилежный да трудолюбивый - истинно как лесной муравей. Все десять классов на одни пятерки прошел. Обладеть можно! А познакомились, между прочим, в городе, она там сметану да творог продавала на рынке, а он притулился неподалеку к фонарному столбу, все смотрел на нее, все смотрел.

- Чего уставился? - спросила она его. - Глаза намозолишь. Купить, что ли, меня примеряешься?

Он чистосердечно вздохнул:

- Купил бы...

- Так чего ж?

- Денег таких нет...

Она засмеялась.

- Ладно. Ты на велосипеде? Ну-ка, довези меня до автостанции.

Вот так и познакомились. Дело было месяц назад, с тех пор повадился он в Сутолкино. Приедет уж в сумерках, позвякает, вот как нынче...

Раиска ему из окна:

- Чего тебе надо-то? Зачем приехал? Кто тебя звал?

Он оробело молчал.

Тут мать вмешалась:

- Выйди, выйди! Ишь, спать... Как старуха старая. Парень эва какую дорогу сломал, а ты кобенишься.

- Мало ли их тут понаедет на лисипетах! К каждому и выходить? - строптивилась Раиска. - Пусть помучается. А то больно просто: он приехал - я выскакивай встречать.

Однако вышла, уважила чужие страдания... в сарафане прабабкином. Витя аж просиял: так ему понравилась она в новом-то наряде. Он даже оробел еще больше.

Сели на скамейку у стены, окошко над ними тотчас раскрылось: матери охота поговорить.

- Витя, косить начали?

- Косили нынче с утра, - отвечал он вежливо.

- Свою усадьбу или общественное?

- Свою. Да только отца позвали - пилорама сломалась, так я один косил.

- Завтра, вроде бы, дождик обещали? Ты сводку погоды не слушал? Как сушить-то будете, если накосили?

- Мам, ну что ты с глупыми вопросами! - возмутилась Раиска. - Ухажер ко мне приехал, а не к тебе.

- С тобой о чем ему толковать? У тебя что ни слово, то поперек.

- Да уж как-нибудь без тебя обойдемся.

- А ты не будь чем ши-то наливают или чем ворота-то запирают. Дай и мне с хорошим человеком поговорить.

- Ой, я не могу! - вскричала Раиска. - Ну и родительница у меня!

Отношения матери с дочерью всегда были на равных.

- Я уезжаю завтра, - сообщил Муравлик тихо. - Вернее, уплываю... на теплоходе.

У него дядя живет в Ярославле, советует племяннику поступить в тамошний университет. Витя, как и Раиска, только только закончил десятый класс, но он еще зимой на областной олимпиаде по математике занял первое место; у него способности ко всем предметам.

- Да уплывай, мне-то что! - сказала Раиска небрежно. - Попутный ветер в зад.

- Раиска, ты как с кавалером разговариваешь! - рассердилась мать в окошке. - Разве так можно? Что он о тебе подумает?

- Ой, да не твое дело! Как хочю, так и говорю. А он обо мне только хорошо думает. Верно, Муравлик?

Он тотчас кивнул утвердительно. Мог бы и не кивать, и так видно, по глазам.

- У нас в Яменнике уголовники поселились, - сообщила она.

- Как это?

- А так. Живут себе... шашлыки на костре жарят. Девочек по деревням крадут и уводят туда. К вам в Овсяниково не приходили?

- Нет, - сказал Муравлик озадаченно.

- А-а, так у вас красть некого! Ни одной девки нет. А если и есть, то кривоногие.

- Что ж тебя не украли? - ревниво спросил Муравлик.

- Они, как волки, возле своего логова не безобразничают. Хотя... погоди, еще украдут.

Мать из окошка:

- Раиска, ну что ты глупости городишь?

- Мам, точно говорю: то овцу уволокнут из стада, то девку из деревни.

- Не слушай ее, Витя. Она у меня из-за угла пыльным мешком нараханная.

Раиска встала и закрыла окошко: не вмешивайся в чужой разговор.

С Витей сидеть - про институт говорить, про компьютеры.... Впрочем, иногда его заносит в дебри исторические или литературные да музыкальные: о «Велесовой книге», о ведической цивилизации... про Атлантиду, которая, возможно, располагалась там, где нынче Северный полюс... про Диогена, ходившего средь бела дня с фонарем... про какого-нибудь Винченцо Филикайя – поэта, жившего бог весть в каком времени и писавшего вот такие стихи... Далее следовало чтение стихов.

Раиска слушала-слушала, потом подсказывала:

- Муравлик, теперь давай про звезды.

- Про какие звезды?

- А вот если сидят парень с девкой, обязательно он ей про Альфу Центавра, про иные галактики, про межзвездные дожди....

Муравлик смеялся и охотно менял тему историческую на звездную. Пока говорили этак, светлый край неба переместился к востоку. Петухи пропели во второй раз.

- Ладно, спать пойду, - сказала Раиска, вставая. - Поезжай в свой Ярославль. Да гляди, ярославским девкам потачки не давай.

- Как это? - озадачился Витя.

- А не пропускай ни одну, - пояснила она. - Бери за бок и увлекай куда-нибудь.

- На фиг они мне нужны, - фыркнул на это Витя и попросил: - Посидим еще, а?

- Чего сидеть! За это денег не платят, ни тебе, ни мне. Привет, Муравлик!

И ушла.

6.

А на другое утро про ухажера своего сказала матери решительно.

- Нет, нестоящий парень.

- Это Витя-то? Да лучше его поди найди! Вежливый, самостоятельный, не курит. Из хорошей семьи.

- Откуда ты знаешь про семью?

- Да уж интересовалась. Слухами земля полнится, а Овсяниково не за горами. Отец у него не пьет, мастеровой. Мать - учительница. Старший брат в Калязине каким-то начальником. Плохи ли парень Витя!

- Ростом маленький, - подсказала дочь, - шейка тоненькая, ручки почти девичьи... От настоящего-то должно пахнуть табачищем, водошным перегаром или пивом, у него руки должны быть в мозолях и с нестриженными ногтями! И через каждое слово мат... А этот что? Разве мне такого мужа надо? Ему со мной и не справиться.

- Он еще молоденок. Вот два-три года пройдет - будет такой ли мужик! Еще захочет ли рядом с тобой постоять?

- Таким ухажерам в базарный день цена - рубль пучок, - отрубил Райска.

Мать озадачилась:

- Да кто ж по-твоему лучше-то? Который пьет да курит?

- Вот который толкует про звезды, а сам рукой за пуговицы на кофте дергает или за резинку на трусах. А от этого и дети-то будут ли?

Смех овладел ею.

- Да где ж ты такого бесстыдства набралась? - изумилась мать. - Все время или в школе, или у меня на глазах.

Райска продолжала хохотать:

- По телевизору, мам! Али не знаешь? По телевизору про что только не говорят! И растолкуют, и нарисуют, и изобразят в лицах, и покажут.

Покачавши головой, мать тоже рассмеялась:

- О, Господи! И верно, такую похабщину иной раз покажут, со стыда сгоришь... А только что мне с девкой делать?

- Замуж хочется, мам, - призналась Раиска.

- Да уж больно рано тебе захотелось!

- Пригляжу-ка я себе на рынке какого-нибудь... выйду замуж, нарожу детей.

Мать напомнила ей:

- Давно ли семнадцать стукнуло?

- И в шестнадцать самая пора выходить.

- А вот я тебя на хлеб и воду посажу, будешь знать. Ишь, каждый день сметану лопают ложкой, потому и мысли такие.

С Раиской и в самом деле творилось что-то неладное. Вдруг вечером забралась на дерево, что возле дома, смотрела в сторону Яменника: огонек там маячил опять, как и вчера. Стоя там в развилине, напевала:

Моя милая вчерась
Физкультурой занялась:
Утром рано по морозу
На березу забралась.

Мать ей снизу:

- Постыдися, тебе замуж пора, а ты по деревьям лазишь!

Раиска ей сверху:

- Это я смотрю, не едет ли мой ухаждёр на лисипете.

- Что люди подумают, коли увидят тебя там? Скажут: дурочка, не иначе.

- А людей в нашем Сутолмине - полтора старичка да три с половиной старушки.... И все не умнее меня, только что на березы не залезают.

Раиска хохотала там, наверху. План завтрашнего предприятия уже созрел в ее голове.

7.

В Яменнике было тихо. Птички щебетали. Человек у палатки только что вернулся из дальнего похода и устало присел на самодельное креслице. Посидев немного, сходил к ручью и принес от туда бутылку пива, облепленную песком и тиной. Утвердил возле кресла шаткий столик, добыл из можжевелевого «шкафа» стакан высокий, вдвое выше обычного, граненого, откупорил бутылку и опять сел. Понаблюдав, как пена выбивается из горлышка, налил в стакан и пил, не спеша...

А на том берегу пруда показалась вдруг девка в немислимого покроя сарафане с большими заплатами, пристебнутыми на скорую руку там и сям, в платке, повязанном этак по-старушечьи «домиком», концы стянуты под подбородком. Девка эта хлопнула себя по бокам и возопила:

- Барин! А барин?! Чево надо-то? Али звал, али нет?

«Барин» посмотрел на нее, потом на янтарное пиво, поднимая стакан к солнцу, опять оглянулся...

- Bravo! - тихо сказал он, прихлебнул и, поставив стакан на столик, хлопнул в ладоши несколько раз, словно сидел в театральной ложе.

- Небось, скучал без меня? - продолжала кривляться девка. - Небось, услуженье какое понадобилось?

- Долго не приходила, - сказал он. - Я подумал: не ударились ли в бега. Любимое холопье дело - от бар бегать.

- Куда я денусь! - отвечала Раиска. - Ни пачпорта, ни денег. И лапти худые, новые сплести тятеньке недосуг: на барщине мы с утра до вечера!

- То-то, - сказал он. - Убежишь - велю поймать, а поймавши, отвести на конюшню, снять штаны и выпороть.

- Где это видано, барин, чтоб холопки в штанах ходили! Нет, на мне только этот сарафан. А под ним ничего.

- Нешто я польщуся? - отозвался он. - Меня царицы соблазняли, да я не поддался!

Знакомая по любимому кинофильму фраза эта заставила Раиску засмеяться, сбила с роли.

- Ты старый уж, барин! - укорила она. - Немошный, ни на что не годный, как карамора. Сходи на богомолье в Троице-Сергиеву лавру, там на тебя епитимью наложат за грехи; или в Баден-Баден поезжай - минеральную воду пить от колик в боку.

- Была б ты барышней - другое дело: может, и снизошел бы, - не слушая ее, рассуждал он. - А до холопок мы, Сутолмины, не охотники. Мы породы своей не портим.

- А право-то первой ночи? - возразила Раиска. - Не смерды, не холопы его придумали, а ваш брат, крепостник да рабовладелец. Вы испокон веку до крестьянского тела охотники были.

В ответ на это он сказал довольно спесиво:

- Мы, Сутолмины, - столбовые дворяне, а со стороны бабушки Агриппины Матвеевны восходим к князьям Бельским. Но высоким происхождением не чванились, у своих дворовых даже детей крестили - это правда. Но чтоб за крепостными девками бегать, то считали за потерю чести и достоинства. Даже если некоторые из девок и слышали про Баден-Баден, все равно мы до них не снисходили.

- Теперь я понимаю, что такое классовая ненависть, - Раиска и впрямь вспылала этой самой ненавистью. - До чего же я тебя ненавижу! Убила бы на месте!

- Видишь ли, - объяснил он, отхлебывая опять из стакана янтарное пиво. - Мы, аристократы, не могли восхищаться крестьянками. Чем там можно соблазниться, посуди сама. Вот хотя бы по части разговорного жанра: что может предложить для беседы холопка? Удойна ли корова... сколько навозу вывезли на поля... кобыла ожеребилась, овца обьягнилась, кошка окотилась... каша пригорела, горшок раскололся.

- Противней тебя никого нет, - сказала Раиска.

- А барышня... о, с барышней поговорить - праздник для души! Она, черт побери, и по-французски, и по-аглицки... Про Мастера и Маргариту, про принцессу Диану, про Мэрилин Мон-

ро, про Грига и Глюка... про модернистов, абстракционистов, импрессионистов.

Пиво в его стакане кончилось, и он как-то очень изящно, словно сам собой любуясь, налил еще. Посмотрел стакан свой на свет и продолжал:

- Опять же то взять в рассуждение: тело у холопок от физического труда может ли быть красиво! Животы от репы да брюквы велики, кожа от домотканой одежды груба, лица и руки обожжены солнцем, волосы немыты и пахнут овцой...

- Утопить тебя мало в этом вот пруду, - решила Раиска. - Или в колодце, как ведро. Тут где-то старый колодец есть.

- Иное дело - барышни или барыни, - продолжал он, покачивая ногой, и вид имел самый мечтательный. - Они вырастали в холе и неге, в шелках да батистах, спали на перинах, ходили по коврам да по паркетам, потому у них ножки точеные, талии тонкие, ручки словно фарфоровые, пальчики длинные, ноготочки розовы, словно перламутровые, волосы шелковисты, кожа нежна.....Вот что такое барышня!

Раиска ухватила обеими руками подол сарафана, одним рывком завернула на голову и сбросила на траву, оставшись в чем мать родила. Тихонько мурлыкая, осторожно ступая по игольнику, спустилась с берега и - ах! - упала, опрокинулась на спину в воду, как всегда делала, когда купалась в незнакомом месте, не зная глубины.

- Барин! - сказала она оттуда. - Жарко, чать. Поди со мной купаться.

А тот сохранял полное спокойствие.

- Иди ко мне, - звала холопка. - Али стыдишься раздеться? Небось, ноги волосаты, пузцо арбузиком, суставы скрипят.

Он встал, и Раиска тотчас подалась к своему берегу. Нет, он не намеревался купаться с нею. Да ведь и она не хотела этого! На черта он ей сдался? Просто у нее не было иного способа сбить с него это высокомерие. А тут почувствовала опору в их противоборстве: он стар, а она молода. Он некрасив, коли разденется, а

она как раз напротив. Чего ей стыдиться!

Вышла из воды, не жеманясь, провела несколько раз по груди да по бедрам ладонями, сгоняя с тела капли воды и прилипшую ряску.

- Чтоб тебе по ночам это снилось, - приговаривала она. - Чтоб тебе не спалось, проклятому! Чтоб ты зубами ляскал, как лиса на виноград.

- Невозможно себе представить, - сказал он сам себе, но Раиска услышала, - чтоб так вела себя пушкинская барышня-крестьянка. Налицо явная испорченность нравов. Вот что такое оставить своих подданных без барского присмотра.

Он опять сидел в прежней позе, покачивая ногой, и смотрел на нее, словно она на сцене, а он в зрительном зале.

- У тебя никогда не было девушки так прекрасно сложенной, как я, - заявила Раиска, вставши в полный рост перед ним и закручивая в узел мокрые волосы. - У тебя никогда не было и не будет девушки с такими густыми волосами, как у меня, с такой восхитительной кожей, с такими красивыми прямыми ногами. Меня, холопку, а не какую-то там барышню можно поставить обнаженной в самом людном месте - все будут любоваться, и ни у кого не возникнет грязных мыслей на мой счет, потому что я прекрасна, и нет во мне изъяна! Ты понял, помещичье отродье?

- Кобылице моей в колеснице фараоновой я уподобил тебя, - в задумчивой тональности произнес «помещик».

Текст библейский, знакомый ей, он читал хорошо, но Раиска была очень ожесточена.

- Во тебе! - сказала она, показав ему кулак, после чего надела сарафан столь же быстро, как и сняла, словно это мешок, - он был ей великоват.

- Не смотрите на нее, что она смугла, - проговаривал он негромко и задумчиво, - ибо солнце опалило ее: сыновья матери разгневались на нее, поставили стеречь виноградники, а своего виноградника она не стерегла...

- А барышни твои, - уж совсем добивала она его, - что в шел-

ках да батистах выросли, худосочны, прыщавы, у них бледная немочь или еще что похуже. От них и дети родились золотушные да чахоточные, потому вы, баре, и вымерли, как динозавры. Произошел естественный отбор.

- Запомни, холопка, - сказано ей было с другого берега, - никогда я не польщуся на девицу неблагородных кровей.

- До чего я тебя ненавижу! - покачала головой Раиска. - Прямо убила бы на месте, нисколько не жалко.

И повторила про классовую ненависть, которую она теперь испытывает в полной мере.

- Скоро наш российский парламент примет закон о возвращении родовых владений прежним хозяевам, - невозмутимо продолжал он. - Вся эта земля будет моей...

- Надейся, дурачок. Держи карман шире, авось упадет тебе богатство с неба.

- Это неотвратимо, как восход и закат солнца. У нас там свои люди, все схвачено. Закон уже написан, депутаты подготовлены. Как только его примут, я не промедлю ни минуты, вступлю во владение моим родовым поместьем.

- Размечтался глупенький!

- Думаешь, для чего я тут живу вот уже две недели? - спросил он.

Раиска за ответом в карман не лезла, отвечала тотчас:

- Дурью маешься и не лечишься.

- Для того, чтоб напитаться этой водой, этим воздухом, чтоб тело мое - оболочка моей души - постепенно обретало здешние микроэлементы. Понимаешь? Процесс вступления моего во владение этой землей, процесс принятия наследства уже начался!

- А если поместье тебе не вернут, что тогда?

- Я его выкуплю, - заявил он без колебаний.

- Деньжонок-то хватит ли, ваше благородие? - осведомилась Раиска со всей возможной едкостью, на какую только была способна.

- Зови меня «ваша светлость», - поправил он невозмутимо. - Потому что, как я уже сказал, корни дворян Сутолминых одной ветвью уходят в род княжеский. Это тебе о чем-нибудь говорит?

- Еще бы! Говорит, на чьей сороке изба сидела.

- А что касается денег, то у нас, у Сутолминых, счет в аргентинском банке - хватит, чтоб купить и вашу деревню, вместе с тобой, и окрестные поля, и леса.

Сказал бы он «швейцарский банк», Раиска не поверила бы. Но «аргентинский» немного смутил ее.

- Не заплошает от этого? - спросила она. - Если сильно большой кусок, можно подавиться.

- Я тут поставлю домик в виде терема, - продолжал он, не обращая на ее слова никакого внимания. - Пруд велю расчистить, запустить зеркального карпа и лебедей, в ручье будет плавать форель... Дом поставлю в два этажа, по верхнему этажу терраска круговая. К терраске этой лестницы витые с двух сторон... и парадный подъезд с колоннами.

Смутилась еще больше Раиска, слушая его: он нарисовал то, что она видела во сне! И продолжал:

- Терраску велю сделать с резными балясинами и деревянными решетками, по ней плющ и виноград выются. Перед домом, вот тут, гиацинты, хризантемы, астры... От крыльца - дорожка вокруг пруда и мостик деревянный через ручей вон там. Будет и сад, будут и беседки в саду, и водяная мельничка для забавы. Конюшню заведу с породистыми лошадьми...

Конюшня да мельница - ладно, бог с ними. Но он завладел Раискиным теремом! Он сделал это по-барски нагло и бесцеремонно - ограбил ее!

- Как только ты поставишь тут свой дом, так я подпущу ему красного петуха, - твердо пообещала она.

- Почему?

- Мы не потерпим притеснений.

- Несчастливая холопка... Скажи, как тебя зовут?

- Меня?.. Раиса Павловна.

- Раиса... - он помолчал, размышляя. - Твое имя обозначает «покорная», «легкая», «уступчивая».

- Ну, так я такая и есть!

- Разумеется.

- А как твоё светлое имечко, господин Сутолмин?

- Арсений Петрович. Арсений означает «мужественный». А Петр - «камень».

- Понятно: мужественный камень. Или мужественный пень.

Раиска довольная, засмеялась.

- А тебя я выдам замуж за нашего кучера, - решил он. - То есть за моего личного шофера. Он будет учить жену уму-разуму чересседельником или вожжами. А когда родятся у вас дети, они будут служить моим детям.

- Вот тебе! - Раиска сложила пальцы в дулю, показала ему, покрутила. - Мало? - спросила и, поплевав, опять покрутила. - Вот тебе еще.

После чего удалилась с поля боя, не оглядываясь.

8.

В один из двух последовавших затем дней Раиска съездила в город, поторговала сметаной да творогом. Да и успешно поторговала! На обратном пути, подходя к своей деревне, оглядывалась на Яменник. Казалось, вот-вот оттуда выйдет дачный человек с тросточкой и с прозрачным плащом в кармане...

- Мужественный камень, - произнесла она вслух.

Что он делает там? Сидит целыми днями, покуривая трубку, и мечтает, как он построит мост через пруд? Все эти помещики, паразитировавшие на крестьянском народе, как раз заняты были праздным сидением, пустопорожней болтовней, и только.

Но ведь это так скучно! День посидишь в безделье, два... Ну, погуляешь по окрестностям. А что потом? Может, он удочку в пруд забрасывает и ловит карасей?

Раиска засмеялась опять же вслух, представив себе, как этот

дачник с торжеством вытащил из пруда карася величиной со спичку... как пожарил его на сковородке...

Ясно, что это неумный человек, поскольку забрался в корявый лесок, поставил там палатку и живет в ней, воображая себя помещиком.

«А может он в самом деле отпрыск... Или врет без всякого чуру? Скорее всего врет. Однако вот бродит по нашим местам... что-то высматривает. Неспроста...».

Тут крылась какая-то загадка, которую следовало разгадать.

Раиска решила, что завтра или даже сегодня к вечеру потихоньку прокрадется в Яменник и понаблюдает за ним, никак не обнаруживая себя.

Но намерение ее осталось неисполненным, потому что объект наблюдения сам явился в Сутолмино. Он нахально постучал с улицы в окно Раискиного дома и столь же нахально окликнул:

- Есть кто дома?

Голос уверенный, прямо-таки хозяйский. Таким тоном может приказать и так: встань передо мной, как лист перед травой! Раиска распахнула окошко, выглянула... Он, должно быть, не ожидал увидеть ее, потому замешкался, не зная, стоит ли ему к ней обращаться.

- Мам, тут какой-то старичок, - сказала Раиска.

- Какой еще старичок? - отозвалась мать недовольно: делом была занята.

- Может и не старичок, но шибко пожилой. И вид жалобный такой... Наверно, милостыньку просит ради Христа.

Мать уже сообразила, что озорничает дочь над кем-то.

- Чего тебе, дяденька? - спрашивала Раиска. - Хлебушка, что ли, или картошечку в мундире?

Но тут мать отстранила ее от окошка и голосом отнюдь не суровым, а обрадованным воскликнула:

- Ой, здравствуйте, Арсений Петрович!

Вот эта мгновенная перемена в матери была поразительна. Они что, уже знакомы? С каких пор? И как это прошло мимо вни-

мания Раиски? Ей даже показалось, что мать не просто оперлась на подоконник, а сделала это картинно, кокетливо. Что-то в ней такое проснулось... Ишь ты!

- Здравствуйте, Галина Дмитриевна, - отвечал он весьма любезно, гораздо любезней, если сравнить, как он разговаривал с Раиской.

- А я думала, вы не придете, - продолжала мать, совершенно позабыв о стоящей рядом дочери. - Уж собиралась нести сама. Авось, думаю, отыщу его в Яменнике, лесок невелик.

Он что-то ответил ей.

- Да мне труда не составит, - говорила Раискина мать. - Я на ногу легкая. Тут и всего-то с километр.

Оказывается, они уже когда-то разговаривали и условились, что для новоявленного помещика будут приготовлены и сметана, и творог... Но не это опять же поразило Раиску и возмутило, а то, что мать столь легкомысленно готова сама идти... в Яменник!

- Дочка, ну-ка принеси из сеней банку со сметаной и миску с творогом. Я там поставила в холодильнике.

Раиска, недовольно фыркнув, отправилась в сени, а мать живенько скинула домашний старенький халат и надела платье понаряднее.

- Это еще зачем? - опять фыркнула Раиска, выходя из сеней. - Или праздник нынче?

- Ну как же, чужой человек, - шепотом объяснила мать. - Неудобно.

Она не в окно подала молоко да сметану, а проворно вышла с этим на улицу. Было слышно Раиске, как она там говорила:

- Вот, пожалуйста, Арсений Петрович, все свежее, сегодняшнее. Не хотите ли луку с грядки, редиски или яичек прямо из гнезда? Раиска! - крикнула она. - Сбегай-ка в огород, нарви луку перьевого да редису, который покрупнее, надергай.

Раиска не отозвалась, будто не слышала - смотрела в щель между занавесками: этот самый Арсений Петрович, одетый в рубашку с отложным воротничком - «Чистоплюй! Профессор кис-

лых щей!» - принял и банку, и миску, бережно. Этак неспешно, аккуратно уложил их в цветную авоську, которую Раиска тотчас возненавидела, потому что на ней изображена была хорошенькая женская головка и плечики, и туго расpiraемый лифчик...

- Не зябнете по ночам? - спрашивала мать. - Небось, туман там стоит, холодно? Жену надо было с собой прихватить... для тепла.

- Моя хатка с двойной крышей, Галина Дмитриевна, а спаль- ный мешок на гагачьем пуху, - отвечал дачник

«Хвастун», - подумала Раиска и тотчас сказала вслух, в от- крытое окно:

- Хвастун!

- В нем и в зимние морозы спать тепло, даже в сугробе, - не- возмутимо продолжал он, словно и не слышал ее пренебрежи- тельного замечания из окна. - Я в него не залезаю, сплю поверх, а то жарко. Ночи стоят теплые. Правда, у меня там по утрам и вечерам туманец поднимается, бывает и прохладно.

- Как вы не боитесь там! - удивлялась мать. - Один... в лесу... Я б со страху умерла.

Раиске показалось, что он и мать переглядываются со значе- нием, то есть глазами-то ведут другой разговор.

Что произошло между ними и когда? Накануне, пока Раис-ка была в городе на рынке?

Дочь отметила; мать по-особенному улыбалась, и голос ее стал мелодичным. «Ишь ты!» - ревниво рассердилась Раиска.

- Зато у меня тихо-то как! - говорил дворянин Сутолмин. - Иные лечатся минеральной водой, физкультурой, а я тишиной.

- От какой же болезни?

- От сердечной, Галина Дмитриевна, от сердечной. Была кра- савица-жена - и нету. Были друзья - покинули. Теперь один, как перст.

И далее они разговаривали в том же духе, а Раискино него- дование нарастало. Она не выдержала, живо сменила свое платье на тот драный халатик, в котором обычно мыла полы или стира-

ла бельё, и вышла на улицу. Арсений этот Петрович стоял возле палисадника, Раискиной матери не было с ним. Раиска с самым независимым видом села на завалинку под окнами. Солнце пригрело завалинку. Раиска прижмурилась от удовольствия, как кошка, и словно бы не обращала внимания на дачника.

- Коленки-то не выставляй этак, - сказал он. - Целомудрие и только целомудрие украшает девушку!

Раиска дернула плечом:

- Почему локти выставлять можно, а коленки нельзя?

- Именно так: локти можно, коленки нельзя. Грация тела рождает грацию души.

- Ты уже старенький, чтоб засматриваться на девушек и на их голые коленки.

Он не успел ей ответить, Раискина мать вышла со двора, неся в фартуке яйца.

- Только что из гнезда, - сказала она воркующим голосом. - Еще тёпленькие.

И стала бережно перекладывать яички в его авоську.

- Дочка, неуж трудно догадаться? Сходи в огород, принеси луку перьевого, редиски, укропчику.

- Вот ещё! Что я, нанялась услужать кому-то?

Раиска строптиво фыркнула, дернула плечом, но распряжение матери исполнила: принесла того и сего. А мать и этот Арсений Петрович продолжали свой разговор. О чем они говорили в ее отсутствие? Вернувшись, она услышала, как он сказал с улыбкой:

- Я могу расплатиться за столь вкусную продукцию долларами! Что вы тут, в деревне, предпочитаете, Галина Дмитриевна? Наши деньги или иностранную валюту?

- В долларах мы не разбираемся, - засмеялась Раискина мать.

И так хорошо засмеялась! Ишь, что-то истинно женское проснулось в ней. Это что же, она заигрывает с дачником из Яменника? Завлекает его? Разве и в эти годы увлекают да обольщают? Ей тридцать шесть...

- Долларов мы в глаза не видели, - продолжала ворковать

«Галина Дмитриевна». - Не отличим от конфетных фантиков.

- Я могу показать, - он вынул кошелек. - У меня есть и фунты стерлингов, и немецкие марки.

- Прилепи их к себе на задницу, - посоветовала Раиска .

Мать даже опешила, смутилась.

- Ты чего грубишь? - укорила она.

- А что я такого сказала! - возмутилась дочь. - Ничего особенного. Просто я патриотка и денег иностранных терпеть не могу! К тому же мне на базаре однажды пытался всучить фальшивые доллары, напечатанные на ксероксе. А жулик тот был вот такой же гражданин, почтенного возраста, даже, пожалуй, поинтеллигентней.

Арсений Петрович смотрел на нее с искренним интересом. Почему-то его веселили ее обидные слова.

- Не слушайте ее, - уже сердилась мать. - Она у меня грубиянка, совсем от рук отбилась. И в кого такая! Отец - мужик смирный, слова грубого или обидного от него не услышишь... да и я сама не сказать, чтоб шибко вольная. Но вот бывает, что и на хорошей яблоне яблочко с дефектом.

- А где же ваш смирный муж? - поинтересовался Арсений Петрович.

Мать немного смутилась, говоря:

- На заработки уехал...

- ...и бабу там нашел, - безжалостно добавила Раиска.

После такого заявления разговор пресекся неловкой паузой.

- И что такое, - продолжала Раиска, - все старички лет сорока пяти норовят на молоденьких жениться! Что им за сласть такая?

Мать ей строго:

- Ну, ты отца не суди, не твое это дело. Чего не понимаешь, о том помалкивай.

- А что я такого сказала!

- Я тебе постоянно твержу: отец у тебя неплохой. Другой уехал бы и забыл, а этот и навестит, и деньжонок пришлет. Понима-

ет, что дочка у него в невесты выходит, наряжать ее надо.

- Замуж пора отдавать, - сказал их собеседник. - Ишь, в ней шалая кровь бродит. Долго ли до беды!

- Да ведь семнадцать только-только стукнуло, рано еще замуж, - усомнилась мать.

- Какое там рано! - возразила Раиска. - В самый раз.

Дачник засмеялся:

- Бойка она у вас на язык, Галина Дмитриевна.

- Куда как бойка! Отец обещал устроить ее в городе на курсы золотошвеек. Уж такая ли хорошая работа, да не хочет эта привереда. А я не знаю, как и быть. Мне ее от себя отпустить... как я тут одна? Деревня у нас безлюдная, особенно зимой. Однако и так подумаю: что ж ее возле себя держать! Ей свою жизнь выстраивать надо.

Дочь вздохнула:

- Придется отпустить. Не взаперти же держать!

Он опять засмеялся. Его явно забавляло, как хорошо играет Раиска свою роль. Кажется, он понимал, что все это представление затеяно ею ради него, только ради него.

- Того и гляди глупостей наделает, - сказал он, явно подтрунивая над Раиской. - Отдайте ее замуж! И пошли ей бог бдительного мужа.

- Хоть бы какого-нибудь дурачка или старичка, - поддакнула Раиска.

- Да я уж приглядываю за ней, - доверительно сказала мать. - Ухажер приезжает, так я их дальше вот этой лавочки не отпускаю. Сидят на глазах у меня - так-то спокойнее.

Тут Раиска засмеялась:

- Нашла от кого стеречь! Он послушный, как котенок, ручной совсем. Скажешь: сиди - и сидит. Скажешь: вставай - встанет.

- Верно, паренек хороший. От него плохого не жди. Да и родители - люди порядочные, достойные.

- А все равно приглядывать надо, - пошучивал Арсений Петрович.

- Конечно, - опять поддакнула Раиска. - Береженого бог бережет.

Потом разговор был более серьезный.

- Как вы тут живёте? - спрашивал «барин». - За счет чего? Откуда доход имеете?

- А вот две коровы у нас, - говорила мать, словно отчитывалась, - молочко на рынке продаем, творожок, сметанку. Поросяток выкармливаем, а то и двух. Гусей полтора десятка... Пока до нас налоговая инспекция не добралась, концы с концами кое-как сводим...

Раиска в деловой разговор не встревала. Сидела молча и ждала: скажет ли Арсений Петрович матери, что приходила к нему в Яменник её дочка-«холопка». И приходила, мол, и концерт со стриптизом устроила... вполне в духе нынешнего, а не дворянского времени.

Но он не выдал. Значит... значит, это тайна - та самая, которая уже объединяет их, его и Раиску?

9.

Признаться, теперь Раиска внимательно слушала новости по радио да по телевизору: а что там в Москве?

«И впрямь не готовится ли закон, по которому прежним помещикам будут возвращать их владения? - думала она. - Вдруг примут!.. И появится владелец всей здешней земли. Неужто возможно такое?».

Ее занимало: - ведь одинаковы название деревни и фамилия бывших тут помещиков. Если и у Арсения Петровича фамилия Сутолмин, то что же, он в самом деле из того рода? Приехал посмотреть на родовые места... и поселился как раз на камнях своего прадедовского дома.

Наряду с возникшим у нее интересом к делам государственным она внимательно присматривалась к матери. Что-то очень уж благосклонно разговаривала она с посторонним человеком. И

что-то очень уж задумчива стала с некоторых пор.

- Не сходить ли и мне за земляничкой? - сказала та, вроде бы, рассеянно. - Варенья надо наварить.

Случилось это на другой день.

- Еще чего! - сурово отрезала дочь.

Они ворошили сено у себя за огородом. О недавнем госте не говорили, но у обоих он был на уме. Сена много, не до гуляний, но вот примечательно, что матери занетерпелось вдруг сходить за ягодами.

- Ты, Раиска, останься дома, да не отлучайся и поглядывай, не занесло бы тучу. Сено сухое, не дай бог замочит. А я пособираю землянички.

- Если идти, то обеим, - решительно заявила Раиска.

Но вдвоем идти им почему-то не захотелось.

Некоторое время спустя, мать сказала в раздумье, что Арсений Петрович о чем-то очень горюет. Неудобно спрашивать, но, кажется, от него ушла жена.

- И правильно, - одобрила Раиска. - Я б от такого тоже ушла.

- Такой на тебе и не женится, - без обиняков заявила мать.

- Только поманить, - отвечала ей дочь самолюбиво.

- Что у тебя за язык! - рассердилась мать. - Не всякую глупость, что на ум взбредет, надо вслух говорить. Ладно при мне, я уж к твоим глупостям привыкла, но ведь и при посторонних этак-то брякнешь.

Рассердились обе, молчали, но думали опять о том же.

- Может, она у него умерла? - сказала мать через некоторое время. - Чего-то он не договаривает. Но видно, что переживает очень именно из-за нее. Потому и забился в наш лесок, подальше от людских глаз.

«Конечно, если жена у него умерла, и он по ней страдает, то это меняет дело, - так подумала Раиска. - Может быть, зря я с ним так дерзко.... Его пожалеть надо».

- Какое-то горе у него, - вслух размышляла мать. - Но вот ведь не запил.... Держит себя строго.

- Аристократ, - насмешливо сказала Раиска.

- Чести своей не роняет, - одобрительно отозвалась мать. - Не скажешь зря. Другой ударился бы в запой да в загул, совсем себя потерял бы... а этот мужик настоящий, не тюря.

Раиска ничего не сказала в ответ, но подумала примерно так же. И раскаяние за прошлые свои вольности впервые проснулось в ней.

10.

Прошло два дня, а на третий Раиска по полуденной жаре ходила разыскивать Белку - пора доить, а та пропала. И нашла, и подоила, а на обратном пути пришлось ей идти другой дорогой, да и не дорогой вовсе - просто канавой, так ближе. Тут кусты чередой, меж ними на буграх проплешинки с ярко рдеющими ягодками земляники. Раиска то и дело останавливалась, собирая ягодки в рот... и вдруг увидела за кустами неподвижно лежащего человека. Она замерла и некоторое время стояла, не шевелясь. Так же недвижимо лежал и человек... а это был «помещик», она его сразу узнала.

«Уж не помер ли, болезный? - встревожилась Раиска. - От солнечного стука в такую жару вполне может случиться сердечный или какой-нибудь иной приступ».

Она подошла поближе, окликнула боязливо:

- Эй!

Не пошевелив ни ногой, ни рукой, он открыл глаза - барский взор его был ясен.

- А-а, молочница... холопка.

На этот раз Раиска почему-то не обиделась.

- Говори тихо, не шуми, - предупредил он, зевнув этак сладко: ясно, что спал человек. - Тут рядом гнездышко, в нем птушечка. Детки у нее там, она их то и дело кормит.

Сказав это, он осторожно встал и протянул руку к ее подойнику:

- Дай-ка сюда ведро.

- Зачем?

Ишь, какие повадки барские: словно и молоко, и корова Белка уже стали его собственностью.

- Хочу попить молочка.

- Корову нашу не пас, сена ей не косил, а молоко дай?

- Я заплачу золотом! - воскликнул он тоном героя известного кинофильма и отобрал у нее ведро с молоком.

- Я мзду не беру, - отвечала ему Раиска в том же тоне.

- Эта земля моя, - напомнил он. - И трава моя, и даже этот ветер принадлежит мне. И, кстати, обращаться ко мне следует на «вы», потому что мы на разных ступенях социальной лестницы. Я наверху, ты внизу.

Должно быть, он ожидал от нее достойного отпора, но Раиска, вздохнув, призналась:

- А что-то не хочется мне сегодня с вами ругаться.

- То-то, - хмыкнул он и стал пить молоко.

При этом оглядывался на куст, в котором жила птаха, неведомая ему. Переводил дыхание и снова пил, отдувая от края пену.

Такое простое дело, а почему-то приятно было Раиске видеть, как он пьет.

- Нравится вам парное молоко? - спросила она, уверенная, что он ответит утвердительно.

Однако он сказал:

- Вот стихотворная строка древнегреческого поэта Пиндара: «Лучшее в мире - вода». А уж он-то знал толк и в молоке, и в винах. Однако же воде отдал предпочтение. Парное молочко прелестно, однако я тут пил воду из родника, она вкуснее.

- Это неблагодарность по отношению к нашей Белке, - заметила Раиска. - Она обиделась бы, если б услышала.

- Неблагодарность - худший из пороков, - вроде бы, согласился он и тотчас возразил: - Восхваляя воду, мы с Пиндаром отнюдь не унижаем божественный напиток - молоко. Напротив,

мы поднимаем и то, и другое на божественный уровень!

Он и еще попил, после чего вернул ей подойник со словами:

- Ты так смотришь на меня... Вот о чем я хочу предупредить: ситуация эта очень опасна для тебя, холопка.

- Какая ситуация? - насторожилась она.

- Живешь в захудалой, заброшенной деревне, общаться не с кем... нет у тебя предмета для обожания. И вдруг объявляется человек, умный, красивый, аристократической внешности... почти молодой... и ведет себя странно, необычно: живет в лесу, один... Долго ли тут наивной девушке вообразить о нем черт-те что! Она может влюбиться, а это чревато для нее.

- Чревато чем?

- Разочарованиями! Неразделенностью пылких чувств! Разрушением романтических представлений о мире! Я не могу снизить до тебя, потому как дворянин и отчасти князь, а ты холопка.

Это был сокрушительный удар, но Раиска устояла. Она сохранила уверенность и во взгляде, и в голосе.

- У меня есть парень, которого я обожаю, - сказала она. - Вот он-то, действительно, и красивый, и умный. Кстати, он расправится с любым моим обидчиком, имейте это в виду. У него есть охотничье ружье, от вызовет любого на дуэль, будь он хоть князь, хоть герцог, хоть принц, и пристрелит, как зайца.

Он покачал головой:

- Твой парень, если он есть, должен быть благодарен мне, и только.

- За что же?

- За бережное отношение к тебе. У тебя шалый возраст... Ты сама не знаешь, чего хочешь, то есть не отдаешь себе отчета. На счет парня, может, и верно, однако... Я еще раз тебя предупреждаю: ты стоишь на пороге горячей влюбленности в меня. Я же, имей это в виду, не могу ответить тебе взаимностью.

- Ваш брат, старичок, только и смотрит, как бы подцепить кого помоложе, - сказала на это Раиска. - Вашего брата, ста-

ричка, мне ничего не стоит охмурить и одурачить. Я могу это проделать и с вами...

- Нет, - убежденно отозвался он. - Этот номер со мной не пройдет.

- Я уже всяких речей наслушалась. Ко мне в городе то и дело: «Ах, я только у вас покупаю и творог, и сметану... Ах, скажите, как вас зовут и нельзя ли с вами встретиться?.. Ах, примите от меня в подарок эти конфеты...».

Насчет конфет она соврала без всякого смущения: никто, увы, не дарил. Да и насчет «встретиться» тоже разговору не было. Но ведь могло быть!

- Запомните на будущее, господин дворянин: коли вы - «светлость», то я - «величество». Только так, и не иначе.

Пожалуй, это было произнесено неплохо, потому что Раиска была в эту минуту очень серьезна.

- Ты - холопка, - сказал он убеждающе. - Говоришь грубости, не умеешь разговаривать со старшими, действуешь прямолинейно, неискусно. А вот словом «старичок» ты меня достала. Да будет тебе известно, что мне всего сорок два года - возраст почти юношеский. Это во-первых. А во-вторых, я должен тебя предупредить, что меня почему-то любят женщины. Это прямо-таки несчастье какое-то: стоит мне улыбнуться любой из них, и она сразу тает. Хотелось бы, чтоб вы, барышни, были более стойкими, иначе просто неинтересно.

- А вы от скромности не умрете, - заметила Раиска, глядя на него уже с неприязнью.

- Осторожно: я сейчас улыбнусь, - предостерег он каким-то особенным голосом.

И улыбнулся всем лицом сразу - губами, щеками, лбом... Но самое главное произошло в его глазах: ласковый свет полыхнул в них подобно зарнице, и Раиска почувствовала, как теплой волной окатило ее всю, потому в смущении отступила. А сделав шаг назад, потупилась на мгновение, опять посмотрела на него, желая видеть его улыбку снова.

- Приходи ко мне сегодня вечером, - сказал он, понизив голос. - Когда стемнеет... или чуть-чуть пораньше, в сумерках.

- Куда? - спросила она непроизвольно, повинувшись отнюдь не своему разуму, а его воле.

- Ко мне, - он понизил голос до шепота. - Я буду ждать.

- Ладно, - сказала она тоже шепотом. - Хорошо.

- Чего ж хорошего? - спросил он уже погромче, после паузы.

- Подумай сама: потрепанный жизнью и подержанный другими женщинами мужчина, уже в немалых годках - пятый десяток пошел! - приглашает тебя прийти к нему в лес... не когда-нибудь, а под вечер, когда стемнеет... и ты соглашаешься.

Раиска ошеломленно молчала; потом повернулась и пошла к деревне, сначала медленными шагами, потом быстрее.

- Разве это не холопство? - спросил он ей вслед.

Нет, она не очень-то и негодовала на него. Она не чувствовала себя униженной или оскорбленной. Разве не справедливо он сейчас поступил? Разве не правду он сказал? Она так легко покорилась, а это и есть холопство. С его же стороны все было честно и благородно.

Раиска осознала теперь, что он каким-то образом обрел власть над нею. Она покорилась этой власти, и вот что примечательно: рада была этому! А откуда эта власть? Уж не оттого ли, что когда-то его предки владели ее предками, крепостными крестьянами?..

С этим надо было непременно разобраться.

11.

Следующим днем был четверг, но Раиска не поехала в город, сказавшись больной. Мать отправилась вместо нее на рынок. Так бывало и раньше.

Едва только мать за порог, Раиска тотчас стала собираться... в Яменник. А зачем, сама не знала. Вырядилась в новое платье.... Только в таком платье и лазить по чащам в Яменнике! Но она должна быть сегодня как можно наряднее!

Что за чувство ею владело? Не шла - летела на крыльях. Ветерком ее несло, словно пушинку. И спешила почему-то.

На этот раз она даже заблудилась и некоторое время плутала по лесочку, прежде чем выбралась на едва заметную тропку. Это была не та, по которой она пробиралась несколько дней назад, и вывела ее не туда, куда хотелось, - к ручью, который слышала, еще не видя его самого.

Ручей тут растекался довольно широко. Дно его было ровным, усыпанным мелкими разноцветными камешками. Вода тут стлалась тонким слоем и была совершенно прозрачна. А камешки лежали отнюдь не в беспорядке - их выложили таким образом, что угадывался... чей-то лик. Раиска не сразу, но увидела его: он был выложен не ясно, а... угадывался! Причем не с любой стороны, а, пожалуй, только с одного бережка, с одного места. Отсюда более или менее ясно можно было видеть и волосы, обрамлявшие лицо, и глаза, и брови, и нос, и губы... То был женский портрет! По наклону головы, по высверкам в глазах, по складке губ можно было поймать очень печальное выражение на лице этом.

Но стоило Раиске отступить в сторону несколько шагов, как изображение исчезло.

«Мне почудилось», - подумала она, но, вернувшись на прежнее место, опять увидела: да, лицо женщины, очень красивой и очень печальной - оно опять проглянуло сквозь движущийся слой воды. Движение воды придавало ему живой, несколько изменчивый вид.

По берегу трава была притоптана, тут и там лежали малыши кучками разноцветные камешки. Значит... а то значит, что изображение возникло не само собой, да и не могло так-то возникнуть! Кто-то искусным образом выложил камешки, верно ориентируя грани их, - получился мозаичный портрет. И этот «кто-то» был, конечно же... ясно кто.

Арсений Петрович Сутолмин выкладывал мозаику.

«Так он художник! - осенило Раиску. - Вот почему он такой странный. Все художники маленько с придурью, с приба-

бахом, «с тараканом»... Муравлик однажды весь вечер толковал ей о том, что художники, писатели, артисты - все «с тараканом», что именно потому они и талантливы: одаряя одним, природа уравнивает это, обделяя другим. Вот ей, Раиске, ни за что не выложить камешками портрет, ей это даже в голову не приходило, а «помещик Сутолмин, столбовой дворянин» выложил... Впрочем, все, что он говорил про свое дворянское происхождение, – вранье. Может быть, он сам верит, что это правда, но это вранье. Он насочинял скуки ради... Может быть, хотел произвести впечатление на нее, Раиску. Хотел понравиться.

«Да и бог с ним! Чем бы дитя ни тешилось... Гораздо важнее другое... Кто эта женщина? И почему она так печальна?».

Возле ручья с изображением женского лица Раиска просидела довольно долго. Потом выбралась из Яменника тем же путем, что и пришла. Постояла на опушке, глядя на свою деревню, поразмышляла: «Если его нет возле пруда, то он ушел куда-то далеко, не скоро вернется, и у меня есть время...».

Она повернула опять в глубь лесочка.

12.

На этот раз она сразу вышла к тому месту, где стояла палатка. Остановилась тут, прислушиваясь к звукам. Вокруг было этак словно бы сонно. Дрозды перекликались. Жаворонок пел над ближним полем.

Все занято было тут Раиске. Желтая бабочка пролетела, словно бы кувыркаясь в воздухе. На осоке пруда поблескивали слюдяными крылышками стрекозы. Ветер, набегая волнами, играл листвой ближних осинок. А в пруду, в маленьком заливчике, лягушка старательно терла одна о другую мокрые резиновые калоши.

«Небось, и вечерами и утрами ему квакает - подумала Раиска. - А он слушает... Наверно, это ему в удовольствие».

Медленным взглядом обводила она это обжитое место, ди-

вась тому, что во всем тут видна аккуратность. Нет ни обрывков бумаги, ни какого-то иного мусора. Нет обломанных веток, выброшенной из пруда тины... Человек, живший тут, даже траву старался поменьше топтать.

«А хорошо тут! - решила Раиска. - Я б тоже так-то пожила».

Осторожно ступая, чтоб не оставить следов, обошла она палатку вокруг. Замирало сердце: а ну как сейчас вылезет этот Арсений Петрович из своего полотняного домика да и спросит:

«А чего тебе тут надо? Как ты смеешь сюда заходить, холопка?»

У нее было такое ощущение, словно она пришла в чужое жилье незваная и воровато оглядывает чужое добро. Она решила заглянуть в палатку, и заглянула: там было много мягких вещей - то ли одеяла, то ли подушки... матрац надувной, на матраце том радиоприемник... и даже телевизор, величиной с хлебную буханку.

Раиска со смущением отступила: смелость ее принимала уж слишком предосудительный характер.

А вид от палатки, как отметила она, - словно с веранды барского дома. И на пруд, и на берег за прудом, где недавно выплясывала девка в сарафане... холопка. Она купалась в чем мать родила... и вся эта сцена - как на ладони отсюда.

«Ну и что особенного! - стала она оправдывать себя. - Подумаешь! И на пляже люди раздеваются... А чем тут не пляж?».

Вот мостки, с которых он умывается; сделаны неумело, неосновательно, зато они незаметны и не нарушают диких зарослей пруда - тут и осока, и тростник мелкий, и белые кувшинки.

Вот висит на сучке дерева его куртка-ветровка, а под елкой его белые сандалии.

Вот в осоке у воды чисто вымытые кастрюли, миски, сковородка; над ними сушится на ветерке полотенце «кухонное».

«Ишь, порядок везде, - отметила Раиска, - как у хозяйственной женщины. Уж не ухаживают ли за ним?»

Мысль эта немного насторожила ее: может, он не один тут жи-

вет, а с женщиной? Но тогда кое-какие женские вещи тут были...

«Халат, глядишь, висел бы или тапочки да туфли стояли под кустом рядом с его сандалиями, - размышляла Раиска. - А что, если к нему кто-то приходит... например, из другой деревни?».

Она тотчас отогнала эту мысль: некому сюда приходиться! Да и кто о нём знает? Вот только она, Раиска, да еще мать. Но ведь мать не пойдет сюда!

«А если... Нет-нет! Не была».

Она села в креслице, в котором когда-то сидел сам хозяин. Опять вспомнила о той женщине на портрете: кто такая? И почему так печальна? И не из-за нее ли, в самом деле, он забился в этот лесок, как раненый зверь в нору?

«Пустынник... Отшельник».

Она поймала себя на том, что думает об Арсении Петровиче как-то очень уж хорошо, прямо-таки с нежностью.

«Уж не влюбилась ли я?.. Может, это и есть любовь, о которой в книжках-то пишут? Может, она именно в том, что думаешь о человеке с такой радостью? И не только думаешь, но и хочешь сделать ему что-нибудь хорошее».

Ей хорошо было сидеть тут. Прежний Яменник отнюдь не казался страшным или чужим.. Напротив, было тихо и по-койно, по-домашнему уютно...Птицы щебетали. Ветерок ласкал. Лягушка еще старательнее терла свои калоши одна о другую.

13.

«Я поступала плохо, - раскаянно сказала она себе. - Я неправильно поступала! И вчера, и позавчера, и раньше. Нехорошо себя вела. И то, что с самой первой встречи обращалась к нему так развязно, на «ты»... И все эти мои дурацкие вопросы, вроде «Кто такой?», «Что тебе тут надо?». Зачем я так его... Конечно, он сразу решил, что я взбалмошная, дерзкая, грубая девка... именно холопка. Он не ошибся».

Она вспомнила все с самого начала: и как впервые увидела

идушим по полю, а гроза его настигала, а в ней было злорадное чувство: скорей, дождик, скорей!.. И как явилась к нему сюда, на этот пруд, и стала задавать дерзкие вопросы... И как разделась перед ним донага...

«Что он обо мне теперь думает? Какой меня представляет? Вот интересно бы знать.... А что хорошего может он обо мне подумать?».

Помучив себя раскаянием, она решила все наоборот:

«Да ничего плохого я не сделала! Напротив, он очень заинтересован мной. Он у меня в руках, я еще с ним поиграю, как кошка с мышью. А то ишь какие речи! «Понадобишься - позову...», «Велю выпороть на конюшне...». Ты мне за это дорого заплатишь, помещичий отпрыск, крепостник! У нас, у холопок, собственная гордость, на буржуев смотрим свысока».

Она развеселилась. Но вспомнила о той печальной женщине на портрете в ручье и тоже опечалилась. «Что за особа? Почему он ее изобразил? Ведь не один день, небось, трудился! Наверно, любит... а коли так, то больше никого никогда не полюбит».

Довольно долго она сидела, размышляя. Но вот тревожно застрекотала сорока, и другая тоже. Раиска вскочила и поспешно покинула столь понравившееся ей место.

Домой она возвращалась не то, чтобы крадучись, но с соблюдением предосторожностей. Ей очень не хотелось, чтоб кто-нибудь ее видел идущей от Яменника.

Уже подходя к деревне своей, оглянулась назад и увидела: по старой дороге от деревни Дятлово пробирается автомашина. Именно пробирается, потому что дорога непроезжая, не разгонишься лихо. Автомашина свернула чуть в сторону и остановилась, из нее вышла ...Раискина мать.

«Вот это да!» - ахнула Раиска.

Мать о чем-то разговаривала с человеком, сидевшим за рулем, после чего отправилась в свою деревню, автомашина же - иномарка! - стала пробираться в сторону Яменника.

Все это поразило Раиску... Кто-то еще хочет поселиться в ле-

сочке? Или гости едут к «помещику»? Или это сам он сидел за рулем? Да, конечно, он сам! Как она, Раиска, ранее не догадалась, что не пешком же он добрался из города до Яменника! У него столько вещей - на своем горбу не принесешь. Небось, где-то на опушке леса прячет машину, а когда надо, ездит в город за продуктами. То-то у него пиво в бутылках! Небось, свежее...

Раиска, хмурясь, стала высчитывать, могла ли ее мать заранее договориться с Арсением Петровичем о поездке в город. То, что этот Арсений Петрович и мать оказались вместе - это случайность или все-таки сговор у них?

Нет, не могло быть сговора. Мать все время на виду... никуда не уходила от дома.

14.

Вернулась домой Раиска, и мать следом, как ни в чем ни бывало. Впрочем, была очень оживлена, то и дело чему-то улыбалась.

- Ты на рынок стала ездить на автомашине? - не вытерпев, осведомилась Раиска с самым безразличным видом.

- Увидела! - мать всплеснула руками. - Углядела! А я думала, ты тут делом занята.

- Этак о вас не только я, а вся деревня скоро будет говорить, - сказала Раиска.

- Ну уж, - мать даже зарделась, как от похвалы.

- Что ж он тебя до самого дому не подвез, кавалер этот? По соображениям конспирации?

- А ручей там... Мосточек-то провалился еще в прошлом году, да и вообще той дорогой никто теперь не ездит. Уж мы от Дятлова не ехали - ползли, еле-еле.

Стали собирать на стол. За обедом мать оживленно рассказывала:

- Стою за прилавком, торгую, а он и подходит... Арсений Петрович. Веселый такой! Стал мой товар расхваливать. Тотчас

ко мне покупатели выстроились в очередь, я и расторговалась мигом. Предложил подвезти меня... Как было отказаться!

- Ну и о чем вы с ним толковали дорогой? - вроде бы, равнодушно спросила Раиска.

- Да тут пути-то всего десять минут! Когда толковать? Шоколадными конфетами угощал...

Мать была явно огорчена тем обстоятельством, что слишком быстро доехали. Однако что-то у них было говорено и на сердечную тему, так заподозрила Раиска.

- В гости к себе не приглашал?

- Это в Яменник-то? - мать засмеялась. - Нет. Чего не было, того не было.

И она заговорила о другом. Но о другом Раиске говорить не хотелось. Когда убрали посуду со стола, сказала этак глубокомысленно:

- И что такое: на невест сутолминских большой спрос на рынке? Не успеешь встать за прилавок - уж жених-покупатель тут как тут. То ли товар хорош, то ли цена дешева. А?

- Раиска, постыдися, - укорила мать, но не очень строго. - Ты о ком так говоришь-то? Я тебе не подруга, имей уважение к матери.

- Дак вот я встала - тотчас меня, девку красную, углядел парень... Ты постояла полчаса - и уж ухажер, да и с автомобилем иностранной марки! Вот я и интересуюсь, почему такой спрос на нас?

Тут мать замахнулась на нее полотенцем:

- А вот я тебе сейчас!

Сердито замахнулась.

- А что я такого сказала? - изобразила возмущение Раиска, хотя и вовсе не была возмущена. - Ты у меня еще молодая. Не я придумала: как наступит сорок пять, баба ягодка опять... Вот выдам-ка я тебя замуж!

- Ты, вроде бы, сама хотела, - напомнила мать.

- Да я уж подожду, - смиренно отвечала дочь. - Потерплю, так и быть. Не гоже дочери выходить замуж вперед матери.

- Какая язва! - подивилась мать и покачала головой.

Но не сердито она отозвалась так-то. Ничего, легкий был у них разговор.

15.

«Ишь, кто у меня соперница - мать родная! - думала Раиска. - Ведь обе хотим понравиться одному человеку, и я, и мама. Ну, что ж, на войне как на войне. Посмотрим, чья возьмет...».

Она решила: надо что-то предпринять. Чего сидеть и ждать у моря погоды! Городской рынок уже научил ее: только активная торговля ведет к успеху! Если будешь стоять, разиня рот, - ничего не продашь. Покупателя надо завлекать... шуткой, смехом, взглядом поманить... пообещать такое, чего и нет, и быть не может.

«Надо как-то встретиться... произвести на него более благоприятное впечатление. Хорошо бы встретить вроде бы нечаянно... и затеять разговор посерьезней».

Легко сказать: произвести благоприятное впечатление... интеллигентный разговор затеять. Слишком велика разница между ними.

«Как жаль, что нет Муравлика, - подумала Раиска. - Запропал в своем Ярославле... Порасспросить бы о чем-нибудь, а потом выложить господину Сутолмину, чтоб сразу напавал... Что он мне раньше-то рассказывал, Муравлик? Я, дура, слушала в пол-уха. Надо было запоминать».

Однажды он толковал про Микеланджело и про его взаимоотношения с властями... про Лоренцо Великолепного, правителя блистательной Флоренции... Нет, такого разговора ей не потянуть: мало знает про Микеланджело... Еще Муравлик недавно толковал об американской музыке... Про Бенджамина Бриттена и Роберта Гершвина. Или может он и не Роберт, этот самый Гершвин? Может, он Бенджамин? Тут легко попасть впросак. Кто-то

из них сочинил «Простую симфонию», которая очень нравится Вите. Но вот кто именно?

«Этак брякнешь: а нравится ли вам «Простая симфония» Бриттена? А дворянин Сутолмин в ответ: холопка, симфонию эту написал Гершвин... Ну и угодишь в лужу».

Тогда, может быть, поговорить о литературе? Тема, доступная даже тупице, у которой в аттестате по литературе стоит тройка.

«Что вы можете сказать о стихах Винченцо Филикайя, уважаемый Арсений Петрович?».

«Ничего, кроме того, что никогда о нем не слыхивал».

«А я могу вам почитать его стихи наизусть».

«Не может быть... Это какой-то малоизвестный стихотворец. Если ты, холопка, знаешь наизусть малоизвестных... твоя образованность меня потрясает».

И прочитать ему «Италия, Италия! О, ты, кому судьба наследием несчастным...». Нет, лучше немного переиначить, как переиначивал Муравлик:

Россия, Русь! О, ты,
Кому судьба наследием несчастным
Дар роковой вручила красоты!
О, если б не была ты так прекрасна,
Зато сильна, чтоб, менее любя,
На казнь не уводили бы тебя
От чар твоих трепещущие страстно!..

Раиска не запомнила бы этих стихов, но они в ее сознании каким-то образом обратились к ней самой: о, ты, кому судьба вручила дар роковой красоты!... ах, если б не была ты так прекрасна!... тогда б не трепетали перед тобой страстно.

А вдруг Сутолмин Арсений Петрович знает этого Винченцо, который к тому же еще и Филикайя? И скажет: там речь не о России, а об Италии!

Тогда она его научит уму-разуму:

«Я вижу, вы в литературе не очень-то сведущи... Вы не знаете даже того, что всякое художественное произведение – это иносказание. То есть один пишем, а два в уме. Говорится об Италии, верно, однако имеется в виду другое. Поднапрягите ваши мыслительные способности и прочитайте, что там, между строк. Любовь к родине, верно, однако и еще кое о чём...».

16.

Не вытерпела, отправилась в Яменник, но не одна, а для отвода материных глаз вроде бы как Белку пошла попасти. А сама подгоняла корову, подгоняла - по канаве да к лесочку! А там легкий голубоватый дымок поднимался: хозяин на месте, хозяин дома.

Так оно и оказалось: Арсений Петрович, действительно, хлопотал возле костра, когда Раиска с коровой оказались в поле его зрения.

Нет, он не был раздосадован ее появлением, даже обрадовался:

- Ага, вот и парное молочко пришло своим ходом! Ну-ка, надои мне в этот котелок.

Между ними был опять пруд. И котелок над этим прудом описал дугу, шлепнулся как раз у ног Раиски.

- А обратно как? Тоже по воздуху?

- Можно пустить, как кораблик, по воде - не утонет.

Раиска засмеялась. После чего сказала, что корова не даст молока, если не угостить её куском хлеба. Тогда горбушка чёрного проделала тот же путь, что и котелок. Раиска подозвала Белку, скормила ей хлебушек, присела доить и тотчас сообщила:

- Скоро в человеческом обществе произойдет мировая революция.

- Да ну! - удивился он. - Свят, свят, свят... избави нас, Господи.

- Напрасно вы так иронически... «Счастлив, кто посетил сей

мир в его минуты роковые...». Имеется в виду: революция не общественно-политическая, не как наша Великая Октябрьская и не как Великая Французская, а в знаниях и в представлениях о мире, в зрелищах и развлечениях.

- Мы жаждем хлеба и зрелищ? - осведомился он.

- Мы жаждем знаний, - строго сказала Раиска. - Ныне мы стоим на пороге великого открытия: вот-вот изобретут такой прибор, который будет считывать генетическую память людей.

- Что это такое?

Он уже сидел в креслице своем и курил - дымок, как и в прошлый раз, плыл в сторону Раиски - ароматный такой дымок.

- У нас в генах память всех наших предков, - пояснила Раиска, - вплоть до тех, что жили еще в пещерах. То есть все, что они видели и слышали, что пережили, все это в закодированном виде на генетическом уровне передается из поколения в поколение, от отца к сыну, от деда к внуку, от прадедов к правнукам... Это есть и в вас, и во мне, но мы пока не можем воспользоваться, понимаете?

- Откуда тебе это известно, несчастная холопка? - грозно сказал он. - Кто внушил тебе эти глупые мысли?

- Читала в одной хорошей книге.

- Разве ты грамоте разумеешь?

- Я имею аттестат об окончании сельской школы-десятилетки. И меня приглашали поступить в университет, но я засомневалась, достоин ли этот университет такой чести... Сколько вам нужно молока?

- Чем больше, тем лучше.

- Много Белка не даст: ее недавно доили.

- Какое мне дело! Я хочу молока, а уж где его взять, твои проблемы. Договаривайся с коровой дипломатически.

Еще одна хлебная горбушка описала дугу над прудом..

- Так что же там насчет генетической памяти толкуют среди дворовых? Что об этом мыслят кучера, дворники, сторожа, прачки?

Теперь такие шутки уже не задевали самолюбия Раиски. Она продолжала:

- Мы увидим охоту на мамонтов глазами первобытного человека, услышим его рев, крики охотников... Посмотрим на убранство жилых пещер, на одежду сидящих у костра, их разговоры услышим... Увидим знаменитые сражения, просто бытовые драки или, наоборот, всякие празднества. Сожжение на костре колдуний да ведьм, битву при Ватерлоо или при Бородине... Кто что захочет посмотреть, то и посмотрит. В меру своей испорченности.

- Страсти какие, - заметил он негромко. - Хорошо, что не на ночь.

- Я вот думаю: можно будет найти среди ныне живущих тех людей, у кого предки встречались с царями, полководцами, героями... через посредство их генетической памяти увидим живыми и Александра Сергеевича на дуэли с негодяем Дантесом... и Стеньку Разина в челне... и Петра Великого, пирующего со шкиперами... Вы представляете?

- Продолжай, холопка, я тебя слушаю.

- Вот надевает человек на голову шапочку, от нее проводок к телевизору, и он видит на телеэкране, как на Сенатской площади выстраиваются декабристы...или идет по Невскому проспекту Гоголь...

- Мы не узнаем его, - решительно заявил Арсений Петрович. - Портретное сходство - понятие относительное. Вряд ли ты узнала бы меня, посмотрев на мой портрет.

- Там будет сцена, где к нему обратится кто-нибудь... Например, Жуковский: «Николай Васильевич, я только что перечитал вашего «Ревизора»...».

Тут она - впервые! - услышала от него похвалу в свой адрес:

- Bravo! Ты не безнаджна, холопка. У тебя довольно живое воображение.

- Оно позволило мне очень живо увидеть ту женщину, чей портрет выложен мозаикой в ручье, - сказала Раиска.

На это он никак не отозвался. Она встала с котелком в руках: Белка отступила от нее и решительно удалялась.

- Так куда девать посудину с молоком, Арсений Петрович? Пустить по воде корабликом? Тогда нужен парус. Да и лягушки, как пираты, могут атаковать.

- Принеси, - сказал он тоном человека, который не сомневается, что его повеление будет выполнено. - Обойди кругом пруда.

И она обошла, принесла ему посудину с молоком.

- Я позволяю тебе сесть в это кресло, - сказал он, вставая.

Молоко он стал аккуратно переливать в большую бутылку с завинчивающейся крышечкой, объяснив, что потом опустит это в ручей - там водица родниковая, холодная.

- Так что там насчет Гоголя Николая Васильевича толкуют конюхи и ключницы? Чем взволнована моя дворня?

- Это будет именно революция, - продолжала Раиска, удобно расположившись в «кресле». - Люди перестанут смотреть по телевизору глупые сериалы про Санта-Барбару и про «богатых, которые плачут». Зачем эти выдуманные события и герои, зачем придуманные страсти, когда можно видеть то, что было на самом деле! Перед правдивостью жизни померкнет любое кино.

- Ты меня озадачиваешь, холопка, - признался он.

И хоть он сказал это шутливо, она видела, что произвела-таки на него нужное ей впечатление. Она могла быть удовлетворена, но этого ей было мало! Он еще не в полной мере уразумел, с кем имеет дело. Он еще не в полной мере оценил...

- Тогда я вас раскрутила бы, - сказала Раиска мечтательно. - Помните, как у Пушкина? «Воспоминание безмолвно предо мной свой длинный развивает свиток». Вашу прошлую жизнь, как киноленту, я просмотрела бы... каким вас видели посторонние люди. Все ваши недостойные и бесчестные поступки, которые вы наверняка совершили...

- Я не много нагрешил, - отозвался он, отнюдь не сердясь. - Я вообще-то положительный. Ну, так... мелкие грешки. У кого их нет!

- У ангелов, - подсказала она.
- Разве что... А как называется та книга, из которой ты вычитала эти глупые, занятые идеи, и кто ее автор?
- Раиска назвала ему и автора, и обещала принести книгу.
- Принеси, сказал он. - Можешь прямо сейчас, а я пока попасу твою корову. Как ее по имени-отчеству?
- Она у нас молодая, можно просто по имени - Белка.
- Я присмотрю за нею. Она мне нравится.
- А как же ваше дворянское достоинство? - напомнила Раиска.
- Разве оно не пострадает? Разве оно позволит вам быть у холопки в пастухах?
- Оно уже страдает от того, что я слушаю твои занятные бредни. Но ты разогнала мою тоску, благодарю.

17.

Раиска за книгой не пошла, подождет, не велик барин. Она была в ударе и свободно переходила от одной темы к другой. Сказала ему и про ведическую цивилизацию, и про «Простую симфонию», и про Винченцо Филикайя, и стихи почитала...

Он не стал ее ни в чем уличать, но она не преминула просветить его насчет иносказания во всяком истинно художественном произведении.

Беседа их шла вполне дружески, только в одном месте они запнулись.

- И все-таки, что за женщина изображена мозаикой на дне ручья? - спросила Раиска. - Это ваша жена?

- Ты поступаешь бестактно, - заметил он и нахмурился.

И вот словно оттого, что он нахмурился, вдруг прогремел гром. Откуда взялась туча? Раиска встала, посмотрела на небо. Туча заходила как раз со стороны ее деревни.

- Ты не успеешь добежать до дому, - предостерег он.

- Успею! - беспечно отмахнулась Раиска и опять села.

Он стал убирать под навес свои вещи: куртку, полотенце, обувь... тоже озабоченно оглядывался на небо.

- Я не сказала вам еще вот что, - продолжала Раиска. - Есть память и у природы... на молекулярном уровне. То есть у воды, у травы, у этих листьев. Когда-нибудь люди научатся считывать и ее. Вот тогда все, что происходило хоть бы здесь, в Яменнике, наши потомки могут просмотреть от начала до конца. Было ли здесь барское поместье, был ли сад, форель в ручье, конюшня с породистыми лошадьми. И даже то, что вот мы сидим и разговариваем, вы и я, тоже отражается в памяти этой воды в пруде. В листьях вот этой осинки и в иголках можжевельника... И как я доила для вас корову Белку, как вы швыряли котелок через пруд... Все наши поступки потом будут оценены нашими потомками и судимы ими по справедливости.

- Это ты тоже вычитала в той же книжке, несчастная холопка? - спросил он и опять оглянулся на приближающуюся тучу.

- Нет, в другой... Но того же автора.

- Ты меня заинтриговала. Иди сейчас же и принеси их мне.

- Я выполню ваше повеление только в том случае...- тут Раиска помолчала, не зная, как лучше выразиться, - в том только случае, если скажете, чей портрет вы камешками выложили в ручье.

Он сел на траву, спустив ноги к воде, ломал сухой прутик и кидал в воду. Лягушки громко перекликались от берега к берегу. Наступил тихий предгрозовый час.

- Почему так печальна эта женщина на портрете? - настойчиво спрашивала Раиска.

Он молчал.

- Это ваша жена? Отвечайте, когда вас спрашивают. Я не ради любопытства, мне это очень важно.

- Она умерла, - сказал он негромко. - Еще вопросы есть?

- Извините, - смутилась Раиска.

Опять гром прогремел. Она встала с кресла и посмотрела на небо. А уж первые капли принесло ветром.

- Порядочные люди в таких случаях приглашают гостью в дом, - сказала Раиска в пространство.

- Нет, не приглашу, - отозвался хозяин «дома». - Это неприлично: молодой девушке лезть в палатку к малознакомому мужчине... Нет, как хочешь, а это сверх всякой меры.

Раиска засмеялась, словно заранее знала его ответ.

- Побегу, - сказала она и побежала, скрылась за деревьями и кустами.

Порывом ветра взморщило поверхность пруда, затрепетала листва деревьев и кустов. Первые капли упали...

18.

Порыв ветра с новой силой обрушился на Яменник откуда-то сверху, поднимая с воды широкие листья кувшинок. Листья эти хлопали по воде, белые бутоны стремительно передвигались туда и сюда. Тяжелые дождевые капли просыпались на полотно палатки. Хозяин ее сидел неподвижно, потом встал и укрылся в своем жилище.

Палаточка волновалась под ветром. По слюдяному оконцу уже потекли дождевые струйки.

- Ой! - послышалось совсем рядом.

И на берег пруда выскочила Раиска. Дождь как раз хлынул, прибывая к ее телу легкое платье.

- Барин! - закричала она. - Ваше сиятельство! Не успеть мне до дому. Приюти!

И не дожидаясь приглашения или разрешения, шмыгнула под тент.

- Прежде, чем войти, помой ноги, - проворчал хозяин. - Глянь, у тебя коленка в грязи.

Она не обиделась, пояснила:

- Трава стала скользкая... Шлепнулась я.

Потерла колени мокрой рукой, но тут молния взблеснула и гром ударил. Раиска шмыгнула в палатку. А оказавшись здесь, не знала, как сесть, как повернуться. А хозяин-то вольготно лежал на мягкой постели. Раиска сидела перед ним на корточках.

- На тебе все мокрое, - заметил он. - Раздевайся и залезай в спальный мешок, вот он. Платье потом просушишь у костра, когда гроза пройдет.

- Еще чего, - хмыкнула Раиска. - Ишь, раздевайся... Не много ли хотите?

- То-то не видал я вашей сестры, - отозвался он на это спокойно. - И тебя тоже видел, холопка. Не шибко-то ты меня и взволновала. Раздевайся и марш в спальный мешок. Он на гагачьем пуху! Когда ты еще будешь иметь такую возможность!

- А вообще-то чего я боюсь? - спросила у себя самой Раиска и скинула платье через голову.

После чего неумело забралась в мешок. Это оказался замечательный мешок, в нем было сухо и тепло.

- Почему дрожишь? - спросил он. - Озябла? Инфлюэнцу схватишь.

- Я волнуюсь, - призналась она. - Влезла вот, как в пасть к удаву... Может быть, ты насильник или маньяк. А я, дура, доверяюсь.

- Не болтай глупостей, - строго сказал он. - Могу предложить рюмку коньяку... чтоб не простудилась.

- Хотите подпоить?

- Ну, не пей. Коньяк у меня хороший, французский. Кто в нем толку не разумеет, тех лучше не угощать.

Опять молния блеснула, и гром сотряс небо и землю.

- Хочу французского коньяку, - заявила Раиска.

И он откуда-то достал бутылку, две рюмки, налил этак благоговейно, посоветовал:

- Пей маленькими глотками.

- Да тут всего один глоток, - возразила Раиска и выпила разом.

Стало совсем хорошо. Она так и сказала:

- Как хорошо! Пью французский коньяк... в чужой палатке, с чужим человеком. Стыд и срам! А мне так хорошо Почему? Потому что вообще жить на свете хорошо. Вы со мной согласны?

- Частично. Не вообще хорошо, а только в этом лесочке. Я здесь очень славно пожил. Кстати, как зовут этот лесок?

- Яменник.

- Я насладился тишиной, - продолжал он мечтательно. - Такой тут дикий мир... с лягушками, с птицами, со стрекозами над водой... Хорошо пожил.

- Надо сказать «живу», а не «жил».

- Можно и в прошедшем времени. Завтра снимаюсь и уезжаю.

Раиска тотчас опечалилась.

- Не уезжайте, - попросила она растерянно. - Я буду приходить в гости, чтоб вам не скучно было.

Он молчал.

- Вы же хотели еще прочитать две книги! Одна, кстати сказать, так и называется - «Хорошо живу» . А вторая про озеро... и про любовь.

Он, кажется, размышлял: уезжать завтра, не уезжать...

Гроза между тем разыгралась не на шутку. Как раз над их палаткой разверзлись небеса, и ливень превратился прямо-таки в водопад. Полотно крыши прогибалось, но отнюдь не промокало.

- Как у вас хорошо! - сказала Раиска, выпрастывая обе руки из мешка, и села. - Никогда не бывала в таких апартаментах... Как тут уютно!

Несмотря на то, что черная туча навалилась с неба и день померк, оранжевое полотно палатки создавало иллюзию солнечной погоды.

Некоторое время они молчали, слушая шум ливня.

- Ваше сиятельство! - окликнула Раиска. - Вы боитесь меня?

- Я смущаюсь тебя, холопка, - признался он.

Она засмеялась:

- А я заметила это. А почему?

- Ты взбалмошная, отчаянная. Бог знает что можно от тебя ждать в следующую минуту.

Молния сверкнула особенно ярко и гром ударил такой, что земля вздрогнула; казалось, вода из пруда выплеснется и утащит палатку за собой.

И тут произошло то, от чего он ее предостерегал только что: Раиска смело обняла его, шепча на ухо:

- Я хочу стать женщиной... сейчас, с тобой... при этой грозе... Ты слышишь? Я так хочу...

19.

Она вернулась домой рассеянна и тиха.

- Где ты пропадала? - спросила мать подозрительно.

- Корова в ячмени ушла, - очень убедительно объяснила Раиска. - Гоняла ее... вдруг, думаю, обьяелась! Так пусть, думаю, промнется.

- А дождь где тебя настиг?

- У больших валунов. Там в кустах сидела.

Мать обругала корову и больше вопросов дочери не задавала.

А Раиска достала книгу, о которой говорила Арсению Петровичу. В книге, во-первых, был роман о некоем сорокалетнем ученом, который мечтает встретить девушку и полюбить ее... А во-вторых, была там повесть о деревенском пастухе Семене Размахаеве, живущем в деревне Архиполовка на берегу озера, которое он считает самым красивым на свете и бережет его. И есть там женщина неземного происхождения, в которую пастух, вроде бы, влюбился. Та женщина нарисовала портрет человека, очень похожего на Семена - это был один из дальних предков пастуха - и церковку, которая была лет сто тому назад, но сгорела.

« - Так отразилось в озере, - объяснила она буднично. - У меня отсутствует воображение, я ничего не выдумываю.

- И церковь? - спросил Семен после паузы. - Тоже оттуда, из озера?

- Да. Там все, что было, и то, что есть. И мы с тобой. Материя хранит в себе отпечаток образа - это ее память. Она и в озере, и в воздухе...

Семен удовлетворенно кивнул:

- Как на фотопластинке,

И, по своему обыкновению, впал в задумчивость. Ему слышался колокольный звон, плывущий над Царь-озером, и почудился большой костер в ночи, когда языки пламени рвутся вверх подобно росткам молодой осоки, подобно колоколенке церкви...»

Раиска перечитала это и нашла, что верно излагала Арсению Петровичу написанное в книге. Пусть пруд в Яменнике не похож на большое озеро, но ведь в то же время и похож... и есть портрет...

Она отыскала то место в книге, где герои ее рассуждают о миражах и призраках: они-де бывают только в чистой атмосфере. И что ведьмы да русалки, возможно, перевелись теперь из-за экологического неблагополучия. Так ей давеча сказал и Арсений Петрович. И еще он предположил, что, по-видимому, она, Раиска, последний экземпляр...

Вспомнив об этом, Раиска засмеялась вслух. Мать оглянулась на нее:

- Ты чего?

- Да так... вот в книжке вычитала.

20.

А вечером приехал Муравлик, позвякал велосипедным звончком, Раиска вышла на крыльцо - улыбается Витя радостно:

- Привет! Можешь меня поздравить: я студент.

- Поздравляю, - сказала Раиска.

Он прислонил велосипед к углу дома, ждал. Она сошла к нему с крыльца, встала полуотвернувшись, глядела в сторону, сказала хмуро:

- Ты вот что, Витя... уезжай. Не будем сидеть.

- Почему? - опешил он.

- И не приезжай больше.

- Да почему! - прямо-таки возмущился он.

- Я не люблю тебя... А раз так, то и нечего.

Наступила пауза.

- Но ведь это пока... - сказал он тихо. - Потом полюбишь.

- Я уже полюбила... Я встретила человека...

Он помрачнел, тоже отвернулся. Тут мать выглянула из распахнутого окна:

- Да не слушай ты ее, Витя! Мелет незнамо что. Вот я ее скалкой по заднице-то - будет шелковая.

Раиска закрыла окно.

- Уезжай, - сказала она Вите. - Я полюбила, и ты полюбишь. В Ярославле девушек много.

Мать вышла на крыльцо, но не со скалкой в руке, а с пустым ведром.

- Ишь она, какого парня отваживает! Дурь у нее в голове, вот что.

- Да не мешай! - рассердилась дочь. - Дай поговорить.

И та ушла - в огород, грядки поливать.

- Да ладно, - с натугой выговорил Муравлик и жалко улыбнулся. - Пройдет у тебя все это. Расскажешь мне потом, вместе посмеемся

- Нет, Витя. Я по-настоящему полюбила.

Опять помолчали.

- Да кого? - спросил он - Выдумываешь все... В городе, да? На рынке, небось. Глупости все это!

- Не спрашивай, не скажу. Но не сидеть нам больше вместе. Забудь меня.

- Ты что, не знаешь? - спросил он вдруг с укором. - Не знаешь, что мы в ответе за тех, кого приручили?

- Это кто же кого приручил? - настожижилась Раиска. - Уж не ты ли меня?

- Нет. Ты меня.

Муравлик стоял, потупясь. Потупилась и Раиска. И вот почему: было, было, не отвертеться от того. Он приезжал, сидели вот тут на лавочке, и она, играючи, заводила его руки ему за спину, приказывала: «Держи там!» и целовала, и обнимала, смеялась. Ей то было в новинку да и ему тоже. Но бедный Муравлик совсем голову терял. Крупная дрожь сотрясала его.

«Ты чего дрожишь, дурачок?» - спрашивала она.

«Не знаю», - признавался он.

Но как только парень пытался обнять ее, она тотчас отодвигалась, а потом опять, уже насильно, заламывала ему руки за спину:

«А вот я тебе их там узлом завяжу...».

Смех у нее при том был очень коварный. Раиску забавляло, что он был сам не свой от счастья, когда она целовала его, прижимаясь к нему всем телом.

- Ты меня приручила, - сказал он теперь. - Я уж больше никого полюбить не смогу.

Раиска молчала.

- Ты мной завладела, - продолжал он с непереносимым укором, - потому теперь за меня в ответе.

Может быть, и впрямь потом он будет мужественным, но пока что до мужественности ему далеко.

- Ага, я за тебя ответчица перед Богом и людьми, - хмыкнула Раиска. - Слышала я это.

- Не смейся, - сказал он строго. - Тут дело очень серьезное.

- Твой Сент-Экзюпери имел в виду только самого себя, когда говорил, что мы в ответе за тех, кого приручили. Он приручал, он и отвечал. А ты ишь как перевернул! В свою пользу. На себя налагай долги да обязанности, а я пташка вольная, никто надо мной не властен.

- И этот, про которого говоришь, будто полюбила... и он не властен над тобой?

Надежда прозвучала в словах Муравлика Вити.

- Он властен, - тихо сказала Раиска. - Я его холопка, тем и счастлива. Прощай...

Он стоял, как пришибленный.

- Да не горюй! - ободрила его Раиска, уже поднимаясь на крыльцо. - Жизнь прекрасна и удивительна - вот что главное. И не бери лишнего в голову...

С этими словами она ушла в дом.

Сколько он потом ни звякал своим звончком, не появилась.

Зато вышла из огорода мать, о чем-то довольно долго толковала с ним. Раиска глянет из окна - мать в чем-то тихонько убеждает Витю или утешает? А он понуро ее слушает...

21.

На другой день она должна была опять ехать на базар, но сказалась больной, как и в прошлый раз. Мать не ворчала, собралась сама, причем довольно охотно. Может, надеялась, что там, в городе, Арсений Петрович опять подойдет к ней и предложит подвезти?

«Нет, - подумала Раиска удовлетворенно. - Ты опоздала... Он уже мой».

Стишки детские вспомнились ей:

Ах, попалась, птичка, стой,
Не уйдешь из сети.
Не расстануся с тобой
Ни за что на свете.

Мать поспешила к рейсовому автобусу в Дятлово, а Раиска, чуть повременив, следом за нею - в Яменник. Она несла Арсению Петровичу обещанную книгу и очень спешила, словно боялась опоздать.

Ее преследовал страх: вдруг вот сейчас придет, а палатки уже нет на месте, и ничего нет, только травка примята на берегу... да и та через несколько дней выпрямится. И тогда все, словно и не было тут никого и ничего.

«А что? Собрался и уехал... долго ли ему!» - подумала она и прибавила шагу.

Но нет, и палатка стояла, и все прочее на прежних местах только самого Арсения Петровича не было. Она окликнула негромко - никто не отозвался, только малая птаха вспорхнула из ближнего куста.

«Ах, попалась, птичка, стой...».

Раиска положила книгу на видном месте и отправилась на поиски.

Она нашла того, кого искала! Арсений Петрович сидел возле ручья, где по мелководью был выложен мозаикой портрет женщины.

Раиска некоторое время наблюдала за ним. Он же сосредоточенно и терпеливо передвигал камешки по дну длинной палкой, сидя на корточках. Он был так увлечен своим занятием, что не заметил ее. Что-то у него не получалось, он хмурился, потом подвернул брюки, сделал осторожный шаг в воду, наклонился, поправил камешек другой палочкой, покороче, и вернулся на прежнее место.

Вчера он сказал ей:

- Нет, я не художник. Рисовать совершенно не умею. А что до того портрета... блажь в голову пришла. Однажды про-бирался по этому ручью, а там водичка прозрачная растекается тонким слоем. Вот подумалось, что тут место какому-нибудь изображению... Если, скажем, портрет чей-то - лик этот будет обращен к небу и оттуда, с высоты, виден. Понимаешь?

- Все-таки ты художник, - убежденно сказала ему Раиска. - У тебя талант. Эти высверки в глазах у женщины... как ты догадался, что туда надо поместить именно эти камешки?

- Они только при солнце, - сказал он с детской застенчивостью.

Заговорили уже о другом, но Раиску не оставляли мысли о женщине той и об изображении.

- Мне завидно, - призналась она. - А ты мог бы нарисовать там мой портрет?

Арсений Петрович довольно долго молчал.

- Послушай, - сказал он после раздумья. - Я тут ни при чем. Я не создавал портрета - просто передвигал камешки. А лик этой женщины проявился сам. Значит, она того очень хотела... Если ты так же захочешь, как она... что ж, может быть, у меня получится. Почему бы и в самом деле тебе не проявиться там?

Раиска ему, обнимая:

- Я очень хочу...

Этот разговор был вчера. А теперь она тихо-тихо подошла к «художнику» и остановилась в нескольких шагах, боясь, что он услышит ее дыхание или даже стук ее сердца. Может быть, он выкладывает уже ее, Раискин, портрет? Если бы так...

Но нет, на дне ручья по широкому мелководью камешки лежали таким образом, что изображение не оставляло ей надежд - это была все та же печальная женщина, что и прежде.

- Ах, попалась, птичка, стой... - сказала Раиска.

Он обернулся - вид у него был довольно отрешенный.

- Вчера ты хотел изобразить тут мой лик, - напомнила она.

- Пытаюсь, - сказал он виновато. - Знаешь анекдот про офицера: как ни сяду, говорит, написать стихотворение - все получается рапорт. Вот и я: пытался изобразить тебя... но получается она.

- Ты постарайся, - попросила Раиска. - Я тебя очень прошу.

- Да ведь не все от меня зависит, - так же виновато отвечал он.

- Я тоже постараюсь, - прошептала Раиска, обнимая его. - И все у нас получится.... Потому что я тебя люблю...

22.

Домой она возвращалась словно бы оскорбленной, даже заплакала дорогой.

Что ему эта женщина? Чем она лучше ее, Раиски? Разве она моложе? Разве красивей? Если она умерла, то что ей еще надо от него? Почему она, даже мертвая, не может уступить его живой? Ведь даже вчера, во время грозы, когда им было так хорошо, Раиска чувствовала, что он не забывает о той, что на портрете. Он не сказал ей тех слов, которых она ждала... и в ласках был неловок.

Уже входя в деревню, она подумала, утешая себя, что все-таки это благородно - то, что он продолжает любить ту женщину. Вот уж и нет ее на свете, а он все любит...

«Она мне не соперница, - так подумала Раиска и повторила, как заклинание: - Она не соперница мне... Я здесь, рядом с ним, а она где-то там. Я люблю его самой земной, а не небесной любовью, а ей это недоступно. Пусть любит ее... а все равно мой. Пусть я его холопка, но все равно он в моей власти...».

23.

На другой день после полуденной дойки Раиска пропала из дому. Ей велено было окучить картошку - ту, что за деревней, на брошенном колхозном поле. Там они вскопали по весне и посадили довольно широкую полосу. Однако Раиска к работе не приступила: на краю полосы торчал воткнутый в землю заступ, а самой Раиски не было. Словно пришла она сюда, разок копнула, тут её кто-то окликнул, и она ушла.

- Ну, погоди! - сказала мать. - Вот я тебя скалкой по мягкому месту...

И уже обращаясь к Астре, продолжала:

- Ишь, гулёна! Что Белка, что девка моя - обе шалавы. Дома не удержишь, так и норовят куда-нибудь уйти.

И Астра согласилась с нею, сказала:

- Му.

- Вот вернется, я ей ремня хорошего...

Но Раиска не вернулась и к вечеру, так что не понадобились ни скалка, ни хороший ремень. Не сказать, чтобы мать шибко забеспокоилась, однако немало озадачена была. Такое уже случилось однажды - вернулась Раиска поздно: подружки из соседней деревни Дятлово, ее одноклассницы, позвали на чей-то день рождения. Почему матери не сказала? Да те ехали мимо, села Раиска и поехала с ними. Может, и нынче так.

Только вот вчерашний разговор с овсяниковским пареньком Витей немного беспокоил: уж больно переживал он. А ну как надумает что! Раиска говорила, что у него ружье есть. Мало ли что взбредет в голову человеку отчаянному!

Но это была так себе...глупая мысль, и не более того.

Она уснула поздно, не дождавшись Раиски, но спала, как всегда, без особых тревог. Однако утром, проснувшись рано, сразу же заглянула в горницу, где спала Раиска. Дочери там не было. Вот теперь мать встревожилась, и чем далее, тем более.

Доила коров, выгнала их со двора, проводила до огороженного пастбища овец, покормила кур, затопила печь... а у самой на уме: где Раиска ночевала? И так решила, что не Муравлика Витю надо винить в этом и не дятловских подруг, а...Арсения Петровича. Это он вскружил девчонке голову.

«Ах он паразит! - тотчас взъярилась мать. - Да я его расшибу на месте. Если только ... если только он что с нею сделал».

И, не раздумывая, отправилась в Яменник.

За то время, пока шла, она успела ругательски изругать и Раиску - «Экая шалава! Ни стыда, ни совести!» - и вальяжного дачника - «А черти его сюда занесли! Ишь, еще не нашими деньгами похваляется!» - и саму себя...Пока шла, столько было злости, что, казалось, сокрушит любого злодея, Но, подойдя к Яменнику, вдруг оробела почему-то. Подумала, что зря ничего не взяла в руки... А хоть бы топор! Мало ли что может случиться в этом чертовом леске. С топором-то было бы смелее. Может, он там не один живет, Арсений этот? Да и что он сам за человек? Что у него на уме? Много ли она о нем знает?

«Надо было мне в деревне сказать кому-нибудь, куда я пошла...а то пропадем обе с Раиской, и где нас искать, неведомо».

Она не нашла той тропки, которую ранее отыскала Раиска, и некоторое время пробиралась по лесочку наугад. Никогда она ранее здесь не была, потому дивилась и могучим кустам можжевельника, и ёлкам, выстилавшим свои лапы по земле, и ямам, заросшим травой.

Неожиданно для себя вышла к пруду. Еще более неожиданным было то, что на берегу стояла палаточка, возле которой и столик, и кое-какие вещи развешаны на ветках кустов: куртка-

ветровка, два полотенца... Но отчего совсем опешила мать: на камне возле пруда сидела босая Раиска и, мурлыкая беззаботно, тёрла металлическую мисочку пучком травы. Она подняла голову, сказала вместо «здравствуй»:

- Ой, мам, это ты? А мы как раз к тебе собирались пойти.

Словно ничего особенного не происходило, словно та и должна была вот так прийти

- Что ты тут делаешь? - едва выговорила изумленная мать.

- Да посуду вот мою. Мы только что позавтракали.

- Какую посуду?... Кто это «мы»?

- Ой, да не пугайся ты так, мам. Не бери в голову.

Как это ни странно, изумление матери искренне забавляло Раиску.

- Ну, живу я теперь тут, живу.

- Как это «живу»? Ты что городишь-то?

Мать обессиленно села прямо на траву.

- Обыкновенно как, - отвечала ей дочь. - Вот домик наш... С милым рай и в шалаше. Вот наше хозяйство...

Мать оглядывалась вокруг, и «хозяйство» понравилось ей. Как-то чистенько было кругом... миротворно.

- Ты здесь ночевала? - спросила мать.

- Ну да, где же еще, - беззаботно отвечала дочь.

- А где он? - спросила мать после паузы.

- Да я его за водой на родник послала.

Тут послышался шелест кустов. И на берег вышел Арсений Петрович с малым ведерком воды. Он отнюдь не смутился, поздоровался весело.

- Вот видишь, водички принес, - весело сказала Раиска. - Он теперь у меня на посылках, барин этот.

- А мы как раз собираемся к вам, Галина Дмитриевна, - сказал «барин», - с очень важным делом.

- С каким? - растерянно спросила та.

- Галина Дмитриевна, - сказал он торжественно, - я прошу у вас руки вашей дочери.

- Как это? - озадачилась Галина Дмитриевна. - Зачем вам ее... рука?

- Мам, ну что ты не поймешь? - возмутилась дочь. - Это означает, что он просит твоего материнского благословения на наш брак. Он, видишь ли, хочет, чтоб мы непременно поженились, чтоб все честь честью.

Тут она почему-то громко засмеялась.

- Что ты смеешься? - возмутилась мать. - Что тут у вас происходит вообще-то? Как это понимать?

- Мам, - доверительно сказала дочь, сопровождая слова свои смехом, - это такой лопух! Я и не думала, что такие бывают. Он считает, что раз я провела с ним ночь, то он непременно должен на мне жениться.

- Ну вот... достукалась девка, - в растерянности выговорила мать. - Конец.

Арсений Петрович живо подхватил:

- Вот и мне так казалось, когда я поселился здесь: все, думаю, жизнь кончилась, конец.... А вышло совсем наоборот: начало!

Действительно, тут начало новой повести. Она существует, только не записана...

1999 г.

ТРУБА ЗОВЁТ

Повесть

1.

Павел Аркадьич Маврин дожил до шестидесяти двух лет и очень захотел умереть. Нет, он не испытывал желания совершить насилие над самим собой, то есть наложить на себя руки, а предпочел бы умереть естественным порядком при будничных обстоятельствах. Вот если бы так: лечь на диван, сложить руки на груди, закрыть глаза, вздохнуть в последний раз... и отойти, покинуть этот мир. Желательно без проволочек.

Впрочем, лучше бы умереть не дома - ему ненавистно стало свое жильё. Тридцать лет он прожил в квартире, с которой сроднился, а теперь, на старости лет, в результате семейного передела, оказался в коммуналке и никак не мог к ней привыкнуть, душа протестовала: ни к жизни не располагала та комната, ни к достойной смерти.

И в больнице заканчивать свой земной путь не хотелось, а вот если б где-нибудь, подалее от людей, в одиночестве...

«Каждый человек имеет право на смерть, - рассуждал он сам с собой. - Так и следует записать во всеобщей мировой декларации. Я желаю всего лишь осуществить свое право, ничего не требуя сверх того, что мне причитается по закону природы. Хочу порешить разом, и все тут. И никто не смеет мне запретить: нет таких полномочий».

Маврин словно бы сердился на тех, кто должен ему в этом противодействовать, но кому было до него дело!

Он потерял интерес к окружающей жизни и не понимал цели и смысла своего дальнейшего существования. Неоспоримое право на смерть не было отвлеченным умствованием Маврина и не глупой блажью его, а вот именно стремлением, которое усиливалось в нем день ото дня до критического напряжения, так что внутри обжигало, словно туда уголек попал и вот разгорался все сильней и сильней. Таким образом Маврин подошел к порогу, через который готов был переступить.

Уйти из этого мира надлежало непременно и безотлагательно, хотя Павел Аркадьич не видел тому одной, ясной и определенной причины. Его толкали к роковому исходу глубокая душевная усталость и общий фон жизни, постепенно и неотвратимо мрачневший.

2.

Тень легла на городок Новая Корчева! Не сегодня и не вчера, а уж год или два назад, или, может быть, еще раньше. Небо, что ли, стало ниже и придавило людей; ветром ли злым подуло, а только съежились все и стали некрасивыми. Понурился, затих городок. Может, все в нем примерялись к смерти?

Впрочем, он видел молодые лица, смеющиеся, радующиеся. Значит, все дело в нем самом, то есть причина внутренняя, а не внешняя.

Говорят, состарившись, кошки уходит умирать, а куда - никто не знает; они просто исчезают, осуществляя свое право на смерть. Павел Аркадьич хотел так же уйти, ни с кем не прощаясь и никого не затрудняя. Надо, чтоб забыли все его, не вспоминали! Был - и нету, вот и все. Разобиделся он даже на самых близких, и на никто, может быть, особенно. А случилось это все не оттого, что семейный передел произошел; дочь с мужем переехали в соседний город Дубну, и мать, то есть жена Павла Аркадьича, последовала

за ними, вроде бы, нянчиться с внуком, а вернее насовсем. Глава-то семьи был одинок в ней и ранее, вот еще в чем дело.

Итак, он подошел к роковому порогу и стал уже обретать странности, которые и сам за собой замечал: поутру долго сидел на кровати, словно недоумевая, зачем проснулся; если забывал позавтракать или пообедать, то чувство голода пробуждало в нем не жажду деятельности, а лишь досаду и раздражение; выйдя из дому, он часами простаивал на улице, провожая взглядом пешеходов, автомашины и автобусы, полные людей. Недоумение не покидало Маврина: чем заняты люди, что еще имеют стремление к жизни, интерес к ней? Недоумение отражалось и во взгляде, и в улыбке, да и во всей фигуре Павла Аркадьича: люди эти были отстранены от него, словно он видел их на экране телевизора, или наоборот, сам находился как бы внутри некоего замкнутого пространства, где не виден никому, потому никто и не обращает на него внимания; жизнь, что совершалась вокруг, не задевала и не вовлекала его в свой водоворот.

Последней каплей или решающим толчком послужил сущий пустяк: Маврина на почте обругала девушка, выдававшая пенсию. Деньги эти, надо сказать, всякий раз задерживали, и пенсионеры обычно волновались, простаивая тут часами.

- Что вы ходите! - крикнула она, пылая щечками и глядя при этом прямо в лицо Павлу Аркадьичу. - Надоели! Рожу я вам, что ли, ваши деньги? До чего противные, ей-богу! Сказала же: нету, и не знаю, когда будут. Нет, все равно лезут!

Девушке этой никак не больше двадцати, она и раньше покрикивала на стариков и старух, осаждавших ее. Несмотря на это, Павел Аркадьич часто любовался ею и вот именно теперь, после оскорбительного крика ему в лицо, со всей ясностью осознал свою ненужность на этом свете, потому и решил: хватит, все... надо уходить навсегда.

Он понимал, что дело это неспешное, несуетливое, торопиться некуда и нервничать незачем, потому оделся потеплее, обул резиновые сапоги, прихватил с собой топор и заступ в не-

осознанном расчете неведомо на что. Довод о состарившихся кошках, уходящих умирать так достойно - где-нибудь «на природе», казался ему неопровержимо убедительным.

«Плохо, когда они попадают под колеса, - рассеянно размышлял он, - это насильственная смерть. Но хорошо, когда просто исчезают - это очень достойно...».

У него не было твердого расчета на смерть, он просто повиновался внутреннему влечению или тайному голосу, прозвучавшему в нем. Голос сказал: «Иди», и Маврин пошел, не очень ясно представляя себе, куда идет, но отчетливо понимая, зачем и почему.

3.

Была золотая осень. Стояли солнечные, но уже печальные, усталые дни. Солнце сияло старческим, склеротическим светом; оно грело слабо, как бы обессиленно.

Маврин направлялся в лес, но не в тот, что был ближе к его дому, а в другой, который дальше, зато глуше.

Вокруг Новой Корчевы леса такие и сякие, на любой вкус. Сосновый бор на берегу Волги не годился для задуманного Мавриным - там автомобильная дорога к паромной переправе и несколько пешеходных дорожек к рыбзаводу, и вообще он весь искрещен тропками, тот бор - слишком людное место! Верней всего Маврину соответствовал лес за Андронихой - деревней, ставшей окраиной Новой Корчевы - но там болотисто, а потому как-то недостойно для задуманного. Повелевающий голос послал его в ином направлении: мимо фарфорового завода, через новостройку, минуя больницу и автовокзал... Можно было сесть на автобус возле своего дома и доехать до автостанции - но Маврин из упрямства и вспыхнувшего в нем ожесточения отправился пешком. Не смиренно шел и не обреченно, а вот именно с ожесточением и злостью.

«Смерть - дело, можно сказать, задушевное, - размышлял он по пути. - Потому надо, чтоб без свидетелей... посторонние тут ни при чем».

К платформе железнодорожной станции как раз подплыла электричка из Москвы, народ повалил ему навстречу сразу несколькими потоками.

- Куда, Аркадьич? - крикнул кто-то из знакомых. - Не на большую ли дорогу собрался с топором-то? Не промышлять ли по части грабежа и разбоя?

Маврин не отозвался. Он пересек рельсовые пути, оглянувшись на электровоз - в окне рядом с табличкой «Новая Корчева» маячило насмешливое лицо, еще более рассердившее Павла Аркадьича. За железной дорогой почти вплотную к путям огороды разбиты самозахватом; он немного поплутал среди них, ища прохода в лабиринте изгородей; наконец, прорвался, как через кольцо окружения, на волю, подгоняя себя: скорей, скорей! подальше, подальше... чтоб не видеть постылого города, избавиться от суеты его, не слышать его шума.

А в лесу царила неживая тишина; именно неживая - так по крайней мере казалось Маврину, определившему себя в смерти. Ни одна птаха не пискнула, не вспорхнула - словно вымерло все. Впрочем, ворона пророчески и довольно зловеще прокаркала где-то в отдалении, а потом можно было проследить вверху ее тяжелый полет. Казалось, она знала о том, что он задумал, и считала делом достойным.

Маврин шел, не разбирая дороги, - под ногами валежник да черничник, сырые мхи да кочки. Далее он угодил в густые заросли бредины, но это даже утешало и успокаивало: ему нравилось преодолевать сопротивление лесной среды. Попалась на пути полоса желто-белой травы, похожей на осоку; она была ему до плеч и местами полегла, закрывая ямы и валежины. Мертвая трава... она ждала своей последней участи; ее прибьют холодные дожди, схватит мороз, а ветер повалит, и снег засыплет... весной обратится трава в прель... Павел Аркадьич приостановился, похлопал

себя по карманам: не забыл ли спички? Нет, не забыл. Хотел развести костёр из этого травного сухостоя, но передумал: не надо привлекать к себе внимания, не надо оставлять за собой следов, чтоб и потом никто не мог найти его в лесу.

Маврин шел умирать. Он имел на это право и желал осуществить его, как торжественный и спокойный акт. Симфония его жизни должна была завершиться скорбными, патетическими звуками, чтобы не звучать уже никогда. Главное - надо было подыскать для этого хорошее место - глухую лощину, лесную чащу, буреломное место.

Смерть не есть ли собственность человека? Не его ли достояние, не вознаграждение ли за труды на земном поприще, поскольку избавляет от бремени бытия, то есть от томления духа, от невыносимой скуки-тоски? Разумеется, она должна быть незаметной для всех и тайной. Смерть принадлежит ему, а он принадлежит ей.

От таких значительных мыслей Павел Аркадьич прямо-таки преобразился. Если б кто-то увидел его в эти минуты, был бы в немалой степени озадачен: пожалуй, такое прекрасное выражение бывает на лицах людей крайне редко.

На пути ему попала просека с высоковольтной электролинией. Тут Павла Аркадьича удивил непрерывный и липкий - именно липкий! - трепет в проводах; этими звуками было наполнено все пространство над просекой. Маврин постоял, глядя вверх. Слуховое впечатление было таково - будто шел дождь, а это не соответствовало впечатлению зрительному - облака на небе кучевые, словно бы летние. Впрочем, синева небесная холодна, и солнце выглядывало так же равнодушно.

За просекой Маврин попал на край карьера, в котором стояла озерцом прозрачная вода, а недалеко за деревьями прослеживалось шоссе - оно вело, должно быть, в деревеньку Речицы, в которой он не бывал никогда. Он вообще никогда не ходил в этот лес, только знал, что таковой есть.

Глубокая канава вдоль шоссе тоже была наполнена водой; по скатам ее - заросли ольхи и бредины. Павел Аркадьич некоторое время шел вдоль дороги, подыскивая место, где перебраться. Мимо промчался мотоцикл, потом проехал грузовик - в обоих случаях Маврин отступил за кусты, чтоб не увидели. Его стремлением было - исчезнуть из этого мира незаметно, никак не обнаруживая себя, потому и крался, словно вор.

Наконец, преодолел канаву по слегам, брошенным повидимому, грибниками, вышел на дорогу, оглянулся вправо и влево - пусто, никого. Канаву с другой стороны дороги перешел опять по слегам, отсюда в лес уходила тропка. И вот тут в нескольких шагах от себя Маврин увидел человека в шляпе, словно снятой с огородного чучела, и в брезентовой куртке, какие надевают во время работы электросварщики - она была то ли прожжена, то ли прострелена дробью, да и не один раз. Но мужик был чисто выбрит и, между прочим, в рубашке с галстуком. Этот галстук почему-то рассердил Павла Аркадьича, как очевидная нелепость и бессмыслица.

В последнее время люди удручали его как раз неосмысленностью своих действий. Бесплодная суета и бесцельность существования людей были столь очевидны и поразительны, что Маврин не хотел ни жить, ни умирать среди них. Вот еще один суетный человек - в грязной шляпе и при галстукке... чучело гороховое...

- А нету грибов! - весело сказал этот тип. - Нету ни единого. Разбежались, попрятались, ушли в зиму.

Он сидел на еловой развилине, вытянув длинные ноги; а чему радовался, неведомо. Павел Аркадьич, раздосадованный встречей, буркнул, проходя мимо:

- А ты за грибами пришел, умная голова?

- Я - прогуляться, - отозвался тот словоохотливо. - У меня закон: раз или два в неделю обязательно сходить в лес. В любую погоду! Дождь, мороз - мне все нипочем! Иду, и все тут, словно меня сзади хворостиной подгоняют.

- Дуракам закон не писан, - опять буркнул Павел Аркадьич, впрочем, негромко.

- У меня тут местечко есть насиженное - в той стороне за трубой, - «дурак», не обижаясь, махнул рукой. - Там славная полянка, я сделал лавочку, столик...

- Галстук-то зачем нацепил? - сердито спросил Павел Аркадьич и придержал шаг.

- А чтоб ногам было теплей! - бодро отозвался мужик. - Сапоги резиновые, сам знаешь, не греют. А утренники уже бывают с морозцем. Иной раз иду - на траве иней. Сяду на своей лавочке, костёрчик разожгу. У меня там поленница дровишек заготовлена. Сижу и сам с собой разговариваю.

- Может, у тебя крыша поехала? - поинтересовался Павел Аркадьич. - Не замечал?

Он словно нарывался на ссору, но напрасно: мужик был непоколебимо дружелюбен и жизнерадостен, его не прошибешь.

- При такой жизни все может быть! - охотно согласился он. - Иногда подумаю: то ли я с ума сошел, то ли весь наш город.

Вот теперь Маврин присмотрелся повнимательней: где-то уже встречал он этого мужика, и не раз. И вот что: его фамилия - Сказкин. Какая-то жалкая и смешная история связана была с ним, но Маврин не вспомнил, что именно.

- А тут хорошо! - радостно продолжал Сказкин, которому явно хотелось поговорить. - Все разумно, осмысленно. Лес - это лечебно-профилактическое средство от всех болезней.

- Вся наша жизнь - болезнь, - мрачно буркнул Маврин и пошел прочь.

А Сказкин ему вслед стихами:

Не шелусти ты, лист зеленый,
Когда с березки упадешь...

- Не шелусти, понял? - повторил он и засмеялся.

4.

Эта встреча сбила Маврина с крайне мрачного настроения, но не убавила в нем решимости исполнить задуманное.

Пожалуй, прав Сказкин, говоря: то ли себя сумасшедшим считать, то ли весь этот город Новая Корчева... Зря Павел Аркадьич ушел, надо было потолковать с этим чудаком.

Тропинка скоро исчезла, он спустился к болоту; обширного зеркала воды здесь не было, только в ямах стояла коричневая жижа. Душно пахло багульником. Маврин не любил багульниковый запах и поспешил уйти отсюда, но болото не скоро выпустило его. Под ногами звучно чавкала болотина, тверди не было - только зыбь; шагал по кочкам и холмашкам, уперев подбородок в грудь, и выбрался, наконец, на сухое место. Ему уже казалось, что он давно идет - час, а может и больше.

В сухом бору попался ему гриб - это был мухомор, большой, торжествующе алый, жадный до жизни. Он словно ликовал, несмотря на общую печаль в природе. Маврин даже остановился, и во взгляде его было недоумение.

- Осень, милый ты мой! Осень... - сказал он мухомору. - Ты опоздал и уже никому не нужен: к тебе даже муха не летит!

Подумалось, что этот гриб, такой жизнерадостный, похож на Сказкина, но нет: тот слишком нелепо одет, а этот наряжен, красив.

Недалеке от мухомора Маврин устало сел на пёнышке и развел, наконец, костер, как того и хотелось; сидел долго, глядя на огонь, без дум. Просто удивительно, что можно так сидеть - именно бездумно. Сквозящий ветерок в голове... как в этом лесу. Впрочем, откуда-то издали наплывало насмешливое: «Не шелусти ты, лист зеленый... не шелусти, понял?»

Далее подумалось ему о том, как это странно: вот его жизненный кораблик, вроде бы, благополучно плыл шесть десятков лет, минуя мели и пороги, в целом верно угадывая фарватер, и, вроде бы, достиг тихой заводи: есть жилье, есть пенсия - живи

да радуйся полной свободе. Но вот поди ж ты, настигла смертная забота. Почему? Словно на спокойном лоне вод попал в коварную воронку и закружило, потянуло вниз... или, наоборот, вихрь взбаламутил все и опрокинул кораблик, теперь – тонуть.

Почти сорок лет проработал Павел Аркадьич на фарфоровом заводе в Новой Корчеве и был там, между прочим, одним из ведущих конструкторов: проектировал перепланировку цехов старых, водопровод и канализацию в цехах новых, транспортеры да конвейеры в тех и других.

Венцом его конструкторской мысли стал формовочный полуавтомат, над которым Маврин трудился много месяцев. Когда проект ведущего конструктора облекли в металл, творение это получилось нелепым, даже уродливым, над ним все время этак насмешливо позванивало заморское слово «дизайн», но тем не менее тарелки оно формовало не хуже, чем это делали импортные станки, и хоть в производительности уступало, зато было надежным в работе, некапризным. Из-за внешней нелепости полуавтомат недавно заменили другим - Павел Аркадьевич воспринял случившееся с тупым недоумением; пустота внутри увеличилась, она теснила сердце.

Шум города теперь был почти неразличим; лишь иногда долетал свисток маневрового тепловоза, и звук отобразился на лице Павла Аркадьевича гримасой, как от зубной боли.

Костер угасал; Маврин, встрепенувшись, раздувал огонь, оглядывался вокруг и снова погружался в оцепенение.

Далекий крик маневрового, долетевший опять сюда, пробудил его; он затоптал огонь и отправился дальше, но вернулся: оказывается, забыл топор и заступ. Заступ ему был нужен знамо для чего - может быть, понадобится могила; а вот топор... Маврин с сомнением посмотрел на него: не бросить ли? Но взял: авось пригодится!

Ему попалась старая просека и не наезженная дорога по ней, потом еще одна, с электролинией: возле Новой Корчевы тепловая электростанция, так что просек и линий электропередач здесь много.

Трава тут росла выше человеческого роста, закрывая ямы и кочки: когда ставили опоры, безжалостно покорежили землю тракторами. Маврин несколько раз спотыкался и заваливался то вперед, то на бок. Вставал, шепча ругательства, и пробирался дальше. Хотелось уйти так далеко, чтоб уж не было возврата. Даже если малодушие овладеет им, даже если захочет вернуться - надо исключить эту возможность.

Он попал, наконец, в ельник, который показался ему прямо-таки непроходимым, дремучим, а следовательно, вполне соответствующим намеченной цели. Тут Маврин остановился, огляделся и опять развел костерок, благо сухих сучьев вокруг навалено было много.

А уж смеркалось. На холодном небе истаивали белые перья облаков; там было светло, даже солнечно, однако свет в горних высотах стремительно мерк. И внизу столь же стремительно становилось глуше и темней. Вместе с тем, как сгущалась темнота, животный страх овладевал Мавриным - страх, которого никак не ожидал и мысль о котором не приходила ему в голову.

Он был городским жителем и при этом ни охотником на лесную дичь, ни рыболовом, и за грибами-то ходил редко. Его общение с вольной природой ограничивалось теми давними походами, когда он писал «этюды», то есть в молодости, когда вообразил себя художником. Началось-то все с того, что в школе никто лучше Пашки Маврина не рисовал самолеты и танки с пунктирами пулеметных очередей, кустами бомбовых взрывов; потом он уже рисовал и масляными красками, но творческие устремления угасли вскоре после женитьбы. Его жена не переносила запах скипидара, олифы; да и в политехнический институт он тогда поступил на заочное отделение: не до художеств стало.

Время от времени он доставал из-за шкафа свои пропылившиеся картины, собирался что-то дописать, появлялись даже кое-какие замыслы, но... быт заедал! Художнические порывы вспыхивали и гасли не за мольбертом, а за чертежной доской в конструкторском бюро.

Потом, когда на пенсию собирался уходить, был последний всплеск - он извлек мольберт из кладовки, запасася красками, достал парочку кистей из беличьего хвоста (через знакомого художника добыл), даже купил брезентовый плащ с капюшоном и резиновые сапоги-заколенники - блажь такая в голову вступила: вообразил, что в дождь будет стоять где-нибудь за городом и писать тучу над землей, живую завесу дождя, прозрачную лужу на переднем плане со вспухающими пузырями. Но все опять кончилось ничем: никуда не вышел, даже в поле.

Потому теперь лес его озадачил и неожиданно напугал.

Павел Аркадьич не мог бы сказать, чего именно пугался теперь: страшно было, и все тут. Нет, он боялся не волков, а неведомо кого. Казалось, вот сейчас кто-то волосатый, с огромной пастью гаркнет у него над ухом: «А!» - и схватит, стиснет, так что сразу дух вон. Невидимые твари смотрели на Маврина из темноты, пока никак не являя себя; они, по-видимому, ожидали своего часа.

5.

Ночь тянулась бесконечно.

Маврин сидел на гнилом пеньшке; он весь сжался в комок - стал вдвое меньше! - нахохлился, как спящая ворона; уши однако ловили всякий звук. Топор теперь был под рукой - вот для чего пригодился: как средство от детского страха, который не отступал. В любой момент рука, скользя вниз, могла попасть как раз на рукоятку, и тогда он вооружен - это успокаивало. Потрескивание, пляска огня и теней вокруг костра были единственными проявлениями жизни в этом замершем, неподвижном мире. Если б не огонь в костре - все, могила.

Сам Маврин не проявлялся никак, даже, казалось, не дышал; он как бы растворился в этом лесу - подобно капле воды, упавшей в водоем.

С течением времени к нему пришло чувство, что он слышит весь лес на большом расстоянии, и пошевелились где-нибудь мышь, он различил бы этот шорох. Когда где-то в отдалении от невидимой причины треснула ветка - он тотчас вскинул голову и напряженно слушал, не сразу успокоился. А вот огонь в костре был бодр и чужд всяческого страха. Лишь угасая, он обретал детскую беспомощность, и Павел Аркадьич спешил «пожалеть» его - подкладывал дров.

Смотреть на суету и торжество огня оказалось занятием отнюдь не скучным; пламя ободряло, вселяло уверенность, успокаивало.

Однако холод донимал - не холод: стынь! Маврин поворачивался то боком, то спиной к костру - захладавшее отогревалось, но знобкой сыростью веяло с другой стороны и согретый бок уже холодал, даже леденел; опять поворачивался... И так снова и снова.

Небось, была уже полночь, когда сон стал его одолевать. Маврин задремывал накоротко, а очнувшись, видел, что костер чуть тлеет, дымок кудрявой струйкой прощально поднимается вверх и потом невидимо уходит в сторону, в темноту; лесная глушь холодила уже со всех сторон. Кромешная тьма под елями была почти осязаема, а на вершинах слабо, едва заметно отражался свет - должно быть, от звезд, мигавших там, вверху. Прямо над головой кораблик Кассиопеи плыл по Млечному Пути, и, подняв голову, Павел Аркадьич дивился тому, как поразительно крупны звезды, обозначающие нос и корму кораблика, и среднюю мачту, и вскипающие волны у бортов. Казалось, россыпь звезд приближается, или сам этот лес, вся земля стремительно летели туда... К Маврину пришло ощущение огромного межзвездного пространства, от чего стало еще холодней.

Он вставал и неверными шагами отправлялся собирать хворост, вытягивая перед собой руки, чтоб не наткнуться лицом на сухой сучок: в этой темени глаз выколоть ничего не стоило; приходилось ощупывать землю вокруг себя руками и ногами в по-

искал дров. Однажды он, заочевневший от холода, споткнулся и свалился под елку и, может быть, даже вздремнул маленько, потому что потерял ориентацию. Развел новый костер, и при свете его разглядел свое прежнее кострище - возле него лежали топор и лопата.

Чтоб согреться, Маврин несколько раз принимался бегать, приседать, колотить себя по бокам, потом, тяжело дыша, обессиленно садился опять на пенек, подбрасывал сучьев на угли и затихал.

Вот так маялся почти всю ночь. Мыслей у него не было, а было только ощущение вселенского сиротства своего, от которого хотелось выть по-волчьи. Теперь сознание того, что он одинок и не нужен никому на белом свете, обрело зримые очертания: он один... ночь кругом... дикий лес...

Росла в нем горячая обида на город, исторгнувший его, и на весь белый свет - чувство, знакомое с неведомо каких далеких пор, имевшее полувековые корни. Все было, было уже: и лес, и костер, и - некуда идти, незачем.

А впервые испытал это, когда в школу ходил, в шестой класс. Мать тогда послали на лесозаготовки месяца на два или три. Она умолила сестру свою: пусть, мол, у тебя поживет мой Пашка. Та согласилась, но едва шагнула мать за порог, тетка дала ему крепкую затрещину. Дальше - больше. И не кормила, и из дома выгоняла, когда приходил к ней гость из соседней деревни; а у колодца рассказывала бабам, будто племянничек по ночам встает сметану из горшка ложкой черпать.

И в школе как раз в это время нажил Пашка себе врага - учительницу математики. Та звала его тупицей, оборванцем и почему-то еще «выкидышем». А потом повадилась бить: раз ударила, на другой день - снова. Пусть за дело: он, конечно, озорник был, но ее ли учительское право - бить ученика. А ведь на глазах у Вали Струниной... да, при Вале.

И Пашка перестал ходить в школу. То есть он по утрам шагал вместе со всеми - а путь не ближний, через лес - и тут, в еловом

лесу, сворачивал с дороги, натаскивал дров, разводил костер и просиживал до тех пор, когда школьники возвращались. Тут и он к ним присоединился, шел в деревню. В школе считали, что заболел Пашка Маврин, товарищи не выдавали, а дома тетке дела не было, где обретается племянник.

Так было тогда: то же чувство отторжения от людей, сирость в душе и обида неведомо на кого: что-то не так, как следует, устроено на белом свете.

Ну, философские вопросы в ту пору не занимали его, впрочем, и теперь тоже. Нестроение в мире - факт, а отчего и почему - Бог ведает.

Говорят, жизнь продолжается и после смерти - тогда дух Павла Аркадьича, витая над Новой Корчевой, будет слышать и видеть человеческое бытие, опять досадуя и возмущаясь, как возмущается и досадует ныне.

Перед рассветом костер окончательно потух, а Маврин так заколел от холода, что еле разогнулся, встав с пенька. Казалось, он слышит скрип суставов своего тела; и руки были, как грабли - пальцы занемели и не слушались. Он пошел куда глаза глядят, с усилием переставляя ноги и пошатываясь; крупная дрожь била его - не поверхностная, а глубинная дрожь, когда холод берет в тиски и сердце, и спинной мозг, и печень... Челюсти свело - он не смог бы произнести ни слова. Споткнулся и упал; уж хотел не вставать, но земля была так холодна, что он все-таки поднялся, опять пошагал.

И вот тут как избавление ему - вышел на узкую просеку, по которой тянулась черная труба на коротких бетонных опорах. Он обессиленно оперся на нее и тотчас воспрянул духом: труба, обернутая поверху изоляцией, была тепла. Ну да, сквозь стекловату и слой толя пробивался жар настолько ощутимый, что местами даже обжигало ладони.

Это была теплотрасса от электростанции, что на берегу Волги возле Новой Корчевы, к свинокомплексу в деревне Речицы. Маврин припал к трубе грудью, прижался лицом к шершавой изо-

ляции, ощущая благодатное тепло; повернулся, прижался спиной, потом опять грудью да животом. Недолго думая, влез на трубу и лег, как на бревно, обхватив руками и ногами. Труба казалась ему артерией, по которой течет неостановимо живительная кровь земли...

«А я, как микроб на ней, - подумалось ему. - Как ничтожный и жалкий микроб!».

Лежать было неудобно: местами прижигало, и сверху все-таки веяло холодом; да и проволока, которой была обмотана теплоизоляция, больно врезалась концами то в колено, то в запястье, а то и в щеку.

В редующих сумерках Маврин увидел, что невдалеке труба поднимается вверх и опускается снова, образуя ворота, - наверно, для проезда транспорта. Он побрел туда, спотыкаясь и все еще пошатываясь из стороны в сторону; труба была местами по грудь ему, а то и по пояс, и даже по колено, в зависимости от неровностей земли; у «ворот» Павел Аркадьевич сел на трубу, прижался спиной к вертикальному ее столбу, вытянул ноги вдоль и теперь в полной мере ощутил тепло - оно было и снизу, и по всему зазябшему позвоночнику. Он сжался, сплетя руки на груди, уткнулся носом в шарф и замер.

Отогрелся не сразу, но тепло, разливаясь по телу, совершенно расслабило его и обессилило.

Память - не та, что в мозгу, а другая, что в каждой клеточке тела, подсказала ему, что он однажды уже переживал точно такое же чувство - оттаивал после жестокой холодрыги. Это было очень давно... Он, Пашка Маврин, отправился по миру, то есть милостыню просить. А дело было зимой, он заколел в дороге, едва добрался до очередной деревни и там его накормили, на печку пустили. И вот тогда он так же отогревался, оттаивал. Благодатное тепло разливалось по телу... все, как теперь.

Ему вдруг ясно-ясно вспомнилась старуха, стоявшая тогда перед печью, опираясь на хват, - старуха эта бранилась сердито:

мол, бродят тут всякие, покою нет. Но именно она приглашала нищих постоять у печи, прижавшись к ней спиной, а Пашку даже на печь пустила. Павел Аркадьич слабо улыбнулся - так отрадно ему было то воспоминание; с этой улыбкой он и погрузился в глубокий сон.

Ничто его не потревожило: ни гул пролетевшего самолета, ни переключка двух сорок, ни то, что совсем рядом прошла пара лосей с ночной лежки. Лоси не заметили неподвижно сидящего человека, равно как и сороки тоже.

А проснулся этот человек, когда солнечный луч уперся ему в веки; вот тут он открыл глаза и увидел себя сидящим на трубе, которая тянулась по лесной просеке и пропадала за кустами и молодыми деревьями; по сторонам просеки стояли мрачные, молчаливые ели, а рядом с ними багряные осины и золотые березки; над просекой на холодном небе блистало солнце - все говорило о том, что наступил ясный и бодрый день.

6.

Итак, ему не удалось умереть в эту ночь. Но он утешал себя тем, что успеется, мол. Никто, ведь, не определял ему срока, и он не брал на себя обязательства умереть в такой-то день и час. Дело смерти отодвигалось по крайней мере до следующей ночи, и о том не хотелось думать.

«Не надо суетиться, - подумал Павел Аркадьич как бы в оправдание себе. - Умирать - это ж не блох ловить».

Он даже улыбнулся своей шутке и слез с трубы, разогнувшись, попрыгал, чтоб размяться маленько. И вот теперь ощутил приступ голода и подосадовал, что ничего не взял с собой. Надо было, уходя из дома, положить в карман хотя бы горбушку хлеба, а если б еще и ломток сала, так и вовсе хорошо. Как это было бы кстати сейчас!

Пожалуй, не столько есть хотелось, сколько напиться горячего чаю. Павел Аркадьич осмотрелся: нет ли поблизости хотя бы

ржавой консервной банки; окажись такая тут, он, не задумываясь, развел бы костерок и вскипятил водички. Вон лужи стоят - чем не чайный настой?

Он зачерпнул из ближней лужи ладонью и раз и два, прихлебнул - водица опустилась в живот и осталась там холодной, словно камень туда лег; живот затосковал, запротестовал. Конечно, это было не резон - с утра пораньше да воду из лужи пить.

На мшистых холмашках тут и там вызрела брусничка, но мало, жалкими кисточками по две-три ягодки. Маврин пособирал их, бросил в рот, пожевал - на кислоту эту живот отозвался недовольным бурчанием. Попалась старая сыроега с порушенными краями; он подумал, что ее можно зажарить на костре, но она была сильно источена червями. И это все, чем он мог поживиться в лесу - холодная болотная водица, скудные кисточки ягод да сыроежки. Следовательно, расчет его был верен: умирать надо именно в лесу - тут все условия.

Павел Аркадьич бесцельно побрел вдоль трубы и оживился в том ее месте, где она делала еще одно колено в виде буквы "П", но не вертикально, а горизонтально, невысоко над землей. Здесь густо росли молодые осины, которые теперь, в утреннем свете, словно охвачены были рыжим пламенем от нижних ветвей, а у вершин это пламя становилось багровым. Смутная подсознательная мысль эхом отозвалась в душе Маврина, он даже заволновался: ему знакомы были эти осины! Заволновался, да, потому что вспомнил: было... было...

В молодости он считал себя художником-пейзажистом; слово это - «пейзажист» - прилагаемое к фамилии, заставляло сладко замирать его сердце. Наверно, так же оно замирает у лейтенанта, когда тот в мечтах примеряется к словам «полковник» или «генерал».

Если в мальчишеском возрасте, то есть еще в школе, он любил рисовать «батальные» сцены, то потом его излюбленным рисунком были дом над речкой или прудом, деревья в палисаднике; лошадка, запряженная в сани или телегу у крыльца; гуляющие на

лужайке куры, плавающие в пруду гуси...

Со временем, когда уже повзрослел, когда у него появились и мольберт, и холст, и настоящие кисти с красками, полюбил он ходить на этюды... Вот это и было время, когда он стал именовать себя пейзажистом, а самой удачной из его картин была та, где на опушке леса горели призрачным огнем осины. Ему удалось поймать это сияние, исходившее от них, - свет целомудрия и святости природы.

Маврин очень гордился этюдом с молодыми осинами и любил показывать его всем желающим. А где теперь те осинки, изображенные им столь вдохновенно? Скрученные в рулон все его пейзажи и этюды долго пылились в кладовке на прежнем месте его жительства, а при переезде потерялись. Он помнил, как вынес рулон и сунул среди прочих вещей, когда грузили на автомашину мебель, но кто-то, видимо, затоптал или выбросил его «барахло». Маврину же оно теперь казалось значительным и, может быть, самым важным в его жизни.

Павел Аркадьич смотрел на осинки с нежностью, словно они пришли к нему с той лесной опушки повидаться с ним и теперь радуются встрече. У него так защемило сердце, что он прослезился.

Смахнув слезу, уже более внимательно осмотрелся. П-образное колено трубы огибало площадку величиной с кузов грузовика или... если б стоял тут дом, то труба эта вписывалась бы в одну из его комнат. Мысль о доме была, как открытие: посреди леса, на глухой просеке... теплое место, жилье. Нужно только оградить стенами местечко возле трубы, и вот тебе, Маврин, будет жилое гнездо, сокрытое от людей, радуйся.

Он обошел колено вокруг, изучая ближние подступы. От просеки захламленный лес уходил по незначительному возвышению широкой полосой, должно быть, далеко. Хвойная гряда справа и слева опускалась к болотинам, заросшим кустами и тростником. По другую сторону просеки тоже был лес - настоящий сосновый бор. На некотором отдалении он переходил в низкорослый берез-

няк, росший на ярчайшем зеленом мху.

Маврин опять вернулся к просеке и остановился; место, где труба делала колено и где росли одетые в багрец и золото осинки, как раз и годилось для того, чтоб именно тут и нигде более он, Маврин Павел Аркадьич, завершил свой жизненный путь. Это достойное место; оно никак не могло снизить значение и смысл кончины человека. Но это потом, а теперь... Теперь Мавриным овладела жажда деятельности. Прежде всего он отправился на поиски потерянных инструментов - железной лопаты и топора. Он мог угадать, где вышел к трубе ночью и скоро отыскал холодное кострище и возле него то, что искал.

Вернувшись к месту избранному, он прошелся вдоль трубы, похлопывая по-хозяйски ладонью, как бы вступал во владение. Прекрасное тепло исходило от нее, что отзывалось радостью и в душе, и в теле. Как ни старательно изолировали ее стекловатой, толем да рубероидом, температура водяного потока (или там пар?) была столь велика, что на всем протяжении трассы источалось живительное тепло. Маврин подумал, что если снять кое-где изоляцию, то можно отрегулировать большую отдачу тепла, и в комнате (или избушке, если таковая появилась бы) можно поддерживать самую благоприятную температуру; это позволило бы ему пожить отшельником некоторое время, перед тем как...

Маврин воодушевился. Прежде всего он решил наготовить дров - не хворосту, который сгорает за минуту, а толстых поленьев, они горят долго и дают много углей. В лесу сухостоин изобильно - молодые деревья, росшие очень часто, не выдерживая соперничества с более сильными, умирали в раннем возрасте. Он рубил их и таскал к трубе, складывая в аккуратную поленницу таким образом, чтоб она огибала П-образное её колено.

День уже приближался к полудню и был по-утреннему ясен. На небесной голубизне, как и вчера, кудрявились мелкие кудельки облаков; белый шлейф дыма тянулся по небосклону от невидимых отсюда труб тепловой электростанции. Шума от Новой Корчевы не слышно было; и вообще тишина царила в лесу. Со-

роки прилетели и пострекотали над ним, стайка хлопотливых пичужек, названия которых он не знал, кочевала в старых елях, ловко бегая и по стволам, и по толстым сучьям - вот и все звуки. А помимо них - бодрая деятельность человека, который и рубил, и таскал, и покряхтывал от натуги.

Маврин совсем утратил тягостное чувство одиночества. Напротив, сознание, что он один в этом лесу, было отрадно ему. Никого тут нет! Может рассуждать вслух, петь песни или делать глупости - никто его не осудит, никто не осмеет, не подосадует. И это прекрасно! Ныне он подумал этак фигурально, что там-то, в городе, на нем всегда повисала лохмотьями чужая брань и косые взгляды, молчаливое осуждение и досада. А теперь он освобо-дился от этого и почти чист.

Павел Аркадьич развел костёр как раз на взлобочке, огибае-мом трубой, - огонь поднялся высоко, самоуверенно; постоял пе-ред ним, соображая: вот тут надо соорудить помост, чтоб на нем можно было прилечь, привалившись всем телом к теплой трубе, как к печке... А чтоб помягче было на том ложе, так вон в лесу мху сколько.

Он стал собирать не зеленый, напитанный водой мох, а се-рый или почти белый из-под сосен и раскладывал по трубе - су-шить. Ложе соорудил довольно скоро, увязав поперечные жерди с вертикальными проволокой, снятой с трубы. А закончив это дело, опять постоял перед костром, размышляя:

«Пожалуй, не так надо было... Не из полениц стены, а из бревен сухостойных... да, избяным срубом. Меж бревен мох на-класть... вместо крыши бревенчатый накат сделать... чем не изба будет!»

- Пила нужна, - сказал Маврин вслух и вздрогнул: голос его прозвучал хрипло.

Да разве только одна пила! Гвоздей бы... хоть десяток или десятка два.

Посмотрел на небо: не предвидится ли дождя, что-то обла-ка пошли все тяжелей. Вдруг разнепогодится к ночи - как тогда спать?

- В случае чего - лечь под трубу, - подсказал он самому себе. Но труба узка! С нее дождевая вода будет стекать как раз на лежащего.

Вспомнил, что у шоссе, когда переходил, видел в канаве целлофановые мешки из-под минеральных удобрений; вот если бы их принести сюда... Еще он видел там же, у дороги, ржавую памятную бочку и мысленно прикинул: в ней можно пробить сбоку «дверцу», а сверху отверстие для трубы - обогреться удобнее, чем открытым костром. «Камнями обложить, они тоже нагреются, - соображал он, - дольше тепло сохранится».

Хотелось есть, и это все больше и больше заботило Павла Аркадьича. Но ведь пришел сюда не жить, а...

Тут он смутился немного: все соображения - о крыше, о печке - они о жизни, о жизни, а не о смерти! Он, что же, отказался от главного намерения?

- Я не самоубийца, - сказал Маврин вслух.

И помотал отрицательно головой: нет-нет, он вовсе не собирался пресекать свою собственную жизнь насильственным образом. Если уж умирать, то нормальным порядком: только простой, естественной смертью завершится его пребывание на этом свете, и никак иначе!

Да и вообще дело смерти как-то отодвинулось от него теперь, а подступило ближе дело жизни: добывать пропитание, обогреть себя, защищать от враждебных сил.

7.

Во второй половине дня он по трубе вышел к электростанции и отправился в город, домой. По дороге цепким взглядом отмечал: вон валяются рейки... вон отрезок асбестовой трубы... вон красные кирпичи, штук пять... Все это ах как пригодилось бы в его новом хозяйстве! - и рейки, и труба, и кирпичи, что валяются просто так, в канаве. Радость и успокоение были в том, что любая задача, какую бы он себе ни ставил, решается, любая цель

достижима. Предстоящие заботы, новизна их вселяли бодрость и жажду деятельности.

Навстречу попадались люди, на которых Павел Аркадьич поглядывал с новым для себя чувством: они провели ночь в тепле, на мягких постелях, а ему пришлось пережить суровую ночевку. Они не жились, тогда как он жестоко страдал от холода и, может быть, даже чуть не умер. Потому он испытывал чувство превосходства над ними, смешанное с обидой: а не их ли совокупной волей исторгнут был он из Новой Корчевы, родного ему города, и принужден ночевать в лесу? Эта мысль поразила его настолько, что Маврин даже остановился и постоял некоторое время, словно оглушенный неожиданной вестью.

«Не вашей ли совокупной волей? - повторил он несколько раз, словно найдя объяснение драматическому развитию своей жизни. - Вы все вместе пожелали... чтоб меня не было в городе! Не потому ли я чувствовал себя здесь чужим?.. Меня толкали, обзывали, надо мной смеялись... даже обокрали на прошлой неделе!»

Да, это их общий голос сказал ему: «Уходи», и он ушел. Следующим их словом будет «умри», и тогда он умрет... Это насильственная, а не естественная смерть, почти убийство! Неужели они имеют такую власть над ним? Он, Павел Аркадьич Маврин, покорился их общему желанию, ставшему приказом. Ведь уже покорился, уйдя в лес! Сила солону ломит...

Маврин шел через город, взыскующе поглядывал на встречных, и было в его взгляде что-то такое, отчего они спешили отвести глаза. Он не мог упрекнуть каждого из них в отдельности, но чувствовал себя несправедливо занесенным в число тех, кто обречен на заклятие.

Новая Корчева жила в прежней суете: люди ехали и шли в разных направлениях, гудели автомашины, разбрызгивая на дорогах грязные лужи; над городом плыл шлейф дыма из труб электростанции, заслоняя небо и солнце, - тени ползли по домам. Улыбались только девушки - все прочие имели скучные, озабо-

ченные или рассерженные лица.

Маврин пришел домой - соседи не удивились его появлению. У них опять была шумная выпивка, которая может длиться несколько суток, а потому, небось, и не заметили, что он отсутствовал всю ночь. Впрочем, как не заметить: в комнате Маврина замок взломан, и на кровати его спал пьяный мужик, не снявший даже сапог. Но ничего украдено не было, и на том спасибо. Да и что красть - сломанный телевизор?

Маврин разбудил непрошеного гостя непочтительно, приказал кратко:

- Пошел вон!

Мужик поднялся, тупо посмотрел на него, сказал:

- Я все понял, шеф. Иду.

И вышел, сильно ударившись и боком, и головой о дверь.

Павел Аркадьич сварил на кухне картошки, сдобрил маслом подсолнечным и жадно поел. Потом сел на кровать и погрузился в размышление.

Он мысленно проследил вчерашние и нынешние события: как выбрался за город и углубился в лес; как сидел у костра и страдал от холода; как на рассвете в онемелом состоянии вышел к теплотрассе и отогрелся возле нее; а потом как раскладывал мох по трубе, носил дрова и мысленно соорудил избушку с крылечком и окошками.

Если воспоминание о пережитом холоде и страхе повергали его и теперь в зябкое состояние, то мысли о хлопотах возле трубы приободрили и даже воодушевили.

«Только б туда никто не приходил! - подумал Павел Аркадьич. - Надо все подходы завалить... засеки сделать...». И наоборот, проторить обходные пути для случайно забредающих туда, если таковые будут.

Все это опять было не о смерти, а о жизни, о жизни! Конечно, он не обязан умирать. И никто не смеет торопить его с этим! В конце-то концов можно просто остаться здесь, дома, в тепле.

«Но... зачем? - подумал он. - Зачем?!»

Прислушался: за стеной возбужденный говор, звяк посуды – опять драка, что ли? Значит, скоро будут стучать к нему, с просьбой «положить на время» кого-то из упившихся или дать займы «до завтра».

Тут надо отметить, что сам Маврин никогда не испытывал тяги к спиртному, потому не мог находить в нем утешения. А людей пьющих сторонился, потому и друзей не имел.

Он представил себе длинные томительные вечера - и нынешний, и будущий: вот эти обычные свары за стеной, застолья... Да ведь и дни столь же томительны! Опять будет стоять на автобусной остановке и смотреть, как мимо проезжают автобусы...

Телевизор он тоже не любил: когда тот полгода назад погас, Маврин вздохнул облегченно и не приглашал техника для ремонта. Новости узнавал по радио, да и какие это были новости! Лучше б их вовсе не слышать: где-то на севере из-за халатности и разгильдяйства лопнул нефтепровод; где-то на юге захватили самолет с заложниками ради денежного выкупа; в большом городе поймали, наконец, маньяка, несколько лет убивавшего и насилующавшего; в малой деревне распяли на кресте фермера; бандиты стреляли друг в друга из-за дележа награбленного; армии и народы воевали между собой неведомо из-за чего...

Опять будет словно ветром приносить слухи о событиях местных: на вокзале железнодорожном подростки забили двух стариков... в церкви внучек украд из алтаря крест, в то время, как бабушку отпевали... В соседском огороде воры ночью выкопали картошку и срубили капустные кочаны... У старушки на автобусной остановке пьяный негодяй вырвал из рук сумку и убежал, а в сумке буханка хлеба и пенсионное удостоверение, и больше ничего.

Представив себе все это очень ясно, он стал собираться в лес. На этот раз Маврин был целеустремлен, действовал энергично.

Прежде всего из кучи всяческого барахла, сваленного под кроватью, добыл стеганые штаны и стеганую фуфайку, которые купил некогда по случаю, полагая, что будет зимой ходить «на

этюды». Пригодилось вот. Достал из старенького гардероба теплые белье, купленное неведомо когда и потому изветшалое. На шкафу оказались зимняя шапка, рукавицы и утепленные сапоги. Подумал, что пригодились бы и валенки, но тяжела будет ноша: надо ведь еще продуктов набрать!

Он сходил в магазин, купил две буханки хлеба и два батона, килограмм крупы, две банки свиной тушенки, пару пачек маргарину...

Перед тем, как уйти, починил замок и предупредил соседей, что если взломают еще раз - вызовет милицию по факту взлома. Соседи сказали миролюбиво:

- Да ладно, командир! Дверь не тронем... можно и через окно.

Странный вид представлял собой Маврин, час спустя: по городу шел взопревший мужик в стеганой фуфайке и таких же штанах, в шапке и сапогах-заколенниках; мешок он нес за спиной, а в руке полиэтиленовую авоську, в которой погромыхивала посуда: чайник, сковородка, кружка эмалированная, кастрюля... Знакомые, едва узнававшие его в этом наряде, спрашивали не без ехидства:

- Аркадьич! Ты не на Северный ли полюс?

Маврин не вступал с ними в разговор. Он не снисходил до них, поскольку считал их причастными к своему изгнанию. Он даже напевал по пути... нет, не напевал, а этак поборматывал песню, слышанную им неведомо когда и неведомо где:

- Марш вперед, труба зовет,

Черные гусары...

Он шел теперь не напрямик, мимо железнодорожного вокзала, а берегом Волги - тут узкая асфальтированная дорожка вела к электростанции мимо гаражей и погребов, которых немало понастроили тут в последние годы; потом по извилистому асфальтированному шоссе, что вело в деревню Речицы. По дороге опять отмечал: вон они, кирпичики... и речки... и кусок асбестовой трубы. Нынче же надо будет их забрать или завтра утром. Он вспомнил и ту высоченную траву, в зарослях которой оказался

вчера: вот если ее надергать да навязать снопиков - пригодятся и для ложа, и для утепления стен, и для сидений.

Мысли эти вдохновляли Павла Аркадьича, и он как-то очень быстро - так ему показалось - дошагал до леса. А перед тем, как войти в лес, обернулся к городу и, повинувшись безотчетному чувству, погрозил ему кулаком. После чего, совершенно удовлетворенный, пошел еще бодрей: в лесу и воздух иной, и так отраден был шелест невесомых листьев, роняемых березами да осинами. Ноги сами знали, куда идти - лесными тропами и без них, по мху, через просеки, мимо болотцев, и привели его как раз к уже освоенному месту.

Уже вечерело, когда он, отдыхая, сидел на теплой трубе, слушал замерший лес. Страх и одиночество опять подступили к нему...

8.

Ночь вторая была более осмысленной: он не так отчаянно мерз, поскольку все-таки с одной стороны труба грела, а с другой пылал костер, и дрова под рукой; он уже не столь панически боялся неведомо чего и уже не вслушивался напряженно в лесное безмолвие; он уже вовремя поужинал и напился чаю; и думы текли одна за другой, не теснясь в беспорядке, а выстраиваясь по череду.

Удобно расположившись на мягком сиденье, он выстругивал из корневой сосновой развилины неведомо что - получалась рогатая образина с выпученными глазами. На первый взгляд она могла и испугать, но Маврин почему-то выстругивал ее с любовью, и ему казалось, что и «черт рогатый» потому страшен внешне, что очень добродушен и пуглив. Это забавляло Маврина, размышлявшего попутно о том, что вот люди живут, ищут уединения где-нибудь в деревенской тиши, и сам он некогда так отрадно мечтал об этом, но ведь каждый может... И тут ему подумалось, что удалиться-то, собственно, можно и не уходя в лесную глушь,

а отрешаясь от окружающего мира, то есть погружаясь в самого себя.

Самое тихое и безмятежное место, куда он, Маврин Павел Аркадьич, погружался ранее и, по сути дела, пребывал ныне - это его душа. А лес - это внешнее... равно как и тихая деревня.

Ближний лес стал уже привычнее ему и вроде бы как домашнее. Он уже свой... в некоторой степени.

Но одиночество, рождавшее в душе тоску и душевную горечь, все еще владело Мавриным и может быть даже усилилось, поскольку стало осмысленнее, как бы обрело ясность, откристаллизовалось и выпало в осадок - теперь уж навсегда. Тяжесть эта лежала в душе холодно и мертво; именно она не давала ему ощущения жизни и там, в городе, а теперь и здесь, в лесу.

Кажется, никогда в жизни он так напряженно не работал, как в эти дни. То есть не было раньше такого, чтоб вот весь день с утра до вечера он рубил топором, пилой пилил, заступом рыл, таскал бревна и камни...

Дровяные поленицы вокруг своего логова он разобрал и вместо них врывал в землю высокие столбы, этак в полтора человеческого роста, ставя их парами на расстоянии, равном толщине бревнышка. Сосновые да еловые сухостоины он и укладывал одно на другое, чередуя со слоями подсохшего мха. Так получалась у него стена. А крепил он ее с помощью алюминиевой проволоки, какой немало находил вдоль высоковольтной линии электропередачи.

Ранее ему не приходилось ничего строить - ни дома жилого, ни дачки, ни баньки, ни обыкновенного сарайчика; но он был некогда неплохим конструктором на заводе, и потому мыслить пространственно ему было привычно. Можно предположить, что будущее жилище должно получиться столь же нелепым, как и формовочный полуавтомат, но практичным, надежным.

Крышу Маврин решил сделать бревенчатой, а поверху покрыть пустыми полиэтиленовыми мешками из-под удобрений, что валялись у дороги; он уже принес их к новому месту своего

обитания, а также банки, бутылки, ржавые ведра - все могло пригодиться в его лесном хозяйстве!

Работа отодвинула прежние тяжелые мысли, голова все время занята была деловыми соображениями, и Маврин, несмотря на усталость, очень приободрился и повеселел в эти дни. Удручали дожди, что окропляли лес то и дело. Теперь уж не пройдешь по лесу, не вымокнув. Зато повезло с картошкой: в той стороне, где Речицы, на убранном уже картофельном поле можно было набрать ее хоть ведро, хоть два. Он теперь пек картошку на углях в костре, она радовала его знакомым с детства вкусом и ароматом.

В город Маврин ходил еще два раза, и всякий раз возвращался оттуда с тяжелой и объемистой ношей. От разговоров с кем-либо он там уклонялся. Ему казалось, что любой собеседник спросит его взыскующе: «А что ж ты, Аркадьич, не умер-то? Вроде бы, за смертью в лес пошел...». И нечего будет сказать в оправдание: действительно, пошел за смертью, однако же не исполнил намерения, а это уж несерьезно как-то, недостойно. «Так ведь сроков мне никто не устанавливал! - сердито сказал самому себе Маврин. - Никто не имеет права требовать от меня...».

Между прочим, шагая однажды по просеке с теплотрассой, он попал на местечко не менее живописное, чем то, где строил себе хижину. Тут возвышенность небольшая была, сосны подступали к самой трубе, образуя уютную полянку. От полянки той скат к болотистому водоему с молодым зеленым мхом на берегах. А посреди нее кострище со свежей золой аккуратно обложено камнями, рядом скамеечка из короткой доски и столик малый, и поленница дров. А больше ничего. Ни мусора, ни вытоптанного мха, ни банок-склянок.

Павел Аркадьич догадался, что это и есть то самое «насиженное место», о котором говорил Сказкин. Тот приходил сюда, чтоб пообщаться с природой, вот с этим лесом.

Маврин испытал ревнивое чувство, но местечко Сказкина было отдалено от Мавринского на значительное расстояние, так что вряд ли они помешают друг другу.

9.

В этот день уже под вечер перед жилищем Павла Аркадьича появилась кошка. Она выбрела из лесной чащи и замерла, глядя на сидящего перед костром человека. Маврин сразу сообразил, что это старая кошка, потому что она была большая, смотрела на него не столько испуганно, сколько жалобно, просяще, а когда мяукнула, то у нее ничего не получилось - просто безгласо открылся рот.

А он так обрадовался ей, что даже вскочил.

- Кис-кис, - позвал, - кис-кис!

Вид у нее был самый несчастный: на животе, на боках и на лапах шерсть торчала грязными клочками. Несколько секунд она изучала Маврина, после чего доверчиво направилась к нему.

Он засуетился: чем угостить гостью? И ведь как славно все получилось: в полиэтиленовом пакетике осталось немного молока. Он отломил хлебного мякиша, намочил в молоке и, сидя на корточках, глядел, как она ест.

Это была домашняя кошка, знавшая ласку, ручная, но преданная кем-то и потому, наверно, ушедшая сюда умирать.

- Эко тебя занесло! - сказал ей Маврин. - Что,хватила лиха?

Кошка одним фактом своего появления тут каким-то образом свидетельствовала, что она сродни Маврину, как сестра. Никогда раньше он не испытывал такой нежности к животному, как теперь к этой грязной, измученной кошке. Павел Аркадьич чувствовал именно родство с нею, как изгнанник в чужой стороне к такой же изгнаннице, как он сам.

«Наверно, ночевала в лесу, - думал он с болевой жалостью. - Может, и не одну ночь... Неужто где-то рядом, а я и не знал?».

Кошка никак не могла насытиться. Уже отойдя, она не отводила глаз от размоченного в молоке хлеба, возвращалась и снова принималась есть. Признаться, Павлу Аркадьичу было жаль молока, но... случай-то был какой: гостья в его доме.

Он сделал для кошки на трубе постель из сухого мха, а когда поднял туда ее, удивился тому, как она тяжела.

- Ишь, наела живот-то! - проворчал он, укладывая кошку на прогретый мох.

Она тотчас свернулась калачом, закрыла глаза. Хозяин сидел рядом, боясь спугнуть ее: вдруг вскочит и убежит! Тогда он останется опять один. Он накрыл гостью сверху своим шарфом и услышал, что она мурчит - это означало, что ей тут очень хорошо. Так же тепленько стало и на душе Маврина.

«Ах ты, бедная моя! - думал он, прямо-таки изнывая от любви и жалости к ней. - Тоже надумала умирать... У-у, проклятый город!».

В эту ночь непогода разгулялась. Ветер бушевал в вершинах деревьев, неподалеку скрипело сухое дерево, словно кто-то открывал и закрывал калитку на ржавых петлях. В другой стороне что-то жалобно постанывало, словно бы в предсмертной муке. Грозный верховой шум навевал тревожные мысли. Павел Аркадьич долго не мог заснуть, а потом сквозь сон слышал жалобное мяуканье. Вставать ему не хотелось, очень уж угрелся, и так подумал, что кошку беспокоит лесной страх, знакомый и ему, или просто горячо ей от трубы.

А утром выяснилось: у кошки появились котята, четверо.

Событие это озадачило Маврина. Все прежние доводы были опрокинуты: она не умирать пришла в лес - ее просто выбросили прежние хозяева, ее предали... как предали самого Маврина жена и дочь. Он всегда отгонял от себя эту мысль о предательстве, но ведь она верна: он оставлен, брошен, предан...

10.

С раннего утра он продолжал свои труды по обустройству жилья, но на этот раз его обеспокоили выстрелы: после первого же послышался жалобный, отчаянный крик - должно быть, собачий. Павел Аркадьич насторожился, прислушался: неужели кто-

то ранил собаку или даже убивал ее по злему умыслу? И выстрел, и крик этот были совсем недалеко.

Через полчаса раздался еще один выстрел, но никакого крика не последовало. А еще примерно час спустя, как раз когда Маврин варил в кастрюле нечто, вроде супа, - картошка, крупа, немного свиной тушенки - по просеке, как раз перед его костром, вышел молодой мужчина самого грозного и мужественного вида. Это был охотник, снаряжение которого можно считать более картинным, нежели выдавшим виды: кожаная куртка словно только что из магазина, новенькая кепка с длинным козырьком и иностранным словом над ним, новенькое ружье, сапоги-заколеники... Такой охотник, как сразу заключил Маврин, неспособен к настоящей охоте - разве что по собакам стрелять, но сбоку у него висел привязанный за передние и задние лапы убитый заяц, отчего, как можно было полагать, охотник и был преисполнен важности и даже грозности.

Он вышел на Маврина и замер, словно оторопев: перед ним было нелепое сооружение - хижина - у входа в которую горел костер, над ним кастрюля, и человек помешивал в ней ложкой.

- Бомжуешь? - спросил охотник после продолжительного молчания.

Маврин не ответил: он не понял вопроса, а переспрашивать не хотелось.

- Я говорю: бомжуешь? - напористо переспросил охотник. - Бродяжничаешь?

- Бомж - это лицо без определенного места жительства, - отвечал Маврин. - А у меня есть место жительства.

- Здесь, у трубы? - усмехнулся охотник.

Маврин не ответил, сделал вид, что занят делом.

- Жена прогнала? Или с милицией не поладил?

Маврин только посмотрел на него: чего пристал? Проходи, не мешай.

- А вот отведу тебя в отделение, - сказал охотник и снял с плеча ружье. - А ну встать! Руки за спину!

Маврин послал его... и отвернулся.

- Да ладно, - сказал охотник, усмехаясь. - Я пошутил.

Он примерился и присел на корточки, даже стал подбрасывать в костер по прутику.

- Там дальше, у трубы, еще один... вроде тебя, - сообщил он и кивнул головой в ту сторону, где видел Маврин насиженное Сказкиным местечко. - Я подошел тихонько - он не заметил. Сидит и плачет. Пожилой уже, твоих лет...

Сказкин плачет?.. Почему! Он же такой жизнерадостный...

- Вы что, мужики? - спросил охотник. - Чего вы такие ханырики? Жизнь, что ли, прижала?

- Может он от радости? - предположил Павел Аркадьич.

- От радости так слезы не льют. Случилось что-то у мужика. А ты чего? Тоже горе погнало сюда?

- Каждый человек имеет право... - Маврин не договорил «на смерть». - И не только человек, но и всякое существо.

- Да имеет, имеет, - отозвался охотник. - Живи, если нравится... У меня тоже бывает иногда: ушел бы к чертовой матери и не вернулся. Вот беру ружье да и иду куда глаза глядят... Зайца зачем-то подстрелил.

- Это он кричал?

- Он... До сих пор в ушах этот крик. Что теперь с ним делать? Летом вот так же принес, а жена ругается: тебе мяса в холодильнике мало?

- Жалко зайчишку, - сказал Павел Аркадьич.

- Жалко, - согласился охотник и встал - уходить. - Ну, что передать жене и детям твоим? Мол, живешь хорошо, так?

- Хорошо, - эхом отозвался Маврин.

Охотник кивнул и отправился по просеке в сторону электростанции.

11.

Катастрофа произошла следующей ночью. Павел Аркадьич воспринял это именно как катастрофу. В самое глухое ночное время он сквозь сон почувствовал, что зябнет, и подумал сонно, что, должно быть, похолодало. Уж не мороз ли грянул?

И верно, что-то изменилось в ночи. Разлепив веки, Маврин глянул в дверной проем - бледный свет как бы сочился от земли: снежок выпал. Кошка мяукала где-то рядом, котятка пищали. И тут Павел Аркадьич понял, в чем причина общего беспокойства: труба остыла. Она еще не стала совершенно холодной, но рука, добравшись сквозь утеплитель до ее голого тела, ощутила непривычное: не было жара, живительный ток прекратился по неведомой причине.

Это было неожиданно. На такое никак не рассчитывал Маврин! В нем жила уверенность, что труба будет горяча всегда, словно кровеносная артерия Новой Корчевы, и пока городок жив... но артерия остыла, значит - что? Электростанция осталась без топлива и остановила работу? Или просто отключили свинокмплекс в деревне Речицы от источника благодатного тепла.

Маврин застегнул пуговицы фуфайки, надвинул на уши шапку, улегся снова, но уже не спалось. Тогда он стал слушать лес. Было безмолвно. Он спрыгнул с ложа, потрогал рукой золу в костре - там было тепленько, но угли погасли. Кошка тоже спрыгнула к нему, он видел ее вопрошающие глаза при свете спички.

- Сейчас, сейчас, - сказал ей Маврин. - И деток твоих согреем.

Но как же теперь? Ведь круглые сутки не станешь стеречь костер!

- Беда! - сказал Маврин.

12.

На рассвете, уложив котят за пазуху и держа кошку на груди, он отправился в город.

Холодный рассвет отстаивался над Новой Корчевой. Асфальтовая дорожка по берегу Волги была запорошена свежим снежком, по ней уже успели протоптать тропинку ранние беспокойные люди. Фигуры шагающих людей Маврин отметил и впереди, и позади себя.

Но тоска и нерешительность томили его. Настолько томили, что чем ближе к городу, тем сдержаннее шаг. Он оглянулся на лес, отчужденно стоявший вдаль, посмотрел на город впереди... дойдя до бруса бетонного ограждения, лежавшего при дороге, присел на него и понурился. Опять посмотрел на лес... на город. Лес страшил его холодом, но душа... душа просилась туда. А тепло комнаты своей было желанно озябшему телу, но томительно душе.

Котята пищали у Маврина за пазухой, кошка ворочалась, обеспокоенная их писком.

- Навязались на мою голову, - сказал Маврин, упихивая кошку за пазуху. – То ли бы я один был, то ли с вами... черт бы вас побрал!

Он встал и пошел было, но остановился, вернулся и опять сел. Оглянулся на лес: слабый звук непонятного происхождения приплыл оттуда.

Душа Маврина отделилась от тела. Душа полетела назад, к трубе, а тело зашагало к городу... Новая Корчева.

1995 г.

СНЫ ЗОЛОТЫЕ

Рассказ

1.

Деревня Истопки в последние годы словно одичала - заросла лопухами, крапивой, иван-чаем да тополиной молодью. Репейник выгонял колючие шарики соцветий до крыш, а то и выше; крапива поднималась тут и там победно, царственно; по утрам запах тополиной лузги дружески соседствовал с ароматом иван-чая, а по вечерам пахло прудовой ряской, пыльными воробьями и парным молоком.

Тишина тут отстоялась, словно вода в лесном озере, а жужжанье шмелей, куриное кудахтанье или щебет ласточек не нарушали, а давали осознать её во всей полноте.

Время в Истопках не поспевало за общим течением времени, оно текло замедленно, по здешним непостижимым законам. И даже вести, приносимые тем или иным способом, воспринимались тут отстранённо, через призму непреодолимых пространств.

Истопки... До Москвы отсюда километров двести, если по прямой. Впрочем, это расстояние следует измерять не километрами, а иначе - мерой мечты, мерой судьбы, мерой беды.

Летним утром неведомо откуда в деревне появились двое парней городского вида. Они расторопно и бесцеремонно обошли все жилые дома, говоря хозяевам:

- На собрание! Полчаса на сборы! Поживей, поживей, иначе опоздаете и вам ничего не достанется. Лучше пораньше, чем попозже.

Судя по всему, их немало забавляла эта деревня, так густо заросшая лопухами. Ясно было, что в борьбе с дикой растительностью утомились истопкинцы и, смирясь, отступили - это были, в основном, уже пожилые и старые люди, сильно упавшие духом. Единственное, на что хватало их сил, - не дать зарости небольшим огородам да тропинкам от жилья к жилью, к колодцу и пруду. И не тропинки то были, а ходы и лазы, как в дебрях лесных; по ним и пробирались, похохатывая, городские парни.

В свою очередь и их появление тоже позабавило истопкинцев, кто-то из них сказал:

- Вот так тараканы приходят: сначала пускают вперед молодых, шустрых - вроде как разведчиков или вестников. А уж потом идут ратью...

Вестники-разведчики были веселы, даже дурашливы немного. Именно от них слышали тут фамилию «Архипов», произнесенную и раз, и два с каким-то значительным смыслом.

Никто из местных жителей не мог понять, какое-такое собрание затевается да ещё так поспешно: собраний в Истопках не проводилось уже лет десять, а то и двадцать, а теперь нате вам... Было в этом что-то ободряющее, впрочем, опасались и подвоха: соберут эти ухарцы людей в одно место, затеют речи говорить, а товарищи их, что сейчас где-нибудь в лопухах затаились, дома в это время обчистят. Конечно, что взять в домах... да ведь на иконы позарятся! Или телёнка уведут, кур переловят... Или так: прикажут налог платить по стольку-то с каждого хозяйства или с человека, а коли платить не будешь, подожгут... Такое время.

- Что еще за собрание? - ворчали истопкинцы, хотя и были заинтересованы. - Говорите толком. Насчет штрафовки?

Расторопные парни объясняли кратко и загадочно:

- Там все скажут.

Любопытство, известное дело, сильнее страха, и к девяти

утра, как и было назначено, собрались все: безрукий Иван с женой Марусей, подслеповатый Иван Дыбин тоже с Марусей, Ветошкины - Вера и Костяха, горбатенькая бабка Настя, Сергей Иваныч Баринов со своей старухой, Валенка Мошнина, хромая Капа Дыбина... Вот, собственно, и все. Не густо население в Истопах.

Им было велено подождать: сейчас, мол, прибудет Архипов. А кто он такой, не сказали. Но ясно было, что кто-то важный. Пока собирались, к околице деревни, сердито урча, подползли и остановились за ветлами четыре грузовика, тяжело груженные бревнами и досками. Из кабин этих грузовиков, хлопая дверцами, вылезли деловитые мужики, сошлись покурить, оглядываясь и переговариваясь. А с другой стороны, от Троицкого, приближался рокот тракторных моторов.

Откуда-то появились еще трое мужиков, одетых по-рабочему - то ли приехали на чем, то ли пешком пришли; они поздоровались с расторопными парнями, коротко поговорили с шоферами и разошлись; один полез в заросли вишенника, другой направился к завалившемуся на один угол сараю, третий нырнул в лопуховую непролазь в сторону скотного двора... точнее, бывшего двора, теперь это одни столбы угловые, кирпичные.

Все эти действия вызывали недоумение и интерес истопкинцев: понять, что к чему, ничего нельзя было, хотя Костяха Ветошкин, как самый молодой и сообразительный - ему всего шестьдесят два - пристраивался покурить к одному из расторопных парней, с целью выведать, что затевается. Но парни не стояли праздно: они лопотали о чем-то своем, то и дело разворачивали карту и сверяли ее с местностью; у них появился прибор на треноге, как фотоаппарат, они глядели в него, помечая на бумаге, и с Костяхой говорить им было некогда. На карте ихней было обозначено семь жилых истопкинских домов и четыре дома нежилых, и места домов исчезнувших - их никак не менее двадцати; и сараи, бывшие и существующие; и колодцы - три, и пруды вдоль ручья в низинке...

- Там даже теплица моя нарисована, которую я нынче весной поставил, - сообщил Костяха своим почему-то весело. - А дом Кисляковых обозначен, как жилой, - красненьким... нежилые - черным.

Кисляковы уехали отсюда месяц назад; это была семья самая молодая в Истопках, усадьба их еще не заросла лопухами да кустами, но можно смело предполагать, что и она обречена.

2.

Со стороны деревни Скурлатово, что в трех километрах отсюда, показался вертолет - тут все приезжие оживились. Он сильно накренился, делая вираж над Истопками, и опустил на ровную усадьбу Кисляковых - поток воздуха трепал ближние ветлы и березы, заставив жиденькую толпу собравшихся отступить к огороду Ивана Дыбина. Из вертолета выпрыгнуло несколько человек и словно бы ветром нанесло оттуда - «Архипов». Как бы из воздуха возникла эта фамилия, неведомо кем произнесенная, и ни имени, ни звания при ней, просто Архипов, и все тут, а кто он и что он, по-прежнему неведомо. Однако же ясно было, что именно Архипов и есть главный возбудитель происходящего в Истопках.

К нему тотчас подались все - и шофера, приехавшие ранее на грузовиках; и мужики, что по-хозяйски шныряли по деревне; и веселые парни, которых оказалось уже четверо... или пятеро. Впрочем, все тотчас разошлись, повинувшись кратким приказаниям Архипова, а он направился к местным - впереди сам, за ним еще трое мужиков вида интеллигентного, не перестававших оглядываться вокруг и обмениваться краткими замечаниями.

Архипов был мужчина хорошего роста, корпусный, возрастом гораздо за пятьдесят, но моложав; одет добротнo - кожаная куртка нараспашку, под курткой свежая рубашка с галстуком, на ногах крепкие сапоги.

- Здравствуйте, - сказал он, обращаясь к истопкинским. - Не узнаете меня? Я - Архипов Владимир Иванович, можно просто Володи́ей звать, как раньше звали.

Когда это «раньше», истопкинцы не поняли и нерешительно переминались, переглядывались.

- Здорово, Иван, - сказал он Дыбину, подходя к нему, - отчества не помню, Андреич, кажется...

Мужики, сопровождавшие его, остановились, чуть не доходя, и с улыбками смотрели на эту сцену.

- Павлыч, - поправил Дыбин.

Сломанная дужка его очков была залеплена черной изолентой. Он шурился подслеповато, разглядывая Архипова.

- Вроде бы ты ростом был повыше, - сказал Архипов. - Или мне, мальчишке, так казалось?.. Здравствуй, Маруся. Уж прости, так буду звать тебя, без отчества.

- Володя, - расстрогалась та. - Как же... Я тебя помню. Такой белоголовенький бегал.

И тут всех осенило: верно, жили же когда-то Архиповы в Истопках вон там, у Фролова пруда. И верно, был белоголовый паренек у них.

- Как здоровье? - спросил Архипов у Маруси Дыбиной.

- Какое теперь здоровье! Восьмой десяток...

- Ничего, - утешил он. - У каждого возраста свои преимущества.

Судя по рокоту тракторов со стороны Троицкого, те уже достигли к этому времени околицы Истопок и невидимо встали там - слышна была переключка мужских голосов.

- Здорово, Иван Алексеич, - это Архипов Каморину. - А мы с тобой родня, знаешь ли ты это? Я как-то стал родословную свою выяснять - оказалось, твой отец и моя мать были троюродными, а мы с тобой, выходит, четвероюродные.

- Нет, вроде, - засомневался Иван. - Ты мне, пожалуй, племянником доводишься... это самое... четвероюродным.

- Не спорь, я лучше тебя знаю. Дочка у тебя где?

- Дак она в Калязине, - отвечали оба Каморины враз. - У нее недавно сын женился, скоро уж бабушкой станет.

- Гляди-ка, время как летит!

- Владимир Иванович, - сказал один из пришедших с ним, - мы инвентаризацией займемся.

Слово иностранное произнесено было ими с улыбкой.

- Давайте, мужики, давайте... действуйте! - отвечал Архипов тоном приказа, не обернувшись к ним: - А вот соседка, верно? Ну да, соседка, мы же рядом жили, Валентина! Так?

- Да, знамо, рядом, - отозвалась та.

- Я тебя девкой красивой помню, в крепдешиновом платье. Плясать ты любила, Валёнкой тебя звали. Можно и теперь так?

- Да, что, - отвечала ему Валёнка. - Как ни назови, мы привычные. В лопухах живём... тут и пляшем.

- Капа... - сказал Архипов, улыбаясь, - дояркой была.

Улыбка не покидала лица Архипова, даже когда говорил серьёзно; он снисходительно и насмешливо, и великодушно воспринимал всё.

- Корову-то теперь держишь? - спросил он.

- Держу, - отвечала хромая Капа. - Да вот продавать надумала: сена не под силу накопить. Какие уж годы-те!

- Не продавай, - распорядился Архипов. - Сенную твою проблему решим, это нам раз плюнуть. Игорь Дмитрич! - окликнул он проходившего мимо мужчину. - Не забудь изрядный стожок сена поставить у дома вот этой милой женщины.

- Сделаем, - бодро отозвался тот, не останавливаясь.

- Ну, я его вспомнил! - говорил между тем Иван Дыбин Ивану Каморину. - Он ведь в техникум ушёл учиться и там пропал.

Оказалось, в Истопках хорошо помнили Настасью Архипову - крупная такая женщина была, лета два или три бригадирила тут, а умерла, подняв тяжёлое, - воз с сеном застрял, она за ось взялась... Остались у неё три дочки да паренёк. Вот тот паренёк, выходит, и есть приехавший Архипов. Слух доходил, что вышел он будто бы в большие начальники, а где - бог ведает. Вишь, устроил переполох, а что затевает, пока не понять.

Архипов оглянулся: на бывшей усадьбе Кисляковых возле вертолёта вышедшие из него мужики выставили лёгкие столы

и раскладывали, расставляли... неужели угощение? Зоркий глаз Костяхи Ветошкина разглядел издали бутылки, Костяха сразу приосанился.

Сергей Иванович Баринов тоже посматривал в сторону вертолѐта с интересом.

- Милости прошу к столу, - пригласил Архипов. - Лѐгкий завтрак по случаю нашей встречи. Пойдѐмте, пойдѐмте.

Тут обе Маруси и Валѐнка, и Капа хромая стали застенчиво отказываться, но Архипов располагаете улыбался им:

- Да полноте! Вы что, забыли? Праздник нынче - Иванов день. Как гуляли-то, Иван Алексеич! А, Иван Павлыч? Вы нынче именинники оба.

И повѐл он истопкинцев к столам; после некоторых препирательств и неловкостей определил каждому место; служащие расставили рюмки, подвинули закуски: бутерброды с колбасой, ветчина на пластмассовых тарелочках, рыба красная тоже на тарелочках нарезана ломтиками, шпроты в баночках, телятина большими кусками на широком блюде, помидоры красные, огурцы зелёные, словно только что с грядки.

Лѐтчики-вертолѐтчики, двое, тоже присоединились, и шофера, и те трое мужиков, что ушли было заняться «инвентаризацией», появились и «вестники-разведчики» - все держались меж собой по-свойски, и только с Архиповым почтительно.

- Равнение держать на меня! - распорядился Архипов и поднял бокал. - Длинного тоста произносить не буду, а просто - с праздником! Я счастлив видеть вас! Ура!

Приезжие смело брали еду с тарелок, распорядились бутылками, пошучивали, потчевали хозяев. У Маруси Дыбиной опрокинулась рюмка с вином, но галантный лѐтчик тотчас услужил ей - налил снова.

Выпили все, кроме лѐтчиков и шоферов - «Мы за рулѐм, нам нельзя!». Выпившие побряхтывали, покашливали. Корявые руки истопкинцев потянулись к бутербродам нерешительно, брали робко.

- Ну что, - говорил Архипов, уплетая ломоть черного хлеба с ветчиной. - Всё вижу, даже ничего рассказывать не надо: хреново живёте. И хоть не виноват я перед вами, а всё равно простите, может и виноват.

- Магазин далеко, - заныла хромая Капа. - Хлебушка свежего не видим.

- Сахарного песку не укупишь, - это Настя-горбунья ей в тон. - Ни печеньица к чаю, ни пряничков.

- Да и чаю-то нет! - лягнула Валёнка грубовато.

- Зуб вот надо выдрать, а врач - за двадцать километров отсюда, - вымолвил доселе молчаливый Сергей Иванович Баринов.

Кстати сказать, он некогда был председателем истопкинского колхоза, только Архипов, по-видимому, не узнал его - он всё вглядывался в Баринова, вспоминая.

- Помирать будешь - похоронить ни одна собака не прибежит, - мрачно изрекла жена Сергея Ивановича.

- А само главное - колодец обрушился, - робко сказала Настя.

- Ведро воды принести - эва какой путь на другой конец деревни идти! - это Капа подпевала.

- Ну, теперь всё будет иначе! - заявил Архипов. - И дорогу сюда проведём, и жильё построим, и магазин тут будет, и медпункт...

Истопкинцы улыбались с недоверием: слышали, мол, мы всякое, планы да программы.

- Обещалка-то у всех большая, а выполнялка-то маленькая, - опять грубовато лягнула Валёнка.

Застолица отозвалась дружным смехом.

- Что ж, посмотрим, - Архипов глянул на неё с улыбкой своей, снисходительной и одобряющей. - Нет такой крепости, которую мы не одолели бы. Верно, мужики?

На это ему жена Баринова сказала:

- Ох, не хвались, идучи на рать, а хвались, идучи с рати.

На это застолица опять отозвалась смехом.

- Ну что, начинаем, Владимир Иванович? - спросили приехавшие.

Архипов окинул взглядом крыши домов, видневшиеся тут и там из лопуховых зарослей, вздохнул и скомандовал:

- Начинайте!

Мужики пошли, одни к машинам на околице, другие к деревне.

- А мы ещё попируем, - сказал Архипов истопкинским. - Не спешите. И, пожалуйста, без церемоний. Вы дома, а не в гостях.

И стал наливать в рюмки.

- Вот это зелененькое - ликёр французский. Маруся? Валёна? Специально для вас... Из Парижа.

Тут вышли из-за кустов один за другим четверо мужиков, судя по замасленной одежде, трактористы.

- Игорь Дмитрич! - крикнул Архипов. - Прими их под своё крыло.

Тотчас к трактористам подошёл один из тех, что был только что за столом и повёл их куда-то.

- Эх, не дадут нам попить, - извиняющимся тоном сказал Архипов.

- Разгружаться где, Владимир Иванович? - крикнули от грузовиков.

- Кладите прямо посреди деревни, возле колодца, - отвечал им Архипов. - Доски и брёвна - в штабеля; кирпич можно навалом, ничего.

3.

Приехавшие мужики расторопно выкашивали заросли крапивы и иван-чая, рубили под корень могучие стволы репейника, выдирали мелкие кусты - шло наступление фронтом: от вертолётки и от той дороги, где остановились трехосные грузовики, к ближним домам. Подъехали два военных грузовика с крытым верхом, из них высыпали солдаты, а вооружены были лопатами, вилами,

косами, топорами да пилами. Они построились, выслушали команду и тоже повели наступление на Истопки. Деревня как бы лысела на глазах, как голова человека, решившего наголо остричь свою буйную шевелюру.

Местным уж было не до застолья: отправились по домам в тревоге за свои хозяйства.

Час спустя, улица стала просматриваться в обе стороны насквозь, словно просеку в лесу прорубили! Солнце уже достигало земли, и в солнечном свете обнажилось все безобразие ее: в прежние годы братья-механизаторы Кисляковы ездили тут на колесных да гусеничных тракторах, в любую распутицу, не считаясь ни с чем, - хоть вдоль дороги, хоть поперек. За лопухами-то было не видно, что они наколемесили, а теперь... дивились жители Истопок, как обезображена улица, и тому, что они, живя тут, не замечали этого.

А солдаты грузили скошенную зеленую поросль в грузовики и вывозили за деревню, сваливали в кучу, на которую, трамбуя, напозал и отступал гусеничный трактор. Там же, на окраине, горел костер, в который бросали все ненужное, что может гореть - хворост, старую льняную тресту и солому, лагунки с остатками какой-то машинной гадости, рваные резиновые шины...

Уже вдоль деревни двинулся бульдозер, выравнивая бугры и засыпая глубокие колеи да колдобины.

А по выровненной бульдозером территории расхаживал какой-то землемер в сопровождении расторопных парней; они вымеряли, сверяясь с картой, расстояния, вбивали тычки, на них укрепляли дощечки с загадочными цифрами и буквами.

- А тут что намечается? - спрашивали у них изнывающие от любопытства истопкинцы.

- Долго объяснять, - отвечали им. - Увидите... хуже не будет.

Архипов появлялся то тут, то там. К нему подходили распорядители и исполнители - трактористы, шофера, строители, солдаты... Иногда он вроде бы как раздваивался и видели его одновременно в разных местах - как-то так получалось - отдавал

краткие приказания. Он словно сражение вел, и отряды его, наступая, побеждали и на флангах, и в центре.

- Владимир Иванович, с сараем что делать будем? - спрашивал Игорь Дмитрич, самый главный из подручных Архипова. - Трухлявый уж, заваливается на один угол.

И тот останавливался перед сараем, мгновение колебался, потом говорил, вздыхая:

- Не трогайте пока. Пусть постоит, а то ничего не останется от прежних Истопок. В этом сарае, я помню, в Пасху каждый год качели устраивали, гулянье было.

Потом возвращался к покосившемуся сараю.

- Снесите его, - говорил он. - Чего тут! Прежнего не вернешь.

И рабочие подгоняли к сараю трактор, цепляли тросом за угол, и жалкое строение это оседало, расплзлось.

Тут подходила Капа хромая или Настя горбатенькая.

- А бревна-то, куда их? - спрашивали робко.

- Лейтенант! - кричал Архипов военным. - Пришлите-ка сюда четверых или шестерых - пусть бревна распилят, расколуют: вот этой милой женщине дрова нужны.

И участь сарая была окончательно решена.

- Владимир Иванович, - спрашивали у него, - за теми ветлами какой-то чугунный механизм в землю врос. Как он там оказался-то? И для какой цели нужен был?

- А это был конный привод к молотилке, - живо объяснил Архипов. - От большого зубчатого колеса четыре бревна в стороны, к ним припрягались четыре лошадки друг за другом. На колесе этом погоняющий стоял с кнутом. Однажды поставили парнишку, а он ногой в зубцы попал... Как же его звали? Без ноги остался... Эх!

Железо ржавое стаскивали в общую кучу: плуги, культиваторы, бороны, остатки тракторной косилки да конные грабли, барабаны веялок, бункера сеялок...

- Лейтенант, - опять говорил Архипов офицеру, - скажи своим, пусть эти две ветлы повалят. Ишь, старые, уродливые... А

у нас тут строение намечено. Деревьев мы молодых посадим по осени.

- А куда их, эти ветлы? - спрашивала появившаяся Валёна. - Разве не на дрова?

- Что за дрова из них! Мы тебе хороших привезем.

- Не пропадать же добру... эва какая ветла-то! Из нее дров будет много.

- Лейтенант! Пусть ребята твои распилят...

И был при этом печален Архипов, словно не с деревьями расставался, а с близкими людьми.

Широкий и до живописного безобразия заросший Фролов пруд казался бездонной прорвой. К нему подступились с разных сторон бульдозер, экскаватор, на грузовике привезли насос - откачивать воду. Перед началом работы мужики остановились покурить на берегу.

- Небось, рыба в нём есть, - сказал один.

- Караси были, - отозвался Архипов. - Я их голыми руками ловил: воду намутить - они, очумелые, тебе в ноги торкаются. Верите ли, вот поднимешь куст, который над водой, и лапашь руками по илу - обязательно карасишко попадётся!

- Если в сметане пожарить - хорошо, - сказал бульдозерист.

- Да под водочку, - добавил экскаваторщик.

- Ладно-ладно, детки, дайте только срок, - это уже Архипов им.

Ковш экскаватора опустил в воду и уперся в дно - неглубоко; зачерпнул чёрный ил, вынес наверх. И снова опустил, вгрызаясь уже в берег. Архипов следил за его работой опять с состраданием, неведомо почему.

- Ничего, - сказал он, словно утешая сам себя. - Ничего.

Мужики, обступившие пруд, расчищали берега: вырубали кусты.

- Вот те ветлы не трогайте, - распорядился Архипов. - Мы под ними беседку сделаем... или качели для ребятни.

Экскаватор прорыл перемычку, и стоялая вода тронулась в

низинку, где ручей, неся на поверхности зеленую ряску. Скоро стали проступать черные бугры со дна, осока у берегов клонилась в разные стороны, тут и там шлепали по илу озадаченные лягушки. Безобразное ложе пруда обнажалось, в ямах тут и там шевелилось что-то.

Бульдозерист выпрыгнул из кабины, полез в прудовую грязь - карасей ловить. Не выдержал и Архипов – разулся, закатал штанины. . .

- Ноги порежешь, Владимир Иванович! - крикнули ему. - Там, небось, стекло да железо ржавое.

- Ничего, - Архипов азартно сопел, хватал карасей правой рукой, а в левой держал полиэтиленовый пакет.

Улов был немалый - не уместился бы и в ведерке. Карасей унесли куда-то с распоряжением зажарить непременно в сметане.

Экскаватор черпал и черпал донную грязь, и бульдозер делал свое дело: выравнивал берега, обваловывал их, срезал нараставшую возле экскаватора иловую гору.

Архипова тут уже не было. Он шел по деревне широкими шагами, отдавал распоряжение направо и налево.

- Владимир Иванович, что с колодцами?

- Крайние засыпать, а вот этот, средний, оставить - будем чистить и делать к нему новый сруб.

- Да зачем его? Скважину пробьем, водопровод будет.

- Делай, что говорят.

- Есть.

Про кирпичные столбы на околице Архипов даже спрашивать не стал, что тут было. Он примерялся к столбам и кое-какие соображения высказал вслух:

- Конюшня тут будет, лошадок заведем. Не знаю зачем - но заведем. Хотя бы для красоты, как цветы.

Сравнение понравилось тем, кто слышал, - улыбались.

Огромные камни-валуны Архипов распорядился с ближнего поля передвинуть к деревне, но сделать это бережно, чтоб не расколоть. Он даже посидел минутку на одном из этих камней, охло-

пывая его ладонями, чему-то улыбаясь, потом пояснил рабочим, на каком именно боку каждый из камней должен лежать, когда перекачат на новое место.

Его заботили нежилые дома, а таковых в Истопках оказа-лось четыре. Без разрешения к ним не подступишься, а вид их огорчил Архипова. Одного из парней он послал в Троицкое - там какая-то администрация, есть телефон - наводит справки о хозяевах «нежилого фонда», но два адреса уже были известны, и второй парень умчался в город разыскивать по этим адресам.

4.

- Ну что, - обратился Архипов к истопкинцам, которые собрались возле дома Ивана Дыбина, - садитесь в вертолет, прокатитесь. Леша, - сказал он летчику, - сделай кружок-другой над деревней.

Иваны к вертолету двинулись нерешительно, а обе Маруси и вовсе забоялись:

- Нет, мы не пойдем.

- Да чего вы! - осудила их Валёна и зашагала следом за Иванами.

Маруся - за нею, и даже Настя-горбунья, поколебавшись, тоже пошла. А Капа хромая ни в какую садиться в вертолет не захотела.

- Мужики! - сказал Архипов. - Ну-ка, посадите женщину.

Двое летчиков со смехом подняли Капу на руки, та отчаянно завопила, но они бесцеремонно посадили ее к дверце.

- Чего ты! - это ей Валёна уже в вертолете. - Бери от этой жизни все, что можешь!

И так она это лихо сказала, что лётчики засмеялись.

Поднявшись в небо, истопкинцы увидели очень широко всю окрестность, и была она прекрасна: поля, перелески, река в отдалении, лента большой дороги с нею наперехлёт. А сама деревня Истопки была на этой милой сердцу картине безобразным

пятном, по которому ползали, как мухи, трактора, два бульдозера, автомашины. Чтоб не сравнивать с чем похуже - деревня была муравейником, посреди которого как раз на расчищенной деревенской улице стоял главный распорядительный муравей - Архипов.

Затосковали, смутились жители Истопок: стремительные перемены сулили им, вроде бы, бодрое будущее, но души их смятились. Беспокойно было.

Архипов же шагал по улице, поглядывая на небо, на вертолет - он улыбался. Однако дома, раньше прятавшиеся в лопухах, стояли так сиротливо, что улыбка тотчас исчезала с его лица. Все неприглядное: печины, старая дорога, ямы, пятна солярки, безобразия домов - раньше прикрытое зарослями, теперь бесстыже выставлено напоказ. Дома эти - как голые люди в предбаннике...

Утешительным было лишь то, что и тут и там шла работа:

с автомашин сгружали бревна и тёс, трубы водопроводные, шифер, кирпич...

солдаты распиливали бревна сарая сразу в четыре пилы, и кололи, и носили к дому Капы хромой, складывали в аккуратную поленницу...

механический насос, похлюпывая, перекачивал остатки грязной воды из пруда в ручей...

ковш экскаватора черпал донную грязь, удивляя присутствующих неожиданными находками - то лапоть из бересты, совершенно изношенный, но как будто вчера с ноги снятый; то ведро без дужки, то чугунок без дна, то опорок, совершенно почерневший, то тележное колесо при двух-трёх спицах и лишь половиной обода - пруд уже обретал прямоугольные очертания; берега его выравнивались; ветлы, выросшие тут, были теперь словно только что посаженные...

Недалеко от пруда бульдозер сгребал грунт, делая дорожную насыпь, - здесь на обочине обнаружилось вдруг обширное пятно - угли, зола, ржавчина...

Пришедший Архипов объяснил:

- Кузница тут была. Я её помню... Она несколько раз горела и, наконец, сгорела дотла - это уже в конце сороковых. Гвозди ковали, скобы, дверные петли, лемеха оттягивали, лошадей подковывали...

С вертолёта было видно: дорога мимо Фролова пруда через ручей, потом полем, потом краем лесочка под названием Яменик тянулась к шоссе и прирастала к нему, как главному стволу, возле Скурлатова, и теперь-то ясно было, что неведомая живая энергия будет подпитывать Истопки непрерывно, и не заглохнет деревенька.

Потрясённые тем, что увидели, спустились земляки Архипова с небес - их покачивало, и все были в «тронутом» состоянии.

К вечеру вертолёт с Архиповым улетел, а военные поставили несколько палаток, устроили ужин под открытым небом и для себя, и для тех рабочих, что остались с ними ночевать.

На закате в Истопках установилась, наконец, тишина, и была она так хороша, что сожаление опять проснулось в душах здешних жителей: уж не зря ли затевается тут всё. Ведь жили-поживали... хоть и незavidно, однако мирно-то как! Не лучше ли было б прежним манером доживать век, а потом пусть приезжают хоть Архипов, хоть чёрт с рогами и творят, что хотят.

Мычали во дворе корова Дыбиных, мычала корова Капы хромой, и Валёнкина им отвечала... Скотина в деревне переживала те же сожаления да сомнения, что и люди.

Но в военных палатках играла музыка, то и дело слышался взрывной смех, и это придавало бодрость печальному вечеру. Кто-то из солдат очень славно брэнчал на гитаре и пел:

В этой деревне огни не погашены,
Ты мне тоску не пророчь.
Дивными звездами дивно украшена
Тихая летняя ночь.

А что до коростелиного скрипа да комариного писка, то и скрип, и писк имелись в наличии, как и прежде.

Рано утром зарывали трактора, взревел экскаватор, трону-

лись самосвалы... опять пошла работа! Архипова не было, а распоряжался всем Игорь Дмитрич. Он был столь же решителен и деловит, как и Архипов, но не грустил и не печалился, и не терял времени зря - просто делал дело.

Опять с прибывающих грузовиков сгружались бревна, доски, а приехавшие откуда-то плотники уже стучали топорами.

Вдоль всей деревни солдаты рыли траншею под водопровод, веточки от нее - к каждому дому.

Напротив избы Ивана Каморина экскаватор вырыл небольшой котлован, с самосвала солдаты сгружали кирпич.

- Что тут будет? - спрашивал Иван.

- Блиндаж, - отвечали ему со смехом. - Зенитная батарея...

Пункт управления ракетным комплексом.

Но Иван видел: это для погреба и фундамента будущего дома. Но кому? Кто тут будет жить? Уж рабочие пришли, делали раствор...

- А это что за кирпич? - спрашивал Иван.

- Огнеупорный, - объяснили ему. - Дом построим - печку будем класть.

Иван соображал: «У меня боров трубы совсем развалился... Попросить разве что? Мне и надо-то десятка два этих кирпичей».

По обеим сторонам дома Ивана Дыбина тоже сгружали бревна, доски, шифер... цемент в мешках, готовые наличники... ящики неведомо с чем.

То же самое творилось и возле Валенки, и Капы хромой...

Архипов появился в середине дня - не на вертолете прибыл, на вездеходе. Он прошел по деревне, приговаривая:

- Так-так, все путём... Молодец Игорь Дмитрич! Я для тебя сигарет привез, самых лучших... Савостин! Ты опять мазут пил? Ишь, черный, как арап... Здравствуй, лейтенант! Хорошо твои ребята работают!

- Служу России! - отозвался лейтенант.

Баринов помогал солдатам рыть канаву, но Архипов ему:

- Не мельтеши, Сергей Иванович. Или ты мало заступом орудовал? Твои траншеи да окопы, небось, от Харькова до Вены, так?

Баринов уточнил: от Курска до Карпат, дальше шел маршем.

- Павлыч! - окликнул Архипов Ивана Дыбина. - Я тебе новые очки привез. Ну-ка, примерь... Ну вот, теперь ты сразу стал похож на президента страховой компании или пресс-атташе посольства... Отплатишь потом крыжовничком мохнатеньким, когда поспеет. У тебя в огороде, я помню, был.

Ветошкин присоединился было к плотникам с топором, и опять Архипов:

- Да ладно тебе, Константин, не суетись. Ребята сделают.

И «ребята», действительно, «делали»: все совершалось, как по волшебству. Наверно, никогда ни в одной деревне по всей России не работало столько строителей одновременно, как теперь в Истопках.

На исходе второго дня тишина воцарилась снова. Разом замолчали моторы и стал слышен дальний коростелиный скрип, и мирные переговоры грачей над звездами. Опять солдаты варили ужин, приходили к ручью помыться. У их палаток тот же голос пел под гитару, что в этой деревне огни не погашены...

Скромная девушка мне улыбается,
Сам я улыбочив и рад,
Трудное, трудное - все забывается,
Светлые звезды горят.

Строителей привозили откуда-то в военном грузовике с крытым верхом; приехав, они тотчас принимались за дело.

- И где набрали столько работающих мужиков? - вслух дивилась Валентина. - Водку не пьют, перекуров не устраивают...

Очищенный пруд заполнился водой из ручья; пока что вода была желта от глины - ну, ничего, отстоится потом, и опять поселятся в нем караси. Плотники соорудили тут мостки - белье полоскать; так распорядился Архипов. Между прочим, мостки не-

простые - с лавочкой, на которую можно присесть или поставить таз с бельем.

Экскаватор перебрался уже к другому пруду, ниже по ручью. Никто не знал, с какой целью Архипов приказал чистить все водоемы возле деревни. Но можно быть уверенным, что раз он так распорядился, значит, имеет на них какие-то виды.

Теперь уже было ясно, что в Истопках строят сразу восемь домов. И ещё восемь намечены к стройке. И ещё что-то обозначено вёшками.

И уж выкладывали тропинки асфальтовой праздничной плиткой вдоль красного да черного посадов, к каждому крыльцу...

На окраине деревни пробурили скважину, от которой тянули по траншее трубы водопровода.

И как всё ладно получалось - ещё дома не подведены под крышу, а уж в будущих кухнях привинчивают к водопроводным трубам краны...

Солдатики крушили старенькие изгороди, вместо них ставили новые столбы, а между ними протягивали жерди, к жердям ровненько приколачивали рейки высотой в человеческий рост. Не успели оглянуться - уж преобразились огороды Ивана Дыбина, Валёнки, Капы хромой...

Архипов появлялся каждый день. Он приходил к Ивану Каморину, спрашивал:

- Ну что, четвероуродный, в своём доме будешь жить или в новый перейдёшь?

Иван отвечал решительно:

- В своём.

- Да ему же в обед сто лет будет! У него ж вот этот угол прогнил, смотри: нижние брёвна повыкрошились - подрубать надо! А старое переделывать - легче заново построить! Переходи в новый дом.

Иван размышлял: как раз напротив встал коттедж под шиферной крышей, с верандой и крылечком. Каморин стал сдаваться:

- Да что ж... Если позволишь поселиться вот в этом...

- Позволю, - сказал Архипов, как о деле решенном.

Тем же порядком он разговаривал и с Дыбиным, и с Валёнкой, и с Капой хромой... При этом спрашивал у них, кто из родни да знакомых где живёт и не тяготится ли тамошней жизнью. Велел написать письма, чтоб приехали посмотреть на новые Истопки – может, вернуться бывшие жители Истопок. И записал адреса, намереваясь послать деловые предложения: о будущей конеферме, о рыбопроизводных прудах, об участках бросовой земли...

- Скажите им: кто хочет заниматься землёй - будет заниматься. Кто хочет скотину держать - будет держать. Сад посадим, пасеку разведём... Если понадобится, мастерскую откроем, чтоб никто без работы не тяготился. Магазин тут будет, медпункт...

Игорь Дмитриевич показывал истопкинцам чертежи, на которых изображён славненький, затейливый магазин в окружении деревьев - маленький, конечно, так себе - лавчонка, да куда его, большой-то! Были на тех чертежах и баньки, и медпункт, и крытый павильончик для общих посиделок...

Однажды Архипов остался ночевать. Приглашали его к себе и Иван Дыбин, и Иван Каморин, и даже угрюмый Сергей Иванович Барин, но Архипов остался у палаток. Вечером при звёздах собрались тут все: и солдаты, и рабочие-строители, и плотники, и коренные истопкинцы.

Архипов хоть и не в центре сидел, но главная роль была его.

- Вот вы видели, как лед на реке настилается? Видели? - спрашивал он. - Если в тихую погоду ударит морозец - от бережка, от травинки какой-нибудь, от щепки стрелочки льда во все стороны пойдут... Но обязательно от чего-то, а не просто само по себе. Без этого не будет льда при любом морозе! Коли не за что зацепиться первому кристаллу - не пойдет кристаллизация! Вы поняли?

А поскольку его не все поняли, то он объяснил:

- Первый кристаллик - от травинки, от соринки, от бережка. К нему другой, третий... И в итоге - крепкий лед на воде. Так и

по России. Вот отстроим одну деревеньку, от нее дороги во все стороны, потом примемся за Скурлатово, за Троицкое, за Вески... Так и пойдет, пойдет...

- Да откуда ж столько средств взять? - робко спрашивали у него.

- Деньги валяются у нас под ногами, - сказал Архипов. - Мы ленимся нагибаться, подбирать их.

- Где же ленимся? - возражали ему Иван Каморин с Иваном Дыбиным. - На хлеб не хватает. Ты подскажи, Владимир Иванович, где те деньги валяются, мы сходим, поднимем.

- Да ты и сейчас на деньгах сидишь, Иван Алексеич. Подними задницу-то - под ней сотенная.

Иван Алексеич поднялся - верно, сотенная лежала под ним. Это рассмешило всех, а Каморин даже растерялся.

- Вот так, - сказал Архипов. - Вы только оглянитесь вокруг - сколько запущенной, брошенной земли. Ведь тут огороды были, они удобрялись из года в год триста лет. Думаете, отчего лопух такой лезет? С того, что земля плодородна, унавожена. Тут посади ананасы с бананами - вырастут! Грех великий запускать эту землю - она родить должна и не сорняки, а полезное для человека!

- У нас сил нет обрабатывать эту землю, - вздыхали два Ивана, две Маруси, Валенка и Капа.

- Да не о вас речь, - согласился Архипов. - Тут надо кого помоложе. Главное - стронуть с места, с мертвой точки, и пойдет, пойдет... Земля наша велика и обильна, но порядку в ней нет.

Ему поддакивали: верно, нет порядку.

- Архипов, мы тебя в президенты двинем, - сказали сидевшие вокруг огня мужики-строители.

Каморин с Дыбиным и Баринов тоже поддакнули:

- Ну да... двинем.

- Раньше тут по деревням горшки делали, - увлеченно говорил Архипов, не обращая внимания, что его уже определили на столь высокий пост. - Валенки валяли, железо ковали, дуги гнули,

пряли-ткали. Вон там кирпичный заводик стоял - это когда церковь в Троицком строили... Земля наша велика и обильна, - повторил он, как в забытьи. - Главное: начать. А там пойдет!

Хорошо было под звездами в этот вечер. Очень хорошо.

5.

Эх, слабый стал Архипов... мог расплакаться по какому-нибудь поводу, а это ли красит мужика! Не слезлив, нет - просто мог заплакать, вот какое дело.

И теперь сидел он в собственной машине, утонувшей в заболоченном ручье по самую дверцу, и плакал. То есть, не то, чтобы рыдал, но - слезы вытирал: над ним было звездное небо, и вокруг - тишина. Не простая тишина, а отстоявшаяся за долгое время, словно чистая водица в святом озере - то была тишина его родины.

Он не смог доехать до Истопок. Давеча днем на радостях, что уже видит свою деревню, опрометчиво ринулся напрямик через эту низинку под названием Яменник и увяз... Намертво увяз, будто врос в землю! И сидеть ему тут теперь неведомо сколько, потому что без трактора не обойтись, а те, видно, уж не ездят по этой дороге. Во всяком случае за весь нынешний день не проехал ни один.

И вот, увязнув давеча, он нетерпеливо вылез из машины и отправился в Истопки пешком - тут и всего-то поле перейти. Деревня, в которой он не был сто лет, поразила его тишиной и лопухами. Все оказалось одичалым настолько, что и не узнать ничего: ни домов, ни колодцев, ни пруда, ни дороги.

Улица деревенская была когда-то нещадно изуродована тракторами, теперь по этим колеям густо росла трава запустения - лопухи да иван-чай вымахали выше человеческого роста, а вишенник да черемушник с тополиной молодью образовали непроходимые заросли, не продерешься сквозь них. Не деревня - лес дремучий. Один из колодцев обрушился... Столбы электро-

передачи удаляются от Истопок, словно калики перехожие, хро-
мые да больные.

Архипов хранил в памяти совсем другую деревню: два по-
рядка домов - красный посад и черный посад - хоть были на неко-
торых соломенные крыши, но почти перед каждым домом пали-
садничек с цветами; и лопух с крапивой не вольничали, вели себя
скромно, знали своё место - где-нибудь под изгородью, за двором
или сараем; тропинки вдоль посадов были так утоптаны - словно
выглажены, и луговины перед домами разметались к Троицыну
дню, к Иванову дню, и к престольному истопкинскому праздни-
ку Преображению. Огороды возделывались, усадьбы выкашива-
лись, даже осоку в ручье косили, и она в дело шла.

Так было. И вот что стало.

Архипов долго лазил по зарослям, пытаясь найти место, на
котором стоял когда-то родной его дом, и не смог определить с
необходимой точностью. Не нашел!

Никто не узнал Архипова в Истопках - ни Иван Дыбин, ни
Иван Каморин, ни Костяха Ветошкин, ни Баринев Сергей Иванович
- хотя с каждым из них он поздоровался. Ему отвечали, как чужо-
му, никто не вступил с ним в разговор - отворачивались, занятые
своими делами или бездельем.

На склоне дня вернулся Архипов к своей брошенной маши-
не, решив в ней переночевать. Он напился чаю из термоса и долго
сидел, отдав себя во власть печальных мыслей, которые и довели
его до слез.

И как было не печалиться! Уж очень тихо вокруг. Куличок за-
унывно кричал... Закат сулил на завтра пасмурный день.

Место это называется Яменник. Тут ямы да холмы, словно
чёрт наворочал, и всё заросло брединой, березками, корявыми
ёлочками, которые никак не хотят расти - точно такими же были
они и три десятка лет назад. В водополицу широкий поток под-
минает кусты, а летом, вот теперь, только болотины тут и там, да
таволга выше человеческого роста, да черные шишки рогоза над
ямами, да перекличка дроздов и зябликов... и тишина.

Ему пришло в голову, что может быть и в этом Яменнике была когда-то деревня... избы, сараи, огороды, сады. И вот в результате каких-то социальных потрясений опустилась она в забвение, заросла кустами да дикой травой, а птичьи голоса, что он ныне слышит, - это голоса живших здесь людей, смысла же их речей никому, увы, не понять.

Конечно, ему приснилось в эту ночь, что опять он отправился в Истопки и на подходе к деревне услышал напевный звон пилы, бодрый перестук топоров, рычание моторов. Оглянулся - от деревни Скурлатово на дороге уже положен асфальт. И заасфальтирована объездная дорога вокруг Истопок, и та, что идёт деревенской улицей, разделяя красный и черный посадки, а тропинки тут выложены цветной плиткой. Огороды ровненько обнесены изгородями, крыши новых домов крыты оцинкованным железом или шифером, над каждой крышей вознесена телевизионная антенна. И уж магазин готов, дверь его гостеприимно открыта - значит, работает. И в окошке медпункта видна голова женщины в белой шапочке.

Всё радовало спящего Архипова: дома и палисадники перед ними, наличники весело покрашенные, занавесочки и гераньки в окнах, скворечники на берёзах...

А на крыльце новенького дома сидел Иван Каморин и курил. Архипов направился к нему в желании услышать слова весёлые, но Иван был хмур и чем-то явно недоволен.

- Спать плохо, - пожаловался он. - Не могу заснуть в этой хоромине! Пахнет черт-те чем - краской, замазкой, линолеумом... не изба, а казённый дом. Потрескивает, как нежилой, - сохнет, что ли? Или усадку даёт? Ночью лежишь - не слышно, чтоб мышь пискнула.

- Мышь заведётся, - заверил Архипов. - Это дело наживное. Тут вышла на крыльцо Маруся, жена Ивана.

- Домового надо нам, Володя. Без него нежило у нас. Я уж на ночь мисочку с молоком ставлю в сенях и хлеба кладу ломоток: дедушко домовой, не обходи стороной...

«Где ж я им домового достану? Это ведь не кирпич и не кровельное железо», - беспокожно ворочался Архипов в своей машине, снова засыпал, и опять оказывался в Истопках.

Горбатая старушка Настя встретила его и удивила тем, что шагала не по асфальтовой дорожке, выложенной такой нарядной - красной! - плиткой, а рядом с нею, по траве. Архипов подумал, что она слаба глазами, и подсказал: вот, мол, тропинка-то. На что Настя отвечала:

- Дак я на ней все пятки отбила! Тут-то я ступаю по мяконькому, а там - только голова трясётся.

Это озадачило Архипова настолько, что он едва не проснулся окончательно, после чего сон отлетел бы вовсе прочь.

На ногах горбуни были валенки с калошами - любимая обувка в деревне Истопки.

- Все колоши изорвёшь, - добавила Настя в сердцах и пошла прочь от него, шурша молоденькими лопушками. - То ли дело мяконька земляца... сама тебя несёт...

Костяха Ветошкин появился перед Архиповым и тоже был смур:

- Баба у меня животом мается: поела колбаски из нашего магазина. Колбаса-то, Иваныч, заграничная, немецкая - уж больно красива: отрезаешь ломочек - а она красненькая, сальце нарезано ровненько, на ломоть хлеба положишь - то ли любоваться, то ли есть ее. Я-то ничего, у меня брюхо стойкое, побурчало да и утихло, а баба моя совсем с копыт долой. Надо бы в город ехать, анализы сдать, а она и слышать не хочет: уморят меня там, говорит.

И уж отходя от Архипова, обернулся Костяха:

- Вот верно говорят: что немцу полезно, то русскому смерть.

«Кто там торгует в этом магазине? - ворочался Архипов среди ночи на сиденье автомашины своей. - Откуда товары привозят?».

Валенка приснилась ему - она поднималась от Фролова пруда с тазом, полным белья.

- Что только ты, Володька, с нашим прудом сотворил! - сказала она Архипову тоном укоризны и без всякого почтения. - Уж сделал бы его кругленьким - нет, зачем-то углами, углами... Разве это пруд! Это же бассейн... И вода стала желтая - в ней ни карась, ни лягушка не живут. Мертвая вода!

- Отстоится, - оправдывался Архипов.

- А ить какой пруд-то был красивый! - не унималась Валенка.
- Подойдешь, бывало: ряска зелененькая, две кувшинки цвели - сердце радуется! Даже цапля прилетала, вот-те крест. А теперь разве прилетит? Да не в жисть!

Ее отнесло как бы ветерком, но принесло Капу хромую.

- Владимир Иваныч, - стала жаловаться уже Капа, - куда же теперь моим курам гулять ходить? Тут асфальт, там асфальт... Они у меня нестись почти перестали. Бывало, то и дело кудахчут, а теперь на десять куриц по одному яичку в день. Мыслимо ли! Раньше-то как замечу, что мало несутся, - загляну в лопухи, а там гнездо новое полно яиц: штук четырнадцать-шестнадцать! А то иной раз приведет из лопухов курочка целый выводок цыплят...

Сергей Иваныч Баринов осудил откуда-то:

- Теперь дачники понаедут к нам. Житья не будет...

- Раньше-то мы жили - не тужили, - добавила его жена. - Хоть бедно, а покойно.

И опять Валёнкин голос:

- Что только ты с нашей деревней натворил, Володька...

Проснулся Архипов - раннее утро в Яменнике. Солнышко пригревает; две синички прыгают по капоту его автомашины; мухи брунжат, греясь на боковом стекле. Где-то внизу, словно под сиденьем, так славно, слабенько журчит ручей.

Впереди под легкими утренними облачками виднелась деревня Истопки - крыши домов утопали в зелени... а зелень эта - лопухи да крапива, ветлы да тополя, и всё растет вольно.

1995 г.

ОЗЕРО

Рассказ

Оно было не то, чтобы большое, и не то, чтобы маленькое. В тихую погоду его можно переплыть саженками, только надо, конечно, передохнуть на срединном островке. А если поднимется ветер - ого! - волна качает берега. Это Семён Размахаяев любил так говорить: «Волна качает берега».

Дом его в деревне Архиполовке к озеру самый крайний; стоит, правда, немного бочком, а смотрит, смотрит неотрывно всеми тремя фасадными окнами на озеро; смотрит, словно завороченный: таков уж облик у этого дома, таково уж у него выражение на лице.

В палисаднике перед домом время от времени вырастали кусты сирени, но как дотянутся они до подоконников, Семён непременно вырубит их - чтоб не закрывали вида. А посидеть у окна, глядя на озеро, - для него первое дело.

Вообще-то мужик он мастеровой и даже работающий; возьмется - не унять. Но временами, не всегда, а то все больше размышляет, чем делает. То есть время от времени на него словно остолбешение находит, и тогда валится всё из рук; он думает углубленно и сосредоточенно, и в эту пору ничем уж заниматься не может. А так-то он и плотничать, и столярничать, и печку сложить, и даже, взявшись однажды, колодец соорудил. Один, без посторонней помощи. Долго, правда, он с ним возился, но и выкопал, и сруб сделал, и теремок над срубом поставил, и даже красочкой затей-

ливо расписал - все честь честью. Одна загвоздка: зимой уходит из этого колодца вода. На сухом, значит, месте вырыл Размахай свой колодец. Вот до февраля она черпается нормально, как и в других колодцах, а потом однажды ведро брякает на промерзшее дно: нету воды, ушла. Словно заговоренная.

Семён колодец свой копал как раз в январе-феврале. Он вглубь - и вода вглубь, всё дальше и дальше. Над ним смеялись:

- Ты, Семён, до Америки этак докопаешься: земля-то круглая! Вылезешь там, а они тебя изловят, как шпиона, и не оправдаешься.

Глубокий колодец вырыл он, и когда закончил работу, вода вернулась. Она пришла в марте, под капель, и не верховая, талая, а низовая, глубинная вода, настоящая колодезная.

Что его колодец посреди зимы пересыхал, Семёна Размахаева не смущало:

- А что ж вы хотите! Вам бы воду круглый год? А у меня не водопровод.

Он всегда выражался этак кругловато, по крайней мере ему нравилось выражаться так, и он старался. Скажет, словно из какой-то книжки слова вынет, складненькие, и в каждом вроде бы как на два-три «о» лишних. За эту же округлость любил Семён и слово «озеро».

- А потому «озеро», - говорил он поучительным тоном, - что обзор большой, обозревать окрестность можно далеко, и зори в нем отстаиваются. О-зе-ро! - произносил он торжественно и ружкой поводил и взором. - О-зе-ро...

Семён был зачарован озером, и смотреть на этот водный простор мог часами, даже не моргая.

Пошлёт его жена за водой, он забредет по колено и стоит, будто пораженный громом. Или нагнется и следит, как перекатываются по дну песчинки, образуя песчаную рябь, и как торопится по этой подводной пустыне рак или жук, как играют у ног мальки...

- Опять остолбенел! - говорила жена, в сокрушении сердца

хлопая себя по бёдрам, и кричала так, что звуки «о» выкатывались, как тележные колеса, грозно гроыхая: - Очнись, нетопырь!

Она была ругательница, жена Семёна, и шибко притесняла его. Притесняла до тех пор, пока не спуталась с заезжим шофером, присланным на уборочную страду с шефами из города; после такого «шефства» Семёнова жена забеременела и укатила с глаз долой к брату в Соликамск... или в Солигалич?.. Хотя муж её не прогонял да и вообще не попрекал случившимся. Однако же и держать не стал: уехала - и забыл. Похаживала теперь к нему из соседней деревни дальняя родственница Маня Филиппова... Она приходила редко и прежде всего топила у него печь, варила щей ведёрный чугунок, а с собой приносила квашеной капусты, огурцов и редьки. Накормив мужика и обстирав его, Маня исчезала так же незаметно, как и появлялась.

Когда кончалась Манина еда, Семён переходил на свою обычную: варил овсяный кисель. Замочит с утра стакана четыре овсяных хлопьев, в обед разомнет месиво руками, сцедит молочно-белую жидкость - и на огонь.

- Что варишь, Семён?

- Клейстер.

Варить долго не надо: как только начнет киселёк убираться в серёточку, этакой воронкой, ну и готов. Разольет его по тарелкам и ест в горячем и холодном виде с черным хлебом, щедро посыпая солью: «Овсяный кисель соль любит!» - и поливая подсолнечным маслом или запивая мо-локом.

Кисель утром, кисель в обед, кисель вечером...

- Еда богатырей, ешь поскорей, - скажет Семён, если кому-то вздумается подтрунить над ним. - Они мясо не ели, потому и силы имели.

Сам он был не богатырь, но хорошего роста; правда, немного сутуловат, не бравый, к тому же шибко беззубый и потому выглядевший старше лет этак на десять-пятнадцать; однако шапку зимой и кепочку летом носил, фасонисто сдвинув на ухо, отчего вид имел довольно лихой, франтоватый. Ничем он никогда

не болел, вот только остолбеневал время от времени. Ну, мало ли у кого чего бывает!

В марте или апреле Семён являлся в правление колхоза и «подряжался в пастухи».

- Не стыдно? - бурчал председатель Витька Сверкалов, с которым некогда Сеня Размахаяев сидел на одной парте.

- А тебе что за дело?

- Да ты ж у нас и тракторист, и комбайнер! Не мы ли тебя учиться посылали? Механизаторов не хватает, а ты...

Семён нахально посылал председателя «к едрёной бабушке», и если тот «поднимал хвост», то Размахай выражался покруче. Они бы сошлись и на кулаках, как в дни былые, но Витьке драться теперь должность не позволяла да и живот вон какой отрастил. Случись драка, Семён его отметелил бы, это уж точно.

Но они, надо сказать, не очень злобились друг на друга, и поскольку пастухов в колхозе тоже не хватало, то Семён легко добивался своего.

Стадо он выгонял со дворов раньше всех. Ещё, бывало, снег не весь сошел, а Размахай уж хлопает кнутом: «А ну выходи на вольный воздух! Будет вам и гулянка, и отдых!»

Изо дня в день с апреля по октябрь выгонял он коров навстречу солнышку, и как оно неторопко поспешало по небу, так и пастух неспешно двигался со своим стадом вокруг озера. Сам он пасся на берегу, редко заходя со стороны поля: сядет под куст, спустив босые ноги к воде, и смотрит, смотрит...

При такой пастьбе он непременно ближние поля потравит, и за лето раза два председатель Сверкалов пастуха Размахаяева оштрафует. Но на провинившегося это не производило должного впечатления, то есть ему, конечно, досадно было, он даже выражался по поводу председателя, однако поведения своего не менял, пас по-прежнему, поскольку отойти от озера просто не мог. Тут и рыбку ловил, и купался, и толковал сам с собой... и столбенел. Семён был привязан к озеру невидимыми нитями и предан ему душой и телом, и разрубить эти узы в его ли власти?

- Ты что пасешь? - ругал его председатель. - Озеро или коров?

И хоть председатель бывал в крайнем гневе, ругань его очень нравилась пастуху. В самом деле, кого он пасет? Не рыбы ли стада? Не побережных ли птиц? Не водоплавающую ли мелкую живность?.. А вон вылезает из собственной кожи стрекоза; вон окуни окружают стайку серебристых мальков; вон гусеница поедает лист...

- Погоди, мы твое озеро осушим! - грозился Сверкалов.

- Не осушишь, в поджилках тонок.

- Я его уже в план осушения внес, - дразнил Сверкалов.

- А я тебе говорю: не осушишь, - твердил Размахай. - Это тебе не болото, это озеро.

В деревне своего пастуха чтили, несмотря на его преступления перед колхозом. Однако и побаивались немного, то есть не то чтобы страх чувствовали перед ним, а этак сторонились, опасались, что ли. Отчуждение людей, как сам Семён понимал, происходило оттого, что он-то знал нечто такое, чего они не знали. И знаючи, поглядывал на них со снисходительной жалостью и даже свысока, а они сознавали это, потому и оказался он на особицу.

А не знали они вот чего...

Каждый год перед первыми крепкими морозами озеро затихало и некоторое время, день или ночь лежало неподвижное, умиротворенное, как бы покорное судьбе. И вот тут поверхность его схватывало ледком, прозрачным и тонким, как оконное стекло. Еще один морозный день или морозная ночь - лед становился с половицу толщиной и от молодости своей очень напряженным; чуть топнешь ногой у берега - тотчас прострелит трещина от края до края, точь-в-точь, как молния в грозовой туче; а уж гулять можно по озеру без опаски: лед, как молодой хрящик, не ставший каменно твердой костью, но достаточно прочный; еще немного и можно даже за хворостом съездить на лошадке; держит уверенно, хоть и пугает оглушительными выстрелами. Потом и вовсе

замрет, как бетонный монолит, - тут хоть трактор по нему пускай.

И вот далее наступало то, что знал Семён и чего не знали другие: однажды в декабре, под самый Новый год, из озера начинала уходить вода. Она уходила не вся, а словно отступала на шаг или на этаж вниз, после чего и останавливалась, замирала; а первый лед не успевал осесть, оставался сам по себе, держался самостоятельно. Морозный воздух проникал под него и на каком-то расстоянии от первого на озерной поверхности за неделю или две намерзал следующий слой льда, такой же крепкий. По нему тоже простреливали трещины, перехлестывая одна другую, но потом и он затихал.

И вот тут наступало время Семёна.

В густом ивняке у берега он спускался к озеру, пробивал во льду широкий лаз, садился на корточки и, как курица, склонив голову набок, заглядывал под его верхний слой. Озерная пустота дышала морозом, инеем, льдом. Жутковато немного было, но озеро манило и втягивало - Семён, повинувшись властному зову, ложился и осторожно вползал в пустое пространство между ледяными настилами.

Нижний слой был зеркально отполирован и очень скользок. Толстые прозрачные сосульки свисали с верхнего слоя к нижнему, поддерживая ледяной потолок, словно колонны. Отталкиваясь от них ногами, Семён легко скользил к середине озера, где был остров, и огибал его.

Непрерывный хрустальный звон сопровождал путешественника. Искрился иней прямо перед глазами - это оседал пар от его дыхания. Тонкие льдинки иногда отламывались от движения его ноги или руки, скользили долго, разбиваясь где-то на бесчисленные осколки, которые в свою очередь удалялись, истончая голоса.

Так путешествовал Семён по озеру вдоль и поперёк, дивясь всему, что видел. Переворачиваясь на спину, глядел на размытый лик солнца, на очертания ползущих по небу облаков и радужные разводы среди застылых воздушных пузырьков.

Сквозь ясный лёд, ещё не присыпанный снегом, Семён от-

чётливо различал вверху летающих птиц: бойких галок, живущих в Архиполовке, заполошных сорок да строгих ворон, обитающих в окрестных лесах, - они, конечно же, разглядывали лежащего подо льдом человека и, надо полагать, живо обсуждали меж собой столь необычное природное явление.

Однажды по нему прошла старуха соседка, остановилась, вскрикнула и ударилась бежать, да неладом - упала. Он засмеялся и от смеха его отламывались и звенели тоненько ледяные кристаллы.

В другой раз набежала лиса, закрутилась над Семёном – он явственно видел красные, как крупнолепестковые цветы, лапы её; лиса покружилась-покружила, метя рыжим хвостом, и ткнулась носом в лицо лежавшего под нею человека. Семён погрозил ей кулаком, она подпрыгнула, будто мышкуя, и исчезла.

А то вдруг наехала на семёна лошадь с дровнями. Вот тут он перепугался не на шутку, особенно когда лошадиное копыто ступило как раз ему на лицо. Лошадь, слышно, коротко заржала, стук её копыт сдвоился - поскакала, значит, галопом. Интересно, кто сидел в дровнях? И видел ли этот седок Семёна? А если нет, ладно, лошадь ему не скажет.

Вот так каждый день путешествовал Размахай по озеру. Возвращался домой усталый, а по ночам снилось ему: плавающие краснопёрые птицы и летающие рыбы, и кошка с рыбьими глазами, и старуха норовила ступить ему на лицо лошадиным копытом...

И вот наступил день в середине зимы, а вернее - в феврале, когда из Размахаева колодца начисто ушла вода. Ведро брякнулось на твёрдое дно и возвратилось пустым; Семён догадался, что вода ушла и из озера. Вся.

Этот день был его праздником.

Он отправился в те же кусты ивняка, державшие верхние слои льда наподобие крыши крыльца перед неким жильём, спустился в пролом, съехал по крутому берегу до самого дна.

Серые сумерки, подголубленные сверху, окружали его. Длинные сосули свешивались, кое-где упираясь в дно, гирлянды поблёклых водорослей обвивали их или просто лежали на дне. Чистейший песок яро желтел, особенно там, где пробивались из земли роднички. На пригорках, бывших когда-то отмелями, хрустело под ногами мёрзлое водяное быльё. Лёд над головой нестерпимо голубел.

В бывших заливах и меж островов Семёну открывались пространства с такими высокими сводами, какие он видел разве что на московских вокзалах. Здесь можно было поместить не один дворец и не одного царя со всеми слугами...

«Вот откуда все эти придумки насчёт подводных царств! - думал Семён. - Кто-то до меня давно уже видел всё это».

- В чешуе, как жар горя, - бормотал Семён, озираясь, - тридцать три богатыря... Все равны как на подбор, с ними дядька Черномор...

Самое же главное и самое интересное - тут и там в донных ямах видимо-невидимо скопилось рыбы. Страстный рыбак, Размахаяев присаживался на корточки, опускал руки в ледяную воду и гладил лениво шевелящихся щук, заглядывал в тусклые глаза налимов и язёй; целое месиво плотвы овсяными хлопьями шевелилось у него под ладонями. Они, рыбы, теперь были дружны меж собой, и щука уже не глотала окуней, а окуни не гоняли уклек, и жерех не покушался на краснопёрку. Они совместно пережидали выпавшую им на долю невзгду, чтобы потом, когда вернётся большая вода, брызнуть в разные стороны, спасаясь друг от друга. Пока же мирно плескались они в исходящих паром ямах, жадно глотая верховую воду.

Семён ходил от ямы к яме, играл с рыбой, приговаривая: «Ишь ты! Ишь она...» - и обязательно отыскивал где-нибудь сома. Этого огромного сома он перехватывал через жабры поясным ремнём и, перекинув ременную ляжку через плечо, выволакивал по крутому берегу на белый свет - сом лежал потом на полу у него дома, как бревно, и долго засыпал...

Вот когда наступал праздник у Семёна - праздник на несколько дней! Рыбой пахла горячая печь, рыбный дух пропитывал кирпичи, толкал заслонку; жирным ароматом наполнились углы избы. Изба сытно посапывала, довольная своим хозяином.

А сам хозяин сидел у окна, посматривал на озеро, доставал из чугуна куски пахучей, ароматной сомятины, поддерживал разварившиеся ломти обеими руками...

- И вот чего, - приговаривал он, - никому не скажу. Ежели будут знать все, сидеть мне на одном овсе. А я не лошадь, чтобы только один овёс лопать. Я один знаю, и значит всё моё. Потому что я один в это верю.

С одной стороны - нельзя открыть, но с другой стороны - хочется. Он чувствовал себя немного виноватым: уволок, словно собаку мозговую кость, и грызёт, урча в тайном уголке. Нехорошо. Некрасиво. Оттого, что никто не знает о такой его удачливости. Счастье Семёна Размахаяева было всё-таки неполным. Однако нечего и думать, чтобы кому-то рассказать. И ни-ни! Переловят всю рыбу без всякого чуру. Мёртвое будет озеро! Безживное. Повыдергают и донную травку, испакосят чистый донный песок, затопчат роднички...

- Нельзя, - вздыхал Семён, держа долю соминой спины в пригоршнях, как долю арбуза, и погружая в неё чуть ли не всё лицо. - Если Сверкалову Витьке сказать, он сразу начальство привезёт ублажать: залезут под лёд, разведут там костёр, поставят водочку на льдиночку... Нет-нет! Хрен вам всем.

Он благодушествовал, он ликовал... и вареный сом поглядывал на Семёна белым глазом, ухмылялся: владей мной, Сеня, ешь меня, Размахай, не стесняйся...

Рыбу из донных ям можно бы мешками таскать! Даже возами возить! Богатое ведь озеро, рыбное, и никакими рыбаками ни разу не обловленное. Но за зиму Семён брал только одного старого сома. Больше ни-ни.

- Что я, спекулянт, что ли!

Говорил он сам себе: - Или я браконьер какой? Нет, я не нарушу природного равновесия. Жадность, она хоть кого до добра не доведёт. Уж так или иначе, а судьба накажет. Нет, я с разумом мужик... всё по чести и по совести, как эти тридцать три богатыря.

Только одного сома. Ну, разве что маленьких окушков для навару. Ну, разве что одну щучку для рыбного студня. И больше ничего.

А разгуливал он по дну озера каждый день.

Можно бы, конечно, старухе Ульяне преподнести щучку, она любит, да ведь разболтает! И из хорошего получится плохое. Да и неизвестно ещё, полезна ли старикам жирная-то рыба.

- Ладно, обойдётся, - говорил Семён, благо никто его не слышал. - А вот скажите, что это за железное кольцо торчит изо льда возле острова, на самой середине? Я подёргал - не поддаётся, конечно! А под кольцом, ежели покопаться, железная крышка. Вот скажите, что это за крышка? Четырёхугольная, как у сундука... Если её ломиком поддеть, а? Если бы поднять эту крышку? Вот то-то. Но я мужик с головой, торопиться не буду. Я вот огляжусь... И если достану, то... Если будет там золото, а? Золотые зубы вставлю, ого!.. Вот так. А вы сидите, сидите... Не тушуйся, товарищ Сверкалов, ты себе персональную пенсию заслужишь. А я уж так, как-нибудь...

На всякий случай привязал к кованому кольцу поплавок на шнуре, так чтоб летом он на поверхность не выглядывал, но чтоб поглядеть можно было, когда подъедешь на лодке. А то кто его знает, вдруг вода перестанет уходить из озера! Теперь уж сундук не потеряется. Его всегда можно будет поднять. Например, взять пару автомобильных камер, привязать их и надувать: сундучок пойдёт вверх, как миленький.

Скажут: чего это так разбогател Размахай? Зубы, вишь, вставил золотые, мотоцикл с коляской купил, бамбуковых удилиц двадцать штук!..

Каждый день поджидали его на дне озера новые происшествия...

Однажды увидел ту самую лису, что столкнулась с ним носом к носу через лед. Он узнал ее, да и она его тоже! Лиса очень ловко выловила рыбину в одной из ямин и уволокла, оглядываясь на подходящего Семёна.

А в другой раз спустился на дно, и у него аж екнуло сердце: показалось, что какая-то широкозадая баба в шубе, нагнувшись, то ли полощет белье, то ли черпает рыбу из ямы. Она обернулась, рывкнула и побежала в сторону на четырех... Медведь!

То-то Семён встречал на дне обглоданные рыбы головы! Вишь, не хочет мишка спать в берлоге, наладился покориться рыбкой среди зимы.

Наповадились под лед и птицы: снегири, синицы, клесты - так и скачут, будто яблочки катятся по дну озера. Откуда они знают о том, что вода уходит? И лиса, и медведь... Как догадались? Почему не боятся спускаться на дно? Чудно...

Они знают, и знает Семён, а больше никто, даже хрен Сверкалов, - в сознании этого он чувствовал себя заодно со зверями и птицами. А не штрафуй его Витька Сверкалов, Семён так и быть угостил бы его ухой на семи рыбах. Может быть, даже поднес бы ему стакашек той водички из донного ключа, который открылся в последнюю зиму.

Тот ключик бьет в заводи из-под каменного берегового пласта, и вода в нем густа, как сусло, а цвет имеет лимонно-желтый. Она ощутимо тепла, будто из остывшего чайника. Когда обнаружился этот булькающий ключик, черт дернул Размахаяева сунуть туда палец, а потом и попробовать на язык, и он поразился странному вкусу, от которого посвежело во рту. Грешным делом подумал: нет ли в ней градусов? Наклонился к этой малой лужице и - была не была! - осторожно схлебнул раз и два. Жидкость не опьянила, как он ожидал, но лишила тяжести его тело. А наутро у Семёна сошла кожа на ладонях и ступнях, обнажив молодую, за-

розовели и стали блестящими ногти, ало залоснились и припухли губы и полезла дружно и весело густая рыжая борода.

Воодушевленный такими переменами в себе, он понадеялся, что у него полезут и молодые зубы взамен выпавших. Но, к сожалению, этого не произошло. Зато он всю неделю чувствовал необыкновенную легкость во всем теле, переколол гору дров, выдолбил в мерзлой земле погреб, который был ему в общем-то не нужен. А Маня Филиппова, побывавшая у него за эти дни, заявила, уходя, что через денек-два наведается снова и, возможно, останется погостить на недельку.

Только вот беда: желтый тот родничок заносило песком от бивших выше над берегом других ключей, так что зачерпнуть еще раз целебной водицы в эту зиму Размахаяю не удалось.

Ясно, что не хватит на всех озерных богатств, чего уж тут говорить! Вот только медведю, да Семёну, да лисе, да разве что еще кошке Барыне.

В тот день, когда у него гостила Маня, Семён, пробираясь в нише под берегом, увидел вдруг, как сверху, из окошка в земле, нависшего над ним, спустилось на цепи знакомое ведро. Ведро упало на льдышки, подергалось так и этак - он догадался, что это Маня хочет зачерпнуть воды, не зная, что вода ушла из колодца, он выхватил из ближней ямы здоровенного леща и вворотил его под ведерную дужку. Маня стала поднимать, потом вдруг закричала, и ведро с лещём брякнулось обратно. Вот те на!

Семён долго хохотал, сидя на дне озера... Не хочет баба рыбы! Перепугалась.

Может, признаться Мане? Может, и она сходила бы с ним в путешествие по дну озерному? Вдвоем все-таки веселее.

Веселее-то веселее, но... баба скажет борову, а боров всему городу.

Путешественника мучила загадка, почему временами озеро пустеет.

Очень скоро он обнаружил возле срединного острова довольно широкий провал - в этом провале колыхалась вода, словно

кто-то ворочался в глубине, под широкими каменными арками, которые угадывались неизвестно каким образом. Но почему, почему уходит и приходит вода - это было непонятно. Ну, мало ли диковинного на свете, решил Семён и успокоился на этом.

Однажды, когда он присел у этого каменного горла и вглядывался вглубь, вода там вдруг сильно заколыхалась и излилась почти к его ногам. Потом она хлынула во все стороны по дну, соединяя рыбные ямы... Семён торопливо вскарабкался на берег. И вовремя: наутро она уже подпирала нижний слой льда. Это означало, что наступила весна и пора отправляться к Витьке Сверкалову, чтоб снова подрядиться в пастухи.

И снова, как и в прошлые годы, все сложилось так, как он хотел: в назначенный срок пестрое стадо в его сопровождении вышло из деревни навстречу встающему солнцу, чтобы за день совершить круг почета, круг жизни по берегу озера...

Семён, сидя под кустом, под шелест садящихся на осоку стрекоз, под лепет ивовых листьев думал и думал; изредка он оглядывался на деревню и жалел людей; они так заняты каждодневной суетой и не знают, что если долго смотреть на озеро, то его даже в самый жаркий день затянет льдом, а вода уйдет из-под льда и обнажатся подводные холмы, откроются глазам крытые льдом пространства, так похожие на залы огромного дворца, где в малых бассейнах плещутся по яро-песчаным полам красные яблочки-снегири.

1985 г.

ПРО ПОЛКОВНИКА

Повесть

1.

Вертолёт опустился на поле, вернее там, где когда-то было паханое да сеяное поле, теперь же просто ровная площадь, заросшая дикой травой и мелким кустарником. Сначала спрыгнул пассажир, потом сбросили его вещи - мешки и рюкзаки. Веселое, смеющееся лицо маячило в окне пилотской кабины.

- Счастливо, полковник! - донеслось оттуда сквозь рокот мотора.

Другой пилот появился в проеме двери:

- Ну что, батя? Как договорились, да?

Тот, кого называли «полковником» и «батей», махнул им рукой: все в порядке, можете лететь. Вертолет поднялся, накренился в крутом вираже, стал удаляться и вскоре пропал.

Наступила тишина.

- Ну вот, десантировался, - сказал себе оставшийся человек, оглядываясь. - Терра инкогнита...

И после долгого молчания добавил:

- Тихо-то как!

Это был мужчина лет пятидесяти, худощавый, небольшого роста, отнюдь не полковничьей наружности, то есть ни бравости в нем, ни строгости, ни сановитости. Правда одет в куртку военного образца и ботинки тоже явно казенные.

2.

Он окинул взглядом свои вещи: как много, оказывается, нужно одному человеку для жизни! Крыша над головой, одежда на всякую погоду, продукты, орудия труда, оружие для защиты от неведомо кого - наверно, от хищных зверей и лихих людей. А все ли сбросили? Картошка, сухари черные и белые... рюкзак с палаткой и надувным матрасом, еще один рюкзак со спальным мешком и теплой одеждой...

Про палатку зять сказал:

- Зря берешь ее, батя. Там такие хоромы пустуют! Занимай любые, какие по душе, и живи-поживай.

Но палатка была куда как хороша: просторная, с двумя окошками и даже с крылечком или неким подобием крылечка. Этакая полотняная дачка, которую можно запросто переносить с места на место. Полковник купил ее не где-нибудь, а в одной из западных столиц, когда работа его заканчивалась, и он собирался отбыть в Москву насовсем.

Задолго до покупки он поглядывал на эту палатку, когда заходил в туристический магазин; вздыхал мечтательно, представляя себе, как поставит ее на берегу реки, желательно безлюдной, - непременно чтоб безлюдной или даже совершенно дикой! А такие есть, есть в России! Он будет жить в ней... и месяц, и два... может быть, даже и целое лето, в совершенной тишине и безлюдье. Так ему хотелось. И чем больше об этом думал, тем становилось желанней.

С некоторых пор его стали прямо-таки околдовывать самые простые слова - «зеленый луг», «прозрачная вода», «лесной шум», «журчание ручья»... Стоило произнести их вслух или мысленно, и на душе миротворно становилось. Это служило даже лекарственным средством от бессонницы, в последнее время донимавшей его. Ложась спать, он старался представить себе или ручей, струящийся по камешкам, или кустик клевера и шмеля над ним, или просто прозрачную лужу после дождя в травянистой низин-

Он уложил в рюкзак две смены чистого белья, дюжину рубашек и зачем-то еще несколько галстуков... чем немало потешил зятя. Тот откровенно хохотал, а тесть терпеливо растолковывал ему:

- Без галстука все равно, что в ботинках на босу ногу.

Полковник решил твердо, что там, в безлюдном месте, будет аккуратно бриться утром и вечером, а одеваться парадно, словно дорогие гости вот-вот должны прийти. Только так он будет чувствовать себя хорошо, только при том будет праздник в душе.

Теперь он перетащил свои мешки и рюкзаки на более сухое место, уложил поплотнее одно к другому и отправился искать ближнее селение, которое видел сверху, но которое отсюда было не видно. Облака показались ему тяжеловаты, потому вернулся и заботливо укрыл полиэтиленовой пленкой рюкзак, в котором сахар, чай, крупа, сухари черные и белые - все, что может пострадать от дождя. Было еще у него опасение, что украдут, как только он оставит все это без присмотра. Да ведь некому тут красть! Неужто в самом деле ни души... на много верст вокруг?

Уходя, он взял с собой то, что не решился оставить: ружье, бинокль... С ружьем не мог расстаться - не из страха, конечно, а просто... ради уверенности. К тому же оно придавало обыденный смысл его появлению здесь: коли все-таки встретится кто-нибудь - что ж, идет охотник с ружьем...

3.

Некоторое время шел в ту сторону, где по его предположениям должно находиться село, но потом шаги его стали нерешительными. Он даже остановился, постоял, осматриваясь вокруг, опять пошел. Ему попалась старая проселочная дорога, она и привела его, куда надо.

У крайнего молчаливого дома Лев Алексеевич остановился, ожидая, что вот-вот сейчас раздастся какой-нибудь звук, свидетельствующий о присутствии тут людей - голос ли, скрип ли

двери, калитки. Но тишина стояла вокруг, как и в поле. То есть пошумливали от ветра ближние ветлы, и не деревенские, а лесные птицы перекликались тут: Охотников узнал зяблика и дрозда, и даже дятел стучал на старой березе. Однако не было звуков, свидетельствующих о присутствии человека. И ни петушиного пенья, ни мычания коровы...

В деревне этой с вертолета можно было насчитать десятка два домов - теперь же ему видно было только четыре, и еще один неясно угадывался за тополями да зарослями черемухи. Явственные следы одичания были тут повсеместно.

Из низины к самым ногам Охотникова подступали неисчислимой ратью цветы - нежно-желтые бубенчики размером с куриный желток или даже крупнее. Он знал, что такие цветы зовут купальницами или купавками; сейчас их пора. И вообще наступило время желтых цветов - вот-вот столь же дружно расцветут одуванчики. Об этом подумал Охотников и вспомнил, что не далее, как вчера, жена купила большой букет купальниц - кто-то на улице продавал. Оказавшись в городе, эти нежные создания уже поникли головками; здесь же они росли бодро и радостно повсюду, но здесь особенно изобильно - хватило бы одарить букетами женщин целого города или, скажем, района Москвы, вот хотя бы Теплового Стана, где жил полковник.

На вершинах тополей чернели старые грачиные гнезда, но не было их строителей-грачей. «И галок тоже нет, - отметил Охотников. - И воробьиного чирикания не слышно. Они что, откочевали вслед за людьми? Они не могут жить без людей?» Только ворона пролетела над ним и каркнула неприветливо, озадаченно: мол, а ты как тут оказался?

Он подошел к ближнему дому - оконные рамы вынуты, крыша просела, крылечко покривилось, ворота двора почему-то сняты с петель и лежат на земле - трава проросла сквозь щели между досками. А во дворе пахло навозной прелью и древесной плесенью; над коровьим стойлом - нашесть, вся в старом курином по-

мете; по бревенчатой стене свисали бороды старой льняной пакли и пыльная паутина.

Охотников двинулся к соседнему дому вдоль полуповаленной изгороди, ступая так, чтоб не мять цветы, словно они живые и могут подать жалобный голос - голос боли. Станным было выражение его лица, то ли растерянное, то ли озадаченное, то ли виноватое. А когда хрустнула под ногой сухая тополиная ветка, он замер, оглядываясь, словно ожидал, что этот звук привлечет чье-то внимание.

В огороде за частоколом торчали будыли прошлогодней крапивы да репейника, но уже поднимались и юные лопушки, и молодой крапивный подрост. А небось, когда-то были тут грядки с луком да свеколкой, с огурцами да капустой. Теперь ничего, только трава одичания, запустения.

У второго дома сохранились рамы оконные и стекла в них, а парадные двери были заколочены досками. Под старой ветлой возле изгороди догнивала телега со сломанной передней осью и без колес.

Охотников заглянул в окно и отшатнулся: на мгновение показалось, что оттуда смотрит на него страшноватый человеческий лик. Но нет, то бледное пятно давно беленой печи проступало из сумрака избы. На всякий случай он постучал в наличник: мол, есть ли живая душа, отзовись. Никто не отозвался.

Следующий дом был уже, собственно, и не дом: крыша провалилась, как земля над забытой могилой; бревна вынуты из стены кем-то, лежали враскат. Этот «кто-то», порушивший стену, жег тут же костер - остались головешки; судя по куче углей, сквозь которую пробивалась травка, огонь этого костра потух не раньше, как год назад. Кто его разводил и зачем?

Не останавливаясь, Охотников прошел дальше. Посреди улицы угадывалась тележная колея, прямо из нее торчали прошлогодние стебли репейника - нет, никто не ездил по этой дороге, небось, уж несколько лет.

На другой стороне улицы стояли два вполне крепких дома с

«Созерцательную часть моего вступления на эту землю можно считать завершенной. Пора приниматься за дело».

4.

Лев Алексеевич облюбовал себе для житья хоть не самый лучший среди прочих, но очень привлекательный дом: чем-то он сразу тронул его сердце. Были и покрепче, и попросторнее, но этот больше понравился: у него смиренный, однако же очень достойный вид - он не взывал о помощи, не жаловался на судьбу и не спесив был, не кичился, подобно тем, что в середине деревни.. Перед его фасадом росли четыре березы, довольно молодые, сохранилась под ними лавочка - широкая доска на двух чурбанах; на доске той крупно вырезано: «Надя + Оля = дуры», а с ребра в потайном месте «П+Н = Л».

Почему-то надписи эти сделали дом обитаемым: чьи-то души как бы присутствовали тут, и потому Охотников решил поселиться именно в этом доме. Он вступил в него, уже по-хозяйски при-меряясь, как ему тут устроиться.

В сенях свет падал сверху, с чердака, через проем лестницы и из бокового оконца, но было все-таки полутемно, не разглядеть всего. Под лестницей корзина прутяная лежала на боку, на стене висел старый хомут, вернее, остатки его - деревянные «клещи» в лоскутках изветшавшей, истертой кожи и в клочках войлока.

Вступив в жилую часть избы, гость увидел стол в перед-нем углу, старый-престарый, скобленный; над ним перед пустой божницей висела лампадка стеклянная с отколотым краем. На выцветших обоях остались как бы тени от висевших тут некогда рамок с фотографиями, а в простенке как тень висевшего здесь когда-то зеркала. В кухонном чулане что-то вроде низкого шкафа из толстых досок, издырявленных жучками-древоточцами.

«Наверно, это называется залавком, - подумал Охотников. - Для чугунков, горшков, сковород...».

Из бокового окошка был виден скат берега и озеро; в зерка-

Не мешкая, отправился Охотников к своему снаряжению, оставленному на поле. По дороге туда немного беспокоился: вдруг кто-то все-таки видел, как приземлился военный вертолет, как сбросили с него мешки и рюкзаки, как спрыгнул человек и ушел в село, оставив вещи без пригляду. А мало ли там такого, что соблазнит и честного человека! Портативный радиоприемник, из самых что ни на есть лучших, дорогой фотоаппарат, спиннинг... Куртка на меху. Охотников был не из самых бедных полковников, хотя и не сказать, чтобы из богатых.

Но нет, никто не покусился на его добро: еще одно свидетельство того, что никого нет вокруг. Необитаемая земля, как остров в океане.

Он перетаскал вещи к своему новому жилищу - к амбарчику-ульюю - и принялся за его обустройство: подмел наскоро связанным веником пол, даже травкой потер половицы, обмахнул паутину со стен и с окошка, после чего распаковал рюкзаки. Включил было радиоприемник - передавали последние известия - и тотчас выключил; не надо ему теперь всех этих сведений - кого где убили, что взорвалось, разбилось, утонуло... Вот если б сообщали, что вон там, за озером, лисица выслеживает зайца, а у дроздов или у пеночек в том вот лесу вылупились птенцы... то иное дело! То он слушал бы с интересом. А события человеческой жизни больно задевали его, и только.

Он решил даже впредь можно вовсе не слушать радио, разве что прогноз погоды. Вот только метеосводки, их он и будет слушать, а больше ничего.

«Я отключаюсь от внешнего мира! Как телевизор от электросети. Знать больше ничего не хочу...».

В крышку от улья он выложил кое-что из продуктов, как в ящик, а в углу выставил кухонную посуду. Потом надул матрац, постелил на нем спальный мешок - постель готова.

Он поселился!

5.

Вечер наступил тих и лучезарен; солнце спускалось в облака над самым горизонтом, а когда скрылось в них, Охотников, хлопоча у костра, немало дивился на закатное небо: ни с того, ни с сего - такая красота. Ведь не праздничный концерт и не зрелищное мероприятие - просто вечер, просто солнце садилось, а такое феерическое представление - громады облаков, потоки света, падающие на землю...

«Для кого все это? Если здесь нет людей, то кому предназначено буйство красок? - размышлял Лев Алексеевич, то и дело оглядываясь на закат. - Неужели только для одного человека... для меня? Ведь с другого места все видится иначе, там уже другая картина... Природа необъяснимо щедра, непонятно почему расточительна».

Он подумал, что согласно известной научной теории могло так случиться, что на всей Земле не появилось ни одного человека... ну вот не выпал такой набор хромосом в генах и «человеческая» ветка не отделилась от обезьяньего вида! Представим себе такое. Тогда растительный и животный мир существовал бы на Земле без людей. Тогда все эти земные и морские пространства... для кого они? Для зверей и птиц, для растений и насекомых...

«Но тогда какой в этом смысл? - Охотников даже возмутился слегка. - Если сама природа воспринималась бы лишь слепым инстинктом животных, а не разумом человека, не духовной сущностью его... Кто может оценить, понять, проникнуться? Коли нет зрителей, зачем театр? Коли некому слушать, зачем музыка? Коли некому созерцать и понимать природу, то красота бессмысленна! Присутствие разумного существа необходимо, оно придает всему должный вес и значение! Можно понять Создателя, зачем Он сотворил нас по своему образу и подобию... иначе - как?»

Поймав себя на этих размышлениях, полковник подумал, что вот теперь его голова занята благородной работой, ради которой,

собственно, он и прибыл сюда. Предметом его размышлений стали не скучные тексты и не сухие цифры, а живая природа, которой он был лишен по крайней мере три десятилетия. И ничего, что он так наивно размышляет, - зато есть в том новизна.

Он устроил себе пир по случаю новоселья: нарезал копченой колбасы, ветчины, сыру, холодной телятинки... и бутылку хорошей водки достал из рюкзака. Подумалось ему, что теперь вовсе не лишним был бы кто-то в качестве собеседника, умеющий слушать. Такому собеседнику он, Лев Алексеевич имел бы что сказать. Но, подумав так, тотчас отогнал от себя эту мысль. Нет, никто ему не нужен. Не за тем сюда прибыл, чтоб с кем-то беседовать. Он будет тут один, с сознанием того, что на десяток верст вокруг ни одного человека.

Он выпил в охотку и закусил с аппетитом, все еще поглядывая на закат, на озеро, отражавшее эту космическую картину, уже потухавшую, слушал хоровое утробное ворчание лягушек у озерного берега. Было ему очень хорошо, хотя в грусти щемило сердце.

Уже в сумерках прошелся Охотников по селу. Прошелся медленно, словно крадучись. Слушал, смотрел. Странные чувства владели им. Тихо было... Молчаливые избы «смотрели» на него. В окнах, обращенных к закату, уже отражалось небесное зарево. Ему подумалось, что ночью мерцание звезд отразится в стеклах, и это будет на грани мистики.

6.

Никогда ранее он не жил в деревне. Родился и вырос в семье городской, благополучной: отец работал секретарем райкома партии, мать была директором школы. А фамилия, между прочим, говорила о каких-то природных корнях, уходящих в глушь лесную да тишину сельскую, - так думалось Леве Охотникову, еще мальчику.

В школе он учился хорошо, обнаруживал способности по

коли весной, то грачиный грай в тополях, запах мокрых лопухов, лягушьи хоры и полчища купальниц, подступающих к самому крыльцу. И разговоры с Юрой: о землях, будто бы еще не открытых, о небесных явлениях и знамениях, о муравьином да лягушьином да птичьем языках, и почему-то еще о сибирской реке под названием Витим; Юра клялся, что обязательно побывает на ней, потому как название очень уж поэтическое, небось там золотеносные пески, а в них самородки золота величиной с булыжник...

На жаркой печи они соображали, что предпринять дальше, поскольку уже наступил вечер, а он долог.

- Мам, «беседа» нынче у кого? - спрашивал Юра.

Лева уже знал: «беседа» - это вечеринка. Если в своей деревне ее нынче нет, можно отправиться в соседнюю.

- У Маньки Шуриной, ее черед, - отвечала мать. - Сходите, чего на печи-то сидеть! Чай, не старики.

И Юра с Левою одевались, выходили на улицу, шли по тропинке, ныряющей с сугроба на сугроб. В деревне слабо светили окна, но в одной избе гораздо ярче - это и был дом Маньки Шуриной. Возле него уже табунилась детвора - у нее свои игры. Лева шагал за другом следом, преодолевая смущение.

В избе уже собралось много народу: женщины толпились в задней ее части, а в передней - молодежь. Балалайка тренькала бойко, а то и гармонь играла.

- Постоим здесь, - говорил Лева уже в смятении, едва переступив порог.

Но Юра уверенно раздвигал толпу плечом, и они оказывались в свете яркой, «десятилинейной» керосиновой лампы. Прокатывался говорок, что-де вот «студенты» опять пришли. Лева ловил на себе заинтересованные взгляды. Юра степенно обходил всех парней с рукопожатием. Лева делал то же самое. Им освобождали местечко на лавке, и вот теперь можно было оглядеться.

Вокруг оживленные, разгоряченные лица. Две девки в крепдешиновых платьях с оборками вставали плясать, крепко стучали каблуками туфель, потряхивали окатистыми грудями; попеременно пели частушки, выстраивая песенный разговор:

- Ты, подруга, запевай, / Первую начальную /. Не могу развеселить / Головушку печальную.

- Дорога моя подружка, / Мы с тобой, как сестры./ И залеточки у нас - / Рубашонки пестры.

- Ты, подруженька моя. / Запевай котору хошь, / А про залеточку не надо, / Мое сердце не тревожь...

И так далее.

Как из кирпичиков можно выстроить любое сооружение - хоть печку, хоть дом жилой - так из частушек любую историю, счастливую или печальную, дружеский спор или ссору двух соперниц. В разговоре этом частушечном тонкие намеки на то и се кому-то, пусть еще и незнакомому: умный поймет, а дурак не догадается. А по тому, поймет ли, станет ясно, дурак он или умный. Слушателям да зрителям намек понятен, но кому он предназначен, поди отгадай.

На лавке кто-то кого-то поталкивает, кто-то что-то рассказывает, рядом парень насильно усадил девку себе на колени... ну, не то, чтобы насильно, она посопротивлялась для виду, но уселась и уже брала с его ладони семечки, а он потискивал ее другой рукой - никому не видно.

Становилось жарко. Юра командовал другу: раздевайся! И городское пальто Левы оказывалось в ворохе деревенских ватников да полушубков.

Вся эта атмосфера всеобщего веселья, возбужденности овладевала Охотниковым Левоу. Он уже смело поглядывал вокруг. Юра уже притиснулся к «своей», а та смущалась, да и он покраснел, однако что-то спрашивал, она отвечала, - оба смеялись. Глядь, он уже угощает ее сушеной свеколкой, прихваченной из дому, а она его - семечками.

Вместо слова «танцевать» в деревне той говорили «ходить чижая». Парни выбирали себе по девке, вставали в круг (четыре или шесть пар) гармошка радостно вздрагивала, в громком топоте тонули разговоры - «хождение» сопровождалось «дробнями» и песнями, вроде:

Подробить так подробить,
Чтобы подробилося.
А полюбить так полюбить,
Чтобы сердце билосся.

Вдруг словно электрический ток пробежал по всем, кто был тут: ватага чужих парней вваливалась на беседу: откуда? кто такие? Если явились «крутецкие» - быть драке. Об этом Юра предупреждал по пути сюда.

- Мы с крутецкими испокон веку деремся.

- Из-за чего?

- А не знаю.

- Ты тоже будешь?

- А то нет!

Юра молодецки пошевеливал плечами.

Но крутецкие не пришли ни разу, и драки не случилось на памяти Охотникова. Разве что иногда некоторое напряжение возникало между парнями из разных деревень, и тогда начинался мужской частушечный разговор:

- Мы гуляем только так - / Лишь бы нас задели бы! / Тогда бы рамы с косяками / На фиг полетели бы!

- Фули-люли ваши пули, / Нам обрезы нипочем: / Пока щелкаешь обрезом, / Я шарахну кирпичом.

- А вы полно, полно, - тотчас принимались урезонивать женщины, стоявшие в задней части избы. - Вы хулиганские-то песни не пойте.

И все кончалось миром.

7.

Но вот было другое, что Охотников потом вспоминал, как событие в высшей степени значительное в своей жизни. В той кадрили, именуемой почему-то «чиж», было несколько танцев, и один из них назывался «девичьим» - это когда девушки, тоже

вставшие «ходить чижа», приглашали парней. И вот к Леве из общей кутерьмы вывернулась одна, смущаясь, поймала за руку, потянула...

- Да я не умею! - испугался Лева, которого сразу бросило в жар.

Она же хоть и краснела, однако была и решительна: вытянула его.

- Иди-иди, - подпихнул и Юра. - Не умеешь - научим, не хочешь - заставим!

Лева оказался в кругу, все на него смотрели... или ему казалось, что только на него и смотрят? Гармошка грянула, девушка обняла его, закружилась. Это было потрясением! В тоненьком-то платьице, горячая, она обжигала его руки, жарко дышала, и в толкотне этой так крепко, мгновенно прижималась... и груди, и живот ее были упруги до головокружения.

Кто-то уже спел в свой черед:

- За товарища сыграю,
За товарища спою,
За товарища подставлю
Буйну голову свою.

Покружились - и тут наступила заминка.

- Пойте, - шепнула Леве девушка. - Ваша очередь.

Он растерялся.

- Гланька, выручай студента, - подсказали ей.

И Гланька выручила - спела за него:

- Полюбить так полюбить
Паренька хорошего.
А такого нечего,
Который дремлет с вечера.

Леве хоть провались сквозь землю: почудилась насмешка.

Хождение «чижа» продолжалось. По ходу его он покружился и постоял со всеми девками в кругу, но ему не терпелось оказаться рядом с Гланькой. И оказался, и опять они покружились, опять он замирал от восторга, от того, что в руках его это живое, мягкое, пышущее жаром... Гармошка замолчала - танцующие остановились. Гланька церемонно поклонилась ему:

- За уваженьице.

И он тоже поклонился, машинально выговорил то, что полагалось:

- За приглашеньице...

- А надо еще поручкаться, - учили их женщины из задней части избы. - Ручку пожмите друг дружке.

Они вообще ревниво блюли ритуал «чижа», чтобы и песни были, и дрови оттопывали, и чтоб балалайка не врала. Если что не так - укорят, подскажут, поправят, а то и на смех поднимут.

И доньше полковник с улыбкой вспоминал те «беседы». Как вспоминал и темные морозные сени, куда хитроумным маневром Гланьки он был увлечен. Они якобы заблудились в этих сенях, не могли найти дверь в темноте; где-то под чердачной лестницей она закинула ему на шею голые руки с крылышками-рукавчиками на плечах, прижалась, прильнула всем своим жарким телом, и сладко поцеловались они...

Где Гланька нынче? Помнит ли неловкого «техникумовского» студента? Или забыла?

После первой такой замечательной «беседы» одно воскресенье пропустил Лева из-за семейного праздника: родители не отпустили. А Юра, естественно, побывал дома и, вернувшись, сказал:

- Гланьку видел... О тебе спрашивала. Ни с кем не плясала, не пела, на чижа никого не приглашала, и если приглашали ее, не шла. Сидела - словно кошелек с деньгами потеряла.

Следующего воскресенья ждал Лева с нетерпением. Дождался... Опять все повторилось: и «хождение чижа», и Гланька, и

темные сени. А в очередной раз, едва пришли, Юрина мать ого-рошила их:

- Какие теперь беседы - Великий пост начался!

Великому посту не было конца. А на Пасху Юра, усмехнувшись, передал ему платочек, красиво вышитый по кромке и с буквами «ГЛ» на уголках, что можно было понять и как «Гланя», и как первые буквы их имен.

- Зачем это? - в замешательстве сказал Лева и покраснел.

- Соображай, - отвечал Юра.

Чем та Гланька так приворожила его? Какие-такие струны души задела? Не бог весть что было... Но вот помнил ее всегда. И даже так иногда казалось, что более счастливым-то он и не бывал никогда, кроме как в той деревне.

8.

После техникума уехал Юра Охапкин по распределению в Сибирь, а Лева Охотников по совету отца поступил в МВТУ, потом в академию. Охапкин же побывал-таки на реке Витим, закончил институт цветных металлов в Красноярске.

Друзья встретились лишь через двадцать лет, когда оба уже определились в жизни и даже могли подвести кое-какие итоги: один имел звание полковника и лишь накоротко приезжал из-за границы домой, то есть в Москву, где имел квартиру в Теплом Стане; а другой стал главным инженером на каком-то руднике... или на прииске?

Охапкин Юрий Иванович приехал тогда в Москву по служебным делам, поселился в гостинице «Россия», каким-то образом узнал домашний телефон Охотникова, позвонил наудачу и - надо же! - застал его дома. Полковник только накануне вернулся из Германии, где числился корреспондентом ТАСС. Вот и встретились.

На вопрос о работе своей Лев Алексеевич, улыбаясь, сказал другу:

- Не спрашивай, все равно не скажу.
- Потом, когда вышли из гостиницы и оказались в людном подземном переходе, он обронил:
- Ты поинтересовался, чем я занят... Стратегическая разведка.
- Интересно? - спросил Охапкин с любопытством.
- Интересно ли, нет ли - это из области чувств, подчас весьма неуместных.
- Юрий Иванович с ним не согласился:
- Работа должна быть любима, как жена. А иначе что за жизнь!
- Служба есть служба, - возразил Лев Алексеевич и, поколебавшись, пояснил: - Сижу в посольстве, читаю газеты, слушаю радио, смотрю телевизор... сравниваю, сопоставляю, делаю выводы... составляю аналитические отчеты.
- А вербовка агентов, кража секретных документов, подслушивание и подглядывание? - подначивал Охапкин.
- То не моя специализация.
- Конечно, вспомнили они и деревню.
- Из тридцати двух домов остались четыре, - вздохнул Юрий Иванович. - Лопухи, крапива, иван-чай... Летом поживее - дачники приезжают. А на зиму остаются две-три старухи.
- Скорбью повеяло на Охотникова от этих слов - то было неприличное ему переживание. Память воскресила виденные когда-то деревенские картины... при этом странно сумятилась его душа, отнюдь не предрасположенная к чувствительности.
- Ну, а Гланька? - спросил он. - Где она и что с нею?
- Ишь, не забыл... - усмехнулся Охапкин. - Не знаю про нее ничего. Вроде бы, замуж вышла... то ли в Скнятин, то ли в Углич.
- Как это «не знаю ничего»? - укорил Лев Алексеевич. - Это ж подруга твоего детства! Почти сестра.
- Далеко живу, - оправдывался Юрий Иванович. - Мать со мной, а там никого из родни не осталось. Связи нет.
- Они этак горестно помолчали.

9.

Поздно вечером пошел дождь. Сначала деревья встревоженно зашумели, хлопнула дверь или ставень в соседнем доме, жалобный клик донесся от озера. Потом низко пролетело несколько крупных птиц, посвистывая крыльями; но вскоре общая тревога утихла, и первые капли забарабанили по крыше амбара. Лев Алексеевич, лежавший уже в спальном мешке, теперь выбрался наружу, оглядел свое хозяйство: все ли прибрал, не намочит ли что-нибудь дождем, не унесет ли ветром?

Костер еще дымился, угольки в нем сердито шипели под дождевыми каплями. Он поднял доску, лежавшую у костра, прислонил к стене - должна быть сухой, завтра опять пригодится в качестве сиденья. Остальное все прибрано. Успокоенный, вернулся и залез в спальный мешок - оуклился.

Дождь стал уже ливнем, но в амбаре-улье было сухо, крыша не протекала. Некоторое время лежал, слушая шум дождя и поглядывая в дверной проем. Вдруг показалось, как что-то промелькнуло там, словно бы тень проскользнула: может, одичалая собака или волк? Достал ружье, проверил, заряжено ли, положил рядом. Нашупал электрический фонарик, он тоже под рукой. Да ведь в случае чего и топор пригодится, и его ведь он прихватил с собой. Так что полковник был во всеоружии перед любой агрессией, от нечистой ли силы, от дикого ли зверя.

Подумалось, что устроишься он на ночь в доме, не было бы так уютно, так хорошо, как здесь. Амбарчик подобен одежде: и тепло, и защищенно.

Ливень сменился мелким дождем, потом опять усилился. Одинокий комар залетел и был неосторожен: сел лежащему человеку на лоб, потому тотчас был наказан пресечением жизни.

«Как странно, - думал полковник. - Я лежу один в безлюдной деревне. Даже не верится, что это все со мной. Но ведь это так! Я именно один тут, вокруг на много километров никого... Удивительно!».

Удивительной была новизна ощущений.

Гром прогремел два раза, но вяло, без грозности, ворчливо. Под этот дождь думалось Льву Алексеевичу хорошо... Вот хотя бы о том, что все это сейчас - для него одного: и ветер, и дождь, и гроза... Он один в пустом селе. А вернее так: перед всеми этими стихиями теперь одинок, сам себе защитник, сам себе помощник, а больше никто. В таком положении он оказался впервые.

Сознание полного одиночества постепенно и все сильнее овладевало им.

«Эко, занесло меня! - в который уж раз подумал он с тревогой, однако же и с удовлетворением. Все-таки это случилось... И именно я здесь, один...».

Нескоро он уснул и не раз просыпался ночью, мгновенно созная, где находится, прислушивался к непривычным звукам, да и вообще спал сторожко. Однажды показалось, что кто-то шагает мимо, шлепая босыми ногами по лужам. Было так похоже на человеческие шаги, что он выглянул из своего «улья», - нет, это скакала лягушка. Потом почудились даже человеческие голоса - должно быть, ссорились в карнизе ближнего дома дикие голуби, он видел их давеча.

Мимо палатки, радостно булькая, текла потоком дождевая вода. Налетавший порывами ветер отряхивал ближние вишни и яблоню, словно крупной дробью осыпал дощатую крышу амбара.

«А ну как этот дождик на неделю или на две! - сонно думал Охотников, забираясь опять в теплый спальный мешок. - Мне хотя бы пару дней ясных, осмотреться, наладить быт. Дожди осложняют обстановку».

И решил, уже засыпая:

«Пострадать придется... Заслужил».

Что-то хлопнуло в одном из ближних домов, вроде бы дверь... Он напряг слух - нет, это все-таки ветер.

Ночью ему приснилось... Будто вокруг большого пруда - не озера, а вот именно пруда - ветлы раскидистые стоят, а за ними

избы с соломенными крышами, и возле них тут и там люди, все заняты делом: женщина с мостков полощет белье, старик в огороде отбивает косу, молодой мужик запрягает лошадь в телегу, и еще один тешет бревно топором... Люди эти переговариваются, перекликаются, и вообще раздаются голоса, мычанье коров, щебет ласточек... весь видимый во сне мир отражался в пруду, и солнце светило с небес.

«Ишь, какой красивый сон! - с отрадой вздохнул Охотников, просыпаясь. - Это что же, параллельный мир? Там еще коза была... Но я где-то видел эту картину! Что-то лубочное...».

Мысль о параллельном мире давно уже занимала его. Даже почитывал кое-что на эту тему.

«Если он есть, - продолжал свои думы полковник, - то уж наверняка именно таков, каким я его видел во сне. Ничего другого представить просто невысказано. На этой почве, при этом климате, самое естественное - та крестьянская жизнь...».

10.

Утро было хмурым, хмарным. Дождь шел и шел, должно быть, не собираясь утихать.

Охотников вышел из своего «улья», умылся прямо из лужи - чистойшей водица была в ней! Хотел побриться, но в кармане рюкзака не обнаружил бритвенного прибора. Это глубоко огорчило его, хотя и ненадолго. Вспомнилось, как зять Михаил пошучивал над ним:

- Зачем тебе там бриться, батя! Дипломатических раутов не будет, к начальству на доклад не являться... Даже женщин, самых обыкновенных, - ни одной на много верст вокруг!... Зато подумай: вернешься с бородой! Вся Москва ахнет!

«Наверно, он в последний момент злоумышленно вынул бритву из рюкзачного карманчика. Теперь что же, в самом деле бороду отпускать? Ну, быть по сему».

Приятно было ступать по мокрой траве босыми ногами: дож-

дик теплый и лужи теплые, и трава, огрузневшая от дождя, хоть и не тепла, но и не холодна - прохладна. Прихватив зонтик, полковник вышел на середину улицы, огляделся; за сеткой дождя и деревья, и дома, и озеро; небо низко, налитанные влагой облака задевали, казалось, за вершины деревьев. Дома стояли, нахохлившись, окнами смотрели на него. Он признался сам себе: у него постоянно было это ощущение - за ним наблюдают. Дома, деревья, птицы...

Вернувшись к своему жилищу - у него теперь уже было свое жилище! - не без труда развел костер, но не решился воспользоваться для чая дождевой водой из ближней канавки, хоть и была она чиста: небесная ведь водица! С зонтиком в одной руке - а хорошо, что из дома прихватил зонтик! зря смеялся над ним зять! - и с ведрком в другой отправился к озеру, радуясь тому, что идет босиком. То была городская радость, деревенскому человеку, пожалуй, и несвойственная; точнее сказать, для деревенских она обыденна.

Вдоль берега по мелководью тянулись тростниковые заросли. Ступая по твердому, в мелкой ряби, песчаному дну и раздвигая тростники, забрел только по колено в воду, как вдруг почувствовал, что будто бы наступил на острое. Уж не бутылочный ли осколок? Выдернул ногу - рак клешней впился возле мизинца правой ноги!

- Э, брат! - вскричал Охотников, уронив в воду и ведрко, и зонтик. - Палец откусишь!

Прыгал на одной ноге, желая ухватить злодея половчее; рак, здоровенный такой - с ладонь, не меньше! - шлепнулся обратно в родную стихию. Удрать он не успел, был выхвачен оттуда и выброшен на берег. Под корневищем тростниковым еще один... а рядом, в клубке водорослей, обнаружился третий... из-под камня торчала клешня четвертого...

Лев Алексеевич позабыл обо всем на свете. Он уже не брал всех подряд - только крупных, а крупные в ведрке уместились числом не более полутора десятков. Пришлось снять рубаху, складывать добычу в нее... пока не спохватился:

«Однако что же я так жадничаю! Куда мне столько?»

Дождь по-прежнему моросил - тонкий звон стоял над водой. Зонттик покачивался на воде кораблем с высокой мачтой без паруса.

Лев Алексеевич вернулся к своему жилью мокрым с головы до ног, но совершенно счастливым: такой добычи у него никогда не бывало. Да и вообще о ловле раков он знал лишь понаслышке. Хотелось кричать: «Послушайте! Посмотрите...». Но посмотреть на его добычу было некому, а от этого счастье было неполным.

Завтракал, уже переодевшись в сухое. Сидел при этом на порожке, любовался озером, поглядывал на канавку, в которой неустанно шевелилась его нечаянная добыча. «Надо их как-то огородить в этой канавке, - думал он, - а то, чего доброго, расползутся по всему селу». Еще подумалось ему: только закинь удочку в озеро - рыба, соскучившаяся по игре с рыболовами, сразу начнет клевать. И пойдут чередой такие окуни! Или лещи... а того лучше язь да жерех, голавль да щука... а почему бы и не судак? Чем черт не шутит - можно вытащить на удочку или спиннинг настоящего судака.

Нет, Лев Алексеевич Охотников не был заядлым рыболовом, но в том-то и дело, что хотел познать в полной мере и это увлечение.

«Ишь, разохотился! - подтрунивал он сам над собой. - Может, ты еще семги да белорыбицы хочешь наловить?»

Однако ему следовало сначала обустроиться здесь, а потом уж рыболовством баловаться. Что ж он вот так на приступочке этой и будет пировать?.. К тому же разве не следует ему вступить во владение селом - вот этими домами, сараями, огородами? А еще пространства вокруг села! Поля, луга, леса... Все это теперь принадлежит ему и нет у него совладельцев! Кстати, в каждом огороде яблони, кусты смородины да крыжовника...Куда ему столько яблок да ягод!

Не откладывая, он снарядился - сапоги-заколенники, плащ с капюшоном - и отправился изучать село. Еще раз оглядывал каж-

дый дом, угадывая, кто в нем жил, и стараясь представить себе, как уходили из него последние жители - печальные получались картины... Заходил в сады-огороды - яблони собирались зацвести; кусты крыжовника теснила высокая трава... Потом он обошел вокруг села по окoliце.

Все чудилось ему при этом, будто за ним следят глаза неведомо кого, следят этак с интересом: а ну-ка, что ты будешь тут делать?

Дождик то прекращался, то припускал, но было тепло, и в общем-то хорошо. Как-то по-особенному хорошо было на душе, как не бывало никогда.

Новый хозяин через бинокль внимательно оглядывал свои владения, насколько позволяла сетка дождя - поля, заросшие молодым еще кустарником, лес с одной стороны стоял стеной, с другой неровным зубчатым забором. Чувство новой собственности не оставляло его. Словно были «пожалованы» высочайшим указом эти земли ему, полковнику в отставке Охотникову, за заслуги перед Отечеством. И леса, и доли, и даже деревенька с невидимыми мужичками...

Две сороки некоторое время сопровождали его, живо перекликаясь между собой - делились впечатлениями о человеке в плаще с капюшоном. Кажется, обе они выражали удивление: как, мол, он тут оказался и что ему надо. Ясно, что здешние сороки отвыкли от людей. По крайней мере так Лев Алексеевич подумал и в очередной раз усмехнулся: «Занесло меня...».

В завершение прогулки его ждало еще одно открытие: на выгоне с остатками изгороди возле скотного двора с порушенной крышей обнаружил неисчислимое количество шампиньонов, сидевших и тесными семейками, и вроссыпь. Было много старых, но и молоденьким несть числа! Дождь как раз перестал, и новый владелец села (и этого двора, и навозных куч) собирал молодые шампиньоны в полу плаща. Так и принес к своему жилью, высыпал грудой возле канавки с раками.

«Кто-то... должно быть, Царь Небесный... слишком щедр

ко мне, - размышлял он. - Я и не заслужил... и не достоин! Там озеро, полное раков; тут целое поле грибов... Все деликатесная, ресторанный пища. Зря вчера ребята поторопились улететь, надо было им полакомиться... экологически чистыми продуктами!»

После утренней трапезы на уровне ресторанным, он оглядел самый ближний огород, что между амбаром и задворками облюбованного дома, и так решил, что раз уж вознамерился прожить тут все лето, следует ему как можно скорее посадить и картошку, и лучок, и редиску. За это следует приняться именно сегодня; чем скорее посадишь, тем скорее вырастет. И милое дело - под этот дождичек! Семена будут сразу же благодатно орошены - благовосенья небес падет на них.

Намерение это воодушевило его. Вот только непогода мешала работе. Но не сидеть же сложа руки! Досадуя на дождик и подбадривая себя, Лев Алексеевич принялся за дело.

Огород был безнадежно запущен: тут царствовали крапива и лопух, малинники заволокли бывшие грядки. Но ведь на этот случай и пригодилась лопата, изготовленная еще в Москве соседом-умельцем, - славная такая лопата, из высокопрочной, хромированной стали. Наскоро насадил ее на березовую рукоятку, не смущаясь тем, что кривовата - потом доделает! Стал вырубать мелкую поросль вишенника и малинник, старые стебли лопухов и крапивы. Разметил, как лучше расположить грядки, копнул тут, копнул там, - земля была хороша, почти чернозем. Недаром так буйно зарастало тут все. А наведавшись во двор ближнего дома, в бывшем коровьем стойле обнаружил Лев Алексеевич слежавшийся слой навоза, уже перепревшего, готовенького в дело. В руки брал его, разминая, причмокивал губами: таким бы торговать в дачном кооперативе - на вес и в красивой упаковке. Дачники в очередь встали бы!

Он вскопал пару грядок, посадил лук, посеял редиску; посадил и картошку - немного, два рядочка. Сделанное так понравилось ему, что он даже загордился, и некоторое время постоял, любуясь: среди лопушков да молодой крапивы такой культурный

участок! С сожалением посмотрел на соседние огороды - боже мой, сколько пропадает земли! А сколько «чистого золота» во дворах!

Под вечер он стал собираться на рыбалку: надул лодку, разобрал рыболовные снасти. Но пока занимался этим, почувствовал, что его, вроде бы, знобит. Достал градусник, померил температуру: так и есть - тридцать семь с половиной. Давешний дождь, под которым он ловил раков, сделал свое подлое дело.

11.

От рыбалки пришлось отказаться. Оделся потеплее, в свитер и куртку, напился горячего чая и сел на порожке, грустно глядя на озеро. А над озером скатывалось к лесу солнце. Облака расположились этак грядками над горизонтом, и солнце щедро, не скупясь, окрашивало их в разные цвета. Картина эта была подвижна, цвета медленно, почти незаметно меняли оттенки, переходя один в другой.

Охотников включил радиоприемник - передавали обычные новости: опрокинулся паром с людьми и сколько-то утонуло при этом народу; разбился самолет - погибли все пассажиры и экипаж; чеченцы опять захватили заложников...

Все это так далеко отсюда! Здесь же, в безлюдном селе, было очень тихо; никто не тонул, не погибал, никто никого не убивал... вот только изнеженный горожанин простыл, видите ли, оттого, что дождиком его покropило!

Он выключил приемник, и долго смотрел на закат, дивясь тому, как там разыгрывалось космическое действо: в облаках вдруг вызолачивалось окно, похожее на человеческий лик... лиловая птица вдруг простирала свои крылья над горизонтом и распадалась, исчезала... явственно проступала белая колонна и карниз дворца и все это истаивало...

А здесь, на земле, пахло мокрой крапивой, над лугом постанывал куличок, тяжелые капли иногда падали с листьев ви-

шенника на лопухи, щелкали звучно. То есть очень тихо было.

Перед сумерками еще раз померил температуру - тридцать восемь и две. И сердцебиение участилось - уж не пятьдесят шесть, как обычно, а около восьмидесяти. И дыхание собственное стало слышно...

«Интересное дело, - подумал Лев Алексеевич грустно. - Не успел приехать, как уже заболел. Если это воспаление легких, то буду лежать вот в этом амбаре - кто поможет? Некому даже похоронить в случае чего... Если зять с ребятами на вертолете прилетят - им не найти меня, покойника. Буду лежать и год, и два... Не пора ли поднимать белый флаг? То-то я потешил бы Михаила!»

Уговор с зятем был такой: если случится беда, он поднимет этот знак на видном месте, а пролетающие летчики авось заметят. Эта мысль насчет белого флага была так себе, дежурной. Позорной слабости он не допустит. «Врагу не сдается наш гордый «Варяг»...».

Лев Алексеевич принял на ночь пару таблеток аспирина и улегся спать.

Коростелиный скрип долетал к нему издалека. Комар пел где-то рядом, но уж не решался обижать лежащего человека. Кулички все еще уныло перекликались...

В амбаре было сухо. Пахло мокрыми лопухами из открытой двери. «Надо бы дверь закрыть, чтоб не сквозило...» - вяло подумал полковник и выбрался из спального мешка, затворил дверь. Стало темно, однако он долго лежал без сна от невеселых дум: вроде бы, все предусмотрел - и продуктами запасся, и инструментами, и даже оружием, а вот возможную болезнь как-то не взял в расчет, так что никаких лекарств, кроме аспирина, не прихватил с собой. Да ведь он всегда был здоров! Даже насморк случался у него редко.

«Ничего, - утешал он сам себя. - Это пустяки... пройдет».

Спал беспокойно. Несколько раз просыпался, чувствуя сухость во рту. И вставать не хотелось, и лежать томительно. Что-то слишком длинной оказалась эта ночь.

12.

Наутро встал с тяжелой головой и с ознобом во всем теле. Случись с ним такое дома - повалился бы в постели, жена с дочкой хлопотали бы над ним. Но тут надо вставать, чтоб хотя бы напоить себя горячим чаем.

Было все еще пасмурно. Мокрый ветер гнал по небу мокрые облака, с которых побрызгивал дождь. Мокра была земля. Мокра трава, мокры кусты и деревья. Ручеек журчал, пробегая мимо.

Охотников кое-как вскипятил чаю, употребив для этого спиртовые таблетки. Кутался в теплую куртку, поглядывал на озеро, на тучи - вид этот не радовал его. Озеро было беспокойно, так что не до рыбалки и нынче. А чем заняться, особенно если он несколько нездоров? Так и сидеть на порожке своего домика-улья? По радио опять передавали о катастрофах, о забастовках шахтеров, о террористических актах и прочих общественных явлениях - от них тоже не развеселишься.

Оглядевшись и поразмышляв, полковник побрел к ближнему дому, отыскал там пару старых досок, стал делать мебель для себя: скамеечку, чтоб сидеть возле костра; полочку, чтоб сложить на нее кое-какие мелкие вещи. Вбил в землю четыре ножки будущего стола, приладил грубо сколоченную столешницу.

Простуда все-таки давала о себе знать, но он перемогался, старался не думать о ней. Посадил еще немного картошки, вырубил дикую поросль вишенника, чтоб вид на озеро был просторней. Если припускал дождь, полковник прикрывался зонтиком и продолжал работу. Наверно, со стороны это выглядело забавно: человек с зонтиком в одной руке и с топором в другой трудится в огороде... Но некому было видеть его со стороны, потому он и не смущался.

Гораздо больше его смущало свое небритое лицо, и Лев Алексеевич с досадой подумал о зяте: не понимает, что внешность человека отражается на его внутреннем состоянии, на настроении. А состояние души все-таки главный фактор.

К обеду он пожарил на сковородке шампиньонов... и раков сварил... и баночку хороших рыбных консервов открыл, и «подлечился» коньячком. К вечеру он чувствовал себя гораздо лучше, потому отправился-таки порыбачить.

Что касается рыбалки, то тут он все делал не просто так, а «по науке»: никогда раньше не удил рыбу, но в общем-то хорошо себе представлял, как это делается. То есть отдавал себе отчет в том, что ужение рыбы - это искусство, оно требует и знаний, и навыков. Знаниями же он запасся еще зимой: брал в библиотеке старые сборники под названием «Рыболов-спортсмен» и извлекал из газет всяческие советы рыболовам. А вот что касается навыков... ну, это дело наживное. Да и вовсе не надо обладать секретами рыболовного искусства, чтобы поймать пару-другую рыбешек.

13.

Дождик чуть-чуть моросил. Вода ласково похлопывала в резиновое дно лодки. Охотников думал...

Трудно сказать, когда именно и по какой причине однажды он вдруг осознал, что стоит на пороге своей старости, что жизнь уже прожита. А где плоды его труда? Что им сделано? Чем он может гордиться или хотя бы испытывать от чего-то удовлетворение? Собственная жизнь вдруг представилась ему выхолощенной, этакой искусственной, результаты всех его усилий - за двадцать-то пять лет службы! - чем-то неуловимым, неопределенным, несуществующим. Именно так и не иначе. Что он скажет своим внукам, когда те подрастут? Служил, мол...

Он был участником в чьей-то игре; его, как шахматную фигуру малого достоинства переставляли с места на место по воле неведомых ему игроков. Он верил, что служит высоким целям... а потом как-то вдруг усомнился во всем этом.

Сколь отраден был бы вот такой итог жизни: построенный своими руками дом... выращенный сад... написанная книга. Все

это очевидно, осязаемо, неопровержимо. А он ничего не построил, не посадил, не на-писал.

Однажды пришло на ум, что совершенно не знает даже страны своей, настолько он от нее оторван был. Ведь полжизни провел далеко от нее, в землях благополучных, удобных для проживания. Родина же все это время оставалась им не узнанной, как соседнее, а не свое родное государство. И что там в нем происходило, он знал опосредованно: через газеты да радио, из рассказов других. Жизнь была в общем-то благополучная, обеспеченная, как у рыбки в хорошем аквариуме, как у комнатного растения... но не лучше ли растению быть на лугу, а рыбке в реке или в море?

Странна и беспокояща была эта мысль, посетившая его однажды и с тех пор время от времени возвращавшаяся к нему, - о том, что он чужой стал даже для того места, где родился и вырос. Лишь в детстве да юности пребывал в живом потоке бытия народа своего - это когда жил в маленьком городке да ездил с другом в его деревню. Вот только тогда...

Теперь вот в резиновой лодочке на озерец он вспоминал чужие города, в которых подолгу жил, тишину посольских помещений, любимые кафе... семейные праздники с одними и теми же гостями, с привычными разговорами, с привычными угощениями на столе...

Он так занят был размышлениями, что прозевал поклевку. А когда заметил - словно током пронзило: дернул нетерпеливо и выхватил из недр озерных рыбку истинно золотую, с красными плавничками. Она трепыхалась в его ладонях, словно та самая, из сказки, которой только выскажи желание... Желания он не высказал, а так подумал, что в свое время и его выхватили, словно красноперку или окуня, из озерной глубины, и поместили, как бы в аквариум, в жизнь чужую, далекую от естественной природной среды.

И опять подумал, что жизнь свою он прожил - как по тонкой жердочке прошел... аккуратно, благополучно. Казалось, радоваться тому надо бы, а радости не было. И простого удовлетво-

рения тоже не было. Опять вспомнил Охепкина и разговор с ним.

- Я что-то задумываться стал, - признался тогда Лев Алексеевич другу. - Нам уже за сорок обоим... Жизнь позади, а?

- У тебя возникли какие-то умозаключения насчет смысла жизни? - поинтересовался Юрий Иванович и улыбался при этом иронически.

- Как тебе сказать...

- Ты засомневался, так ли жил, верно? Что ж, самое время.

- Я не раскаиваюсь, - строго сказал тогда другу Охотников.

- О чем тебе жалеть! - подхватил Охепкин. - Все прекрасно: живешь в Москве, пенсия приличная, семья у тебя славная... Чего еще нужно человеку для счастья!

Но было в этих словах нечто такое, что задело Льва Алексеевича. Друг юности словно бы утешал его: мол, что ж делать, не каждому выпадает хорошая карта в этой игре.

- Лева, ты не похож на полковника! - подтрунивал он над Охотниковым. - Пожалуй, только на лейтенанта тянешь: шевелюра пышная, на щеках румянец юношеский, лоб без морщин... Слушай, по-моему, ты очень счастливо живешь. Это вредно! А полезно - пострадать.

Он и дальше продолжал пошучивать в том же духе, говоря, что-де сановитости во Льве Алексеевиче нет, а отсутствие морщин на челе свидетельствует отнюдь не о глубоких размышлениях да сомнениях. Охотников насмешки его воспринимал снисходительно. Глянул на себя в зеркало: джинсы, свитерок...лицом, пожалуй, слишком моложав. Засмеялся, уточнил:

- Младший лейтенант, не более.

- До генерала дослужишься? - спросил Охепкин. - Я гордился бы тобой: мой друг генерал Охотников... Звучит!

На это Лев Алексеевич ответил очень серьезно:

- Вряд ли... Для этого надо попасть в заварушку, вроде маленькой войны, и отличиться.

Не попал и не отличился. В отставку вышел полковником. Что ж, и это неплохо. Тут бы ему и порадоваться, и успокоиться,

но увидел по телевизору репортаж бойкого журналиста о недалеком от столицы, однако же совсем захудавшем крае, о покинутых полях и деревнях. Зять Михаил сказал: «Да мы ж над этими местами летаем!»...

Вот и сложилось в одно: желание пострадать во искупление неведомой вины своей и жажда тишины, сосредоточенного размышления.

14.

На третий день установилась ведренная погода, и Лев Алексеевич отправился в дальний поход, прихватив с собой ружье и ломоток хлеба с салом.

Когда шагал по молчаливому селу, оглядывался озабоченным взором - это были уже как бы его владения, он теперь некоторым образом за них в ответе. Следовало навести тут хотя бы относительный порядок: повырубить лопухи, старые будыли репейника, дикую тополиную поросль, подпереть пошатнувшиеся изгороди; коли двери дома открыты - закрыть, коли оторвалась доска наличника - приколотить... Зачем? А просто так, ради душевного удовлетворения.

Но это потом, потом. А пока надо походить по окрестностям, узнать, что тут есть, чего нет.

Вот скирда старой соломы, почерневшая, как бы приплюснутая невидимой тяжестью - по ней уже росла трава. Вот остов брошенной сеялки, ржавой, без колес. Вот пруд, выкопанный неведомо когда, неведомо зачем - наверно, для водопоя коровьего стада. Вот дорога, уже зарастающая кустарником, ведущая неведомо куда... раньше было ведомо, а теперь нет.

Он очень живо представил себе, как по дороге этой шагает лошадка, запряженная в телегу, а на телеге сидят деревенские бабы, свесив болтающиеся ноги, вперебой разговаривают... как на берегу пруда расположилось полднюющее стадо - две-три коровы забрели в воду да так и стоят, глядя на идущих к ним до-

но столько, сколько у других убывает... Насколько обеднел обокраденный, настолько же разбогател его грабитель... Вон под деревом трава не растет. Почему? Да все жизненные соки дерево выпило из почвы и заслонило солнце, потому и травка погибла».

Невеселые размышления эти не оставляли его: неужто и на нем тоже вина за опустошение этой земли?

«Нет-нет! - старался он убедить себя. - Это закон физики, он неприменим к живой жизни».

Так-то оно так, но ведь пришла же ему на ум эта мысль! А раз пришла, то уж не зря; значит, в какой-то степени она справедлива.

15.

И на другой день, и на третий он путешествовал по окрестностям «своего» села, внимательно осматривал все. Уходил одной дорогой, возвращался другой. В одном из более дальних походов заблудился: был пасмурный день, солнце не угадывалось за облаками. Вокруг просто брошенные поля, кустарники да перелески. Здесь он еще не бывал, потому осматривался вокруг с еще большим интересом.

Шагая наугад, куда глаза глядят, вышел... на околицу какой-то деревни и остановился, озадаченный. Он стоял перед корявой ветлой, из-за которой выглядывало крыльцо дома и бревенчатый угол его. Неведомо что подсказывало, что дом пуст: окна смотрели этак мертво, да и тишина вокруг стояла неживая. На жердь палисадника села было сорока, но тотчас взлетела и застрекотала предупреждающе. То есть спугнул ее именно он, а больше-то некому, что подтвердило первоначальную догадку.

Лев Алексеевич миновал этот дом и увидел череду других, с пустыми оконными проемами. От противоположного посада не сохранилось ни одного строения, только ясно обозначались зарослями иван-чая да крапивы места, где они когда-то были. Он прошел по этой однобокой улице, молчаливой и настороженной.

Поднял палку, постучал по изгороди, чтоб привлечь к себе внимание, но ничьего внимания не привлек, только та же сорока отозвалась осуждающе. Постучал в окно, мимо которого проходил, все еще надеясь на отклик, - нет, никто не отозвался. Да и тропинок натоптанных тут не было, и следов человеческих или, скажем, коровьих.

Эта деревня была гораздо заброшеннее той, в которой он жил теперь. Должно быть, умерла еще раньше.

На ворота заросшего высокой травой колодца болтался обрывок веревки... Охотников посидел на его срубке, прислушиваясь, ожидая неведомо чего. Довольно долго сидел. Опять очень живо представляя себе, что избы эти обитаемы; люди выглядывали вот из этих окон, сходили по ступеням этих крылечек, открывали ворота, выпуская или встречая скотину... вот у этого колодца судачили бабы с коромыслами на плечах.

В какое-то мгновение, длившееся неопределенно долгое время, ему так и показалось: и голоса людей, и мычание коров, и кудахтанье кур, и скрип колодезного ворота или калитки...

Возвращаясь, он заблудился еще раз. Случилось это уже под вечер: угодил в буреломное место, потом в болотистое, и опять в густой лес. Вышел на поле, которое, судя по всему, когда-то и пахали, и сеяли, а теперь уже заросло оно молодой ольхой. И вот, перейдя поле, оказался он опять в деревне, и это была уже третья, тоже нежилая, брошенная. Она была невелика - сохранилось всего четыре сиротливых дома, стареньких, жалко нахохлившихся.

Далеко ли до «своего» селения, Охотников определить не смог: было пасмурно и потому не понять, где запад или восток. А уж темнело! Присел на кривом крылечке и так решил, что никуда он теперь не пойдет, на ночь глядя. Как-нибудь пересидит тут до рассвета, а уж там решит, куда шагать.

Во дворе сохранился небольшой прикладок соломы. Она была источена мышами, но он перетаскал ее к крылечку и устроил себе нечто вроде постели.

Уже в сумерках развел небольшой костерок. Посидел перед

ним, слушая дальнего коростеля. Уснул быстро - оттого, что было удивительно тихо и мирно, а проснулся неведомо отчего и сразу понял, что сейчас будет вставать солнце. От этой мысли повеяло бодростью. Однако же и продрог он к утру! Вскочил, побегал возле крыльца, протоптав по росистой траве зеленую тропочку. Опять развел костер, сидел перед ним на корточках, чувствуя необыкновенную бодрость во всем теле.

Солнце еще не взошло, а там, где оно должно было появиться, небо сияло. Лучи невидимого еще светила золотистыми перьями легли на облака; на фоне голубого неба вершины деревьев были изумрудны. Охотников зачарованно следил, как загораются края облаков, обращенные к восходящему солнцу; противоположные их бока нежно голубели, голубизна их как бы истлевала.

Его удивило обилие птиц. Птахи тут и там пели самозабвенно. Должно быть, славили наступающий день. Что за птахи? Небось, зарянки, овсянки, пеночки, малиновки... Охотников перебирал эти названия с укором к самому себе: он не умеет различать их. Не знает их!

Зазолотилась вершина ближнего тополя. Солнечный свет, еще слабый, разреженный, лег на крышу соседнего дома. Наконец, этот свет проник сквозь вишенник и лег на лицо Охотникову, сидевшему у костра. Словно живая невесомая рука коснулась его... так подумалось.

Когда костер догорел, Лев Алексеевич встал с ликованием в душе и отправился... куда глаза глядят. То есть он знал теперь, куда ему следует идти: определился по солнцу. Ощущение жизни было таким полным и таким острым, что подумал: «Потом буду вспоминать... что был счастлив в это утро».

16.

Уже две недели прожил в одиночестве Лев Алексеевич Охотников и настолько освоился тут, что все стало привычным. С одним не мог смириться: очень много времени отнимало у него при-

готовление еды. Для того, чтобы просто сварить суп или кашу, надо заготовить дров, развести костер, принести воды, следить за этим варевом, не отходя и не отвлекаясь на размышления... а после того, как утолишь голод, надо идти на озеро помыть посуду, кастрюлю-то желательнее протереть основательно песком.

И все это в то время, когда хочется и с лодочки порыбачить, и просто искупаться, и пойти куда-нибудь... Явно не хватало еще одного человека - женщины.

«Мужчина должен ходить на охоту, оставляя у домашнего очага женщину. Для того Бог и создал ее, выломав мужское ребро...и лично у меня тоже. А где моя жена, которая всегда должна быть бок-о-бок со мной?»

Но его жену как-то трудно было представить тут, возле амбара, хлопочущей возле костра - явное несоответствие. Хотя она очень естественно вписывалась в городскую квартиру.

А в остальном все было прекрасно: амбарчик-улей уютен и удобен, спалось в нем хорошо. К тому же рыба и раки ловились, грибочки неостановимо подрастали на плантациях возле бывшего скотного двора... и деревня, вроде бы, уже признала его своим законным жителем, дома вполне благожелательно следили за ним глазами-окнами. Во всяком случае так ему казалось.

Он неустанно трудился. Утром и вечером поливал грядки собственного огорода, выламывал сухие побеги в крыжовнике да вишеннике, вырубал сухие ветки яблонь - заготовливал дрова для костра. Беспощадно сражался с лопухами и крапивой не только возле своего огорода, но и на соседних тоже.

Вечерами, когда садилось солнце и закат отражался в озере, Охотников посиживал у костра, и это были, как он называл, «святые минуты». Радиоприемник он не включал, забывал о нем. Его посещало хорошее, славное такое настроение, когда хотелось петь. Он и пел... о том, как «далеко-далеко степь за Волгу ушла», как «в степи глухой замерзал ямщик», а «на Муромской дорожке стояли три сосны»... и о том еще, как «по Дону гуляет казак молодой, а там дева плачет над быстрой рекой», а «под густыми

плакучими ивами упокоился бедный стрелок», и о том, что «в низенькой светелке огонек горит, молодая пряжа у окна сидит»... Никогда раньше он не пел в одиночестве, случилось это только за семейным столом, да и то редко. А тут подсказывала память из дальних своих хранилищ.

Пелось только такое. Он чувствовал, что только такое тут уместно. Даже голос у него прорезался - оказывается, неплохой голос, вполне достойный задушевного пения! А потому хорошо ему пелось, что некого тут ему было смущаться, он был один. Один!

Но вот однажды поутру, отправившись в очередной поход, на выходе из села он остановился пораженный: на влажной земле четко отпечатался человеческий след. Это был след резиновой обуви с волнистыми рубчиками на подошве - скорей всего спортивная кроссовка большого размера, не меньше сорок третьего. Значит, прошел мужчина...

Охотников огляделся вокруг озадаченно, чуть ли не с испугом: как-то дико ему было видеть след чужой ноги. Ведь привык к мысли о своем одиночестве! История с Робинзоном на необитаемом острове живо вспомнилась ему: тот так же стоял перед следом человека, не зная, то ли радоваться, то ли страшиться.

«Одичал Лев Алексеевич...одичал», - насмешливо подумал он сам о себе.

Более внимательно рассмотрел след: пяткой тот был обращен к селу, носком к лесу - незнакомец уходил отсюда, то ли не пожелав встретиться с ним, с Охотниковым, то ли просто не застав его тут.

Лев Алексеевич прошел по всей улице, внимательно смотря, нет ли еще следов. Нет, нигде никаких признаков недавнего присутствия чужого человека. Кто это был? Заметил ли следы пребывания его, Охотникова, здесь, в селе? Откуда и куда он шел, этот гость? И намерен ли вернуться?

Нет, полковник совсем не был обрадован появлением здесь еще кого-то. Тем более, что не видел приходившего, а неизвест-

ность всегда пугает. Что у того на уме? Почему таился? Ведь мог бы оставить какие-то более явственные следы своего пребывания. Но вот не захотел... почему? Может быть, у него какой-то злой умысел?

В этот день, отложив все прочие дела, Лев Алексеевич устраивал потайные места, куда можно было бы прятать кое-какие вещи. На всякий случай. Чтоб разом не лишиться все-го, что имеет.

Он устроил чердачок под крышей, туда сунул теплую куртку и сапоги. Поднял одну из половиц, там поместились инструменты, чтоб не на виду им быть - топор, пила, гвозди; туда же поместил и банки с тушенкой да со сгущенным молоком. Ну, а самое ценное - ружье, патроны, радиоприемник, бинокль - можно спрятать в других местах или брать с собой.

Соображения насчет новоявленного «Пятницы» не покидали его. Он ждал, не покажется ли этот человек, но прошел день, два... Происшествие не то, чтобы забылось, но как-то отодвинулось, другие события оттеснили его.

Вот, к примеру в очередном довольно дальнем походе он поднялся на лесистое возвышение и вдруг замер: перед ним была... церковь. То есть просто в лесу, где нет и признаков жилья. Высоченные сосны стояли вплотную возле стен, а это говорило о том, что выросли они уже после того, как выстроили храм. Он был без колокольни, не выше тех сосен, а стены выложены красным кирпичом, в фундаменте крупные камни-валуны. Единственный куполок прохудился - ребра его обнажились. По крыше дружно росли молодые березки. Ни в одном из окон не сохранилось стекол, но в некоторых были кованые решетки. На стены и на паперть напозлали мхи.

Почему-то вокруг церковки этой тут и там развевались на ветках деревьев ленты, лоскутки материи, изветшалые, выветленные дождями и солнцем. Лев Алексеевич был озадачен: что все это означает? Как оказался храм посреди леса? Кто его построил? Почему именно здесь? Уж верно, тому была важная причина.

Полковник поднялся по ступеням паперти, заросшей мхом и травой... в самой церкви оказалось светло, потому что небо видно было через прорехи в потолочном своде, через них падал солнечный свет. Повсюду валялись обломки кирпичей, сосновые шишки, хворост...

Охотников имел растерянный вид. Он присел на подоконник, слушал ветровой шум в соснах и птичий переклик. Посидел, потом обошел вокруг храма, угадывая холмики могил. Сделал еще один, более широкий круг - нет, не было поблизости признаков жилья. И ни реки поблизости, ни озера... ни дороги сюда, ни тропки.

Увиденное повергло его в глубокую задумчивость, как в первый день, когда он обходил «свою» деревню.

Печаль была на лице Льва Алексеевича во весь этот день, даже когда вернулся «домой».

Кстати, на обратном пути набрел еще и на озеро, небольшое, но, должно быть, глубокое. Берега его были обрывисты, хотя обрыв невелик - от полуметра до полутора метров. Вода в озерце этом казалась черной. Однако, когда Охотников зачерпнул пригоршню, в ладонях она была совсем прозрачной.. Он даже попробовал ее на вкус - ничуть не хуже, чем в его «собственном» озере, только есть отличие, которое, пожалуй, не определишь словами - вроде бы, горьковата, сосновая смола да хвоя в ней настояны.

У противоположного берега из зарослей осоки поднялась какая-то крупная птица и полетела тяжело, едва не задевая ногами за деревья. То ли цапля, то ли аист, Лев Алексеевич не успел рассмотреть. Или это журавль?

Посреди озерца что-то вдруг всплеснуло.

«Неужели рыба? - удивился он. - Скорее уж еще одна популяция маленьких ихтиозавриков палеозойской эры?»

Озерцо лежало перед ним тихо-тихо. Что-то настораживающе загадочное и таинственное было в нем. Лес, окружающий его, пошумливал...Рябь пробежала по ровной поверхности воды: рядом возле берега опять плеснуло что-то...Неужели все-таки

рыба? Нет, это была лягушка. Он увидел, как она поплыла мимо, вытягивая в струнки длинные ноги.

Долго было тихо, безмолвно, потом опять плеснуло неподалеку...

17.

На другой день он отправился к черному озеру с рыболовной снастью, но рыбу ловить не стал, потому что совсем недалеко от лесной церковки, буквально в ста метрах от нее обнаружил... родник. То был настолько сильный родник, что просто поразил Охотникова: мощный поток воды выбивался из-под камней, и не выбивался даже, а мощно выламывался из недр земных на волю. Словно там, глубоко внизу, прорвало некую каменную трубу водовода, выбросив на поверхность эти гранитные глыбы. А глыбы, между прочим, были тесаными, правильной прямоугольной формы, каждая длиной в сажень... Кто их тесал и как установил тут?

Опять озадачился полковник.

Чуть ниже по течению оказались два небольших пруда, вроде купален. Тут и там на ветках кустов развевалось несколько лоскутков высветленной временем материи, как и возле церквушки.

Охотников же более всего был озадачен вот чем: как случилось, что не обнаружил родника и прудов (это купальни!) ранее? Ведь в прошлый раз он старательно обошел церковь вокруг... Верно, что тут буреломный лес, кусты, и сам родник безмолвен, только чуть ниже слегка пошумливал на камнях. Вода эта была холодна - у Льва Алексеевича ломило зубы, когда зачерпнул пригоршней и стал пить.

«Вот почему здесь храм... Все дело в этом роднике. Наверняка он считается святым, потому и ленты тут... поверье какое-нибудь с этим связано. Потому и купальни... должно быть, одна женская, другая мужская...».

Он достал носовой платок и привязал к ветке дерева возле родника. На всякий случай. Как знак своего душевного приобщения к этому месту.

Вернувшись домой, Охотников принялся составлять карту своих «владений» на кусках старых обоев. На карте этой обозначал покинутые деревни и дороги, холмы и низины, ручьи, рощи, большие камни-валуны, гнездования дроздов и ворон... и лесное загадочное озеро, и церковь в лесу, и, конечно, родник.

А его «собственное» озеро, судя по карте этой, оказалось и не озером вовсе, а старицей. Река в этом месте делала петлю, огибая холм, поросший раскидистыми елями. Эта петля когда-то давно обособилась, то есть река спрямила русло и потекла мимо, а «петля» как бы отмерла от нее. Должно быть, в пору весеннего половодья старица опять становилась рекой от обилия воды, но вот теперь, летом, это было довольно обширное озеро, широкой дугой изогнутое. В заводях густо рос тростник, к тростнику примыкали колонии белых кувшинок; кусты ивняка подступали к самой воде.

На север от озера располагалось обширное болото; клюква на нем кое-где еще лежала под июньским солнцем, уже потемневшая - та, что осталась не склеванной птицами. Сколько ее тут было, когда стаял снег!

На юге река уходила в лес, в бурелом; там у нее берега круты, в обрывах проглядывают белые и красные глины. Дальше за лесом река раскатывалась довольно широко и была мелка и говорлива. Еще дальше - берега низкие, тут топко, пузырятся роднички.

А обрывалась река в углу обойного листа как раз в самом загадочном месте: почему-то белые угловатые плиты и камни-валуны выглядывали тут.

От угла до угла листа обоев - километров двадцать пять или тридцать... Примерно триста квадратных километров уместилось на карте полковника, таков и был размер его «владений». Целое государство.

Созерцание этой карты доставило Охотникову глубокое удовлетворение.

Ловить рыбу удочкой ему было скучно, он наладил небольшой перемет и малую сеточку длиной метров пятнадцать ставил вдоль тростников. Попадались и окуньки, и щучки, но

чаще плотва и подлещики - хватало на хорошую уху каждый день. Однажды запутались в сети два больших линя, но одного рыболов упустил из-за излишнего азарта. Тот линь просто выскочил у него из рук, сделал довольно сложную фигуру пилотажа в воздухе и шлепнулся в воду. Рыболов сидел, что называется, с разинутым ртом от изумления и растерянности.

А раков он ловил теперь новым способом. Вечером, когда становилось темно, подвешивал на пояс полиэтиленовый мешок, брал в руки электрический фонарик и шел на озеро. В эту пору водная гладь была неподвижна, лишь иногда едва заметно вздрагивала. Разувшись на берегу, Лев Алексеевич подворачивал штанины выше колен и брел по мелководью, где росли тростники, посвечивая себе фонариком. Раки сидели на песчаном дне как бы в шахматном порядке. Они поднимались на дыбы навстречу лучу света от фонаря, угрожающе поднимая страшные клещи. Полковник усмехался: «Они похожи на экскаваторы... двухковшовые». Он выбирал самых крупных, хватая их сзади, со спины, и таким образом извлекал из родной стихии, бросал в мешок, после чего брел далее. Вода была приятна ногам и песочек приятен; вспугнутые рыбки иногда торкались в его ноги, словно ласкаясь...

Камыши шелестели едва-едва от легких дуновений ночного ветра. Звезды молчаливо мигали в бездне над головой, и бездна разверзалась под ним, опять же с мерцающими звездами. От охотничьего азарта, от ощущения огромности мира замирала душа Льва Алексеевича, замирала так, как никогда.

18.

На исходе первого месяца одинокого житья, он встретил-таки человека...

В очередном походе, выйдя на берег уже знакомой ему лесной реки, устало сел, разулся и опустил ноги в воду. Вода была прохладна, животворна, такая прогонит и усталость, и душевную тоску. Так посидел некоторое время, наблюдая, как суетятся возле

его ног шустрые мальки, посверкивая серебристой чешуей. Ветер шелестел в прибрежных кустах, волны похлопывали о берег, зяблики перекликались через лесное пространство у него за спиной... и вот тут он явственно услышал на другом берегу шаги и шелест кустов, и негромкие голоса.

Шли двое, шагая по-мужски широко и уверенно, один впереди, другой за ним следом. Одеты были одинаково - в джинсы и рубашки из такой же ткани, рукава закатаны по локти. За плечами обоих по объемистому рюкзаку. Когда приблизились, оказалось, что это две девушки замечательного - прямо-таки богатырского! - телосложения. Охотников был даже озадачен этим.

Они уже заметили его, но отнюдь не удивились и не насторожились, словно им привычно видеть в этой безлюдной местности живого человека, а не зверя. Остановилась у самой воды, как раз напротив Охотникова, и одна из них запросто спросила:

- Чего это ты сегодня такой красивый?

Он не нашел ничего лучшего, как сказать:

- А пятница нынче... Я по пятницам всегда красивый.

Они усмехнулись: ответ им понравился.

- Чего не могу сказать о прочих днях, - скромно добавил он и так решил, что она обозналась, приняла его за кого-то другого, отсюда и свойское обращение.

Девушки эти были чрезвычайно похожи друг на друга и лицами, и улыбками, и статью. Он догадался, что это сестры, только одна из них постарше другой года на три-четыре или даже побольше.

Полковник был и обрадован встречей, и в то же время несколько разочарован: все-таки земля эта, оказывается, обитаема... Ему-то нравилось чувствовать себя в совершенном одиночестве.

Они сбросили свои рюкзаки на траву. Не сбросили - свалили с себя: ноша была явно тяжела. Старшая села, глядя на Охотникова уверенно и смело.

- Думаешь, что обозналась я, да? - спросила она. - Приняла за знакомого. Так? Да видела тебя не раз и знаю о тебе все!

- Всего-то и я не знаю, - заметил смиренно Лев Алексеевич. - А интересно бы услышать о себе что-нибудь новенькое.

- Я пойду купаться, - тихонько сказала младшая сестра старшей. - А ты пока поразвлекай его. Вишь, как он по людям соскучился!

Она пошла по берегу, выбирая себе место для купания.

- Тебя сбросили с вертолета, - сказала старшая, расшнуровывая кроссовки. - Вот только знать бы, зачем.

- Стратегическая разведка, - сказал Охотников.

- Верно: шпион.

Она разулась, тоже опустила ноги в воду: они были крупны и белы. Очень красивые ноги.

«Девушка, конечно, гвардейской стати, - решил полковник. - В гренадеры ее, на правый фланг!».

- Ой, да знаю я, что ты сейчас подумал! - сказала она. - Верно, обувь ношу сорок четвертого размера. Но это очень хорошие ноги. Конечно, Пушкин ими не восхитился бы, он предпочтение отдавал другим, но мои ноги - самый надежный вид транспорта, никогда не подводит. Вот ты на своих за день не отшагаешь шестьдесят километров по лесам да болотам, верно? А я запросто.

- Шестьдесят-то и ты вряд ли пройдешь, - сказала младшая сестра из-за кустов.

Она там уже раздевалась.

- Не любо - не слушай, а врать не мешай, - хладнокровно отвечала ей старшая.

Вот что понравилось Охотникову: не было в ней мужиковатости, присущей крупным да решительным женщинам, а была, наоборот, девическая грация в каждом движении. Именно грация... Впрочем, нет, просто женственность.

- А вот в этом ты совершенно прав, - заметила она.

- В чем?

- Ну, в том, что сейчас подумал.

- А что я подумал? - спросил заинтересованно полковник.

- Ну... что-то хорошее. Я люблю, когда обо мне думают хорошо.

- Люди любят, когда их люди любят, - в тон ей сказал Лев Алексеевич.

Он, не скрываясь, любовался этой богатыркой. Сам он роста небольшого, потому, наверно, ему всегда нравились именно рослые женщины. Эта же была просто великанша. Но ведь как хорошо сложена! И как славно пошучивает! С самым серьезным видом.

Сестра ее совсем недалеко уже разделась и вступала в воду, совершенно нагая... Охотников ясно увидел ее сквозь листву берегового куста.

- Любка, ты там не очень, - сказала старшая. - Молодой человек смущается.

- Я у себя дома, - возразила ей Люба. - А он кто такой? Пришлый, нездешний, подозрительный... Пусть отвернется, вся и недолга.

Она тихонько ахнула и поплыла. Волны от нее медленно пришли к ногам Охотникова и той, что сидела напротив него.

- Откуда вы идете? - спросил он.

- От станции.

Железную дорогу Лев Алексеевич видел с вертолета, но ведь она далеко!

- «Где вы, гости, торг ведете? И куда теперь поплывете?»

Оказалось, идут они к своим «предкам», а те живут где-то за лесами и болотами в совершенно пустой деревеньке, такой же точно, в какой живет и Охотников.

- Но не как ты, а по-крестьянски. У деда с бабкой и корова, и теленок, и гуси, и овец полтора десятка... и пасека.

- Я хочу с ними познакомиться, - тотчас сказал Охотников.

- Естественно, - отозвалась собеседника. - Но тебе не найти их, ноги собьешь по лесам да болотам.

- Кстати, как вас зовут? - спросил Лев Алексеевич.

- Да зачем тебе! - сказала она небрежно. - Все равно ведь

- Можно! - весело отвечала она. - Хочешь подарить жене?
- Сам буду носить, - усмехнулся полковник.
Однако денег у него с собой не оказалось ни рубля. Он не-притворно огорчился.
- Портмоне дома оставил, - подсказала обладательница жемчужных бус. - На пианине. Так?
Они засмеялись оба.
- Я пошутила, - призналась она. - Именно это ожерелье я продать не могу, оно с заговором, оберегает меня. Талисман моей души.
Улыбка у нее была хороша, без кокетства. Просто замечательная улыбка, так что даже заволновался полковник.
- Люба, вылезай! - распорядилась она.
И Люба послушно вышла из воды. Охотников опять увидел ее всю и подумал: «Однако, смело ведут себя эти особы! Откуда они все-таки взялись?»
- Вы живете на той станции или дальше, в городе? - спросил он.
- Мы девушки крупные, нам в городе тесно, - сказала из-за куста Люба. - Мы там не помещаемся. Нам простор нужен.
Обе сестры засмеялись.
- Что верно, то верно, - сказала старшая. - В городе толкотно, суетно, повернуться негде, дышать нечем. А тут видите, как просторно! Куда ни пойдешь, все твое.
- И жемчуга по рекам, - добавила младшая.
- Это ваши следы я видел на околице моей деревни? - вдруг осенило полковника.
- Мы оставили след? - озаботилась она. - Люба, ты слышишь? Ай-я-яй... Ведь мы приходили тайно.
- Инкогнито и с секретным предписанием?
- Это наша родная деревня, можно сказать, фамильное владение. В ней мы когда-то жили, так что теперь наведываемся иногда. Кстати, ты поселился как раз на нашем огороде.

- Извини, - Охотников в некоторой растерянности развел руками.

- А почему ты выбрал именно это место?

- Сердце подсказало, - объяснил полковник.

- Тот амбар мой дед построил, он в нем пчел зимой держал.

- Я так и понял, - сказал полковник.

Тут младшая сестра подошла.

- Ты ему понравилась, - заметила она старшей.

- Еще бы! - отозвалась старшая. - Я уж постаралась.

Лев Алексеевич спросил:

- Как зовут твою сестру, Люба?

Они обе засмеялись почему-то, и старшая сказала:

- Она - Любовь, я - Вера, у нас еще младшая сестра есть - Надежда. Так что полный комплект.

- Послушайте, - зашепшил полковник, видя, что они собираются уходить, - объясните мне, почему люди покинули эти места. Ведь богатейшая земля!

- Отчего высыхает дерево в лесу? - в свою очередь спросили они. - Нет солнца для кроны, нет влаги корням, болезни одолели... Или совершили над ним насилие: подрубили корни ободрали кору. Так и с нашей деревней, и со всей этой местностью... Ободрали, подрубили, ограбили. Вот и обезлюдела земля.

Они уже скидывали рюкзаки на спины, при этом Вера говорила:

- Ничего... Вот мы, сестры, выйдем замуж, родим по дюжине сыновей, они вырастут, приведут сюда по жене... тридцать шесть семей! И проблема будет решена.

Их очень развеселило это, и они, весело переговариваясь, тронулись в путь. Вера однако обернулась, чтобы сказать ему:

- Ну, прощай, стратегическая разведка. Не заблудись, гляди... Да и волки тут, случается, бегают.

Они уже поднималась по скату берега, когда он крикнул им:

- Послушайте! Как далеко отсюда до железнодорожной станции?

Они остановились, обернулись:
- Что, уже нажился тут? Собираешься в обратный путь?
- Как сказать... иногда бывает скучновато, одиноко. А коли зайдет кто в деревню, так, вишь, даже поговорить со мной не хочет. Очень уж черствые, неотзывчивые люди тут.

- Заведи собаку... или кошку, - посоветовали они. - Хочешь, принесем тебе котенка? У нас есть лишних четыре штуки.

Опять они засмеялись, переглядываясь.

- Пока не надо: ответственность большая, - очень серьезно сказал Лев Алексеевич. - Соберусь домой - их куда девать?

- До станции напрямик через болото - верст сорок, а если в обход - все шестьдесят.

- Да погодите же! Куда вы спешите-то? Мне еще кое-что спросить надо.

Но они уже скрылась за кустами.

Вот такая получилась встреча, немало озадачившая его.

19.

Он по-прежнему хозяйничал возле своего «дома» и в деревне, чтоб мерзость запустения не оскорбляла взор. Однако ловил себя на том, что ждет появления гостей. Ждет! Раз они были здесь однажды, то уж непременно должны появиться снова.

Но тут вдруг занепогодило, да и надолго. Тучи придавили землю. Дождь шел обильный, накоротко переставал, потом припускал снова. День просидел Охотников в своем амбаре, второй день наступил - нет просвета в небесах! И нет надежды, что скоро может прекратиться небесная хлябь. И уж в сухом жилье его во второй-то день стало как бы отсыревать все... или так казалось? Костер разжечь стало трудно, дрова отсырели. До озера дойдешь, чтоб зачерпнуть водицы для чая - вернешься мокрым с головы до ног. А как просушиться, если в открытую дверь веет влажный, отсыревший насквозь воздух?

Тучи плыли и плыли по небу, дождик шел и шел неостано-

вимо, то сыпал, словно сквозь мелкое ситечко, то переходил в ливень, вроде тропического. Запасы воды на небесах были неистощимы.

Так прошел третий день, четвертый...

Ради развлечения Лев Алексеевич снаряжался в плащ с капюшоном, одевал сапоги-заколенники, брал удочку и шел к озеру. Но рыба клевала редко, неохотно.

Совсем тоскливо стало. Захотелось посидеть дома за семейным столом, посмотреть телевизор или почитать газеты... Уж подбиралась, крадучись, мыслишка: «А не поднять ли белый флаг?». Но если раньше он мог видеть, как раз или два в день пролетает самолет какой-то местной авиалинии, то теперь и самолеты не летали. Ясно, что для зятя это была всего лишь отговорка: мол, если что случится, то друзья-летчики дадут знать, и он выручит тестя.

«Никто не выручит!» - вздыхал Охотников.

Так прошла неделя, томительная, нескончаемая. Но вот наступил день, когда он проснулся очень рано и удивился тишине. Вышел из своего «улья» и радостно вздрогнул: небо было чисто, птицы возбужденно пели, солнце вставало над лесом словно бы улыбающееся. Все сразу обрело гармонический строй: и умываться в озере было приятно - под солнышком! - и костер разгорелся весело, и чай оказался удивительно вкусным. Такой бодрости, такого подъема духа Охотников не испытывал давно. Он тотчас с жаром принялся за дела: развешивать мокрую одежду, хлопотать об обеде.

Он возобновил свои походы и был вознагражден сразу же событием радостным, просто из ряда вон: выходя из леса к «своему» селу, едва не наступил на... белый гриб. Уже ногу занес, но вовремя отдернул! Гриб словно выбежал из-под елей ему наперерез и стоял теперь на солнышке, радостный такой! Телесная белизна его ножки и румянец шляпки были восхитительны.

Охотников присел перед ним, осторожно, словно боялся спугнуть, словно белый этот грибок мог убежать назад и спрятаться.

- Ты явление природы, - сказал он белому грибу, на что тот ничего не возразил.

Зеленая травинка перехлестывала шляпку напололам, сухой сучок теснил сбоку, но гриб был бодр - что ему трава и сучья! Лев Алексеевич хотел вынуть его из гнезда, чтоб подержать на ладони, полюбоваться, но глянул в сторону - из-под еловой лапы выглядывает румяный каравай... Второй белый оказался большим, испод его шляпки лишь чуть-чуть зазеленен, значит, гриб еще молод! Дальше за этой елкой, возле старого пня стояли сразу два рядышком, как братья-близнецы, стройные, рослые.

- Да что это! - сказал Лев Алексеевич вслух. - Ребята, ведь еще июнь! Еще не грибная пора.

Они же ему:

- Пора! Пора! Вырастем, у тебя не спросимся. Мы - колосовички! А ты кто такой?

Он пошел по опушке, белые грибы попадались то и дело. Поднимаешь лапу у елки - увидишь или маленьких несколько, или большой...

- Куда же мне столько! - приговаривал Охотников. - Ребята, что мне с вами делать?

Обилие грибов повергло его в растерянность. В лесу они ему не попадались, росли по опушкам, но тут их было много

«Пусть растут, - Охотников пошел было домой, но вернулся. - Нет, погоди...».

Он собирал эти белые, чистил, разрезал и раскладывал на еловых лапах или накалывал на сучки - сушить. Это была очень дельная мысль: засушить белых грибов... Вот если б жил тут постоянно, то и насолить можно, и засушить, и намариновать...

«Интересно, как тут зимой, - размышлял он. - Снега вокруг...на снегу птичьи да звериные следы... озеро подо льдом...И тишина! Вселенская тишина царит! Белое безмолвие... Случись мне тут проживать - в погребе бочонок с солеными рыжиками, трехлитровые банки с маринованными белыми, а где-то в теплом месте, возле печки, мешок с сушеными белыми. Боже, какая за-

почему-то называлось Житное. Словно там жито росло.

«Нет, это от слова «жить», а не от слова «жито», - догадался он. - Имеются в виду его продовольственные ресурсы».

На краю обойного листа было обозначено болото по имени Нянькино. Возле этого названия стояло «ур.», что, надо полагать, означало «урочище». Там Охотников еще не был и тотчас решил, что надо непременно побывать. Были обозначены и еще кое-какие места, которые следовало ему запомнить, но это потом. А пока он встал и огляделся: может быть, гости еще не ушли? Может быть, они где-то рядом?

Прошел по деревне - ни следочка, и голоса не слышать. Словно те сестры на крыльях прилетали, как сороки. Деревня, обретшая теперь название Клюкшино, смотрела на него своими окнами весьма насмешливо...

- Ладно, - сказал Лев Алексеевич вслух. - Они еще придут. Не надо суетиться...

20.

Прошла неделя. В ясную погоду он видел иногда пролетающий самолет местной авиалинии. Ему казалось даже, что летчик из кабины машет ему рукой. Но Охотников не махал ответно. Да и вряд ли его видно было сверху-то. Летчики передают Михаилу, что нет белого флага над тем местом, где живет его тесть. Да теперь уж, в хорошую-то погоду, он уже и не скучал. Где ж тут заскучать, когда каждый день события!

Во-первых, он встретил лося, настоящего живого лося, какого видел раньше только в зоопарке. Только этот был вольный, дикий, потому и вел себя несколько иначе: в нем была хозяйская уверенность и даже своеобразная царственность. Он не боялся никого. Как он прошел мимо сидевшего человека в чине полковника! Словно проплыл....

Встреча произошла в мелколесье. Охотников расположился отдохнуть под молодой березкой, когда послышался треск в кус-

лась. Надо полагать, ждала его и не дождалась, ушла... Или просто отдыхала после дальней дороги.

«Полковник ошутил молодое волнение в груди», - иронически сказал себе Охотников. Он и в самом деле чувствовал в себе это волнение.

Прошло еще несколько дней, и ему очень захотелось отыскать то пустующее селение, где живут «предки» сестер. Он очень легко нарисовал в своем воображении заброшенную деревеньку, посреди которой красивый, ухоженный дом. Корова пасется на лугу, в огороде ульи... И сходилла с крылечка ему навстречу со словами удивления и радости эта самая Вера...

Он засобирился в дальний поход. Припрятал вещи, оделся и обулся сообразно с погодой, и пошел сначала к той реке, на берегу которой встретил сестер, чтобы потом уж пойти в том направлении, куда ушли они.

То был удивительный поход. Как-то очень скоро он попал в места ему совершенно незнакомые. То есть временами казалось, что он бывал тут ранее и потому шел уверенно, но вдруг видел то болотце, то череду огромных валунов, то просто лес с поваленными деревьями. А день принахмурился, солнце исчезло за облаками. Даже дождик пробрызнул, спорый, но недолгий. Лев Алексеевич пережидал его под елями с густой кроной, даже развел небольшой костерок, чтоб обсушиться. Теперь уж он вовсе не знал, куда ему идти. Заблудился.

Наверно, его ошибка была в том, что он ориентировался по ходу облаков, а они сменили направление. И ветер тоже сменился.

В общем, шел он шел, останавливался отдохнуть, досадовал, что не взял с собой поесть. И опять шагал... по заросшим кустарником полям, по лесам и оврагам. Уж на исходе дня оказался вдруг... у линии железной дороги.

«Эва куда меня занесло! - изумился он. - Да как же так...».

Он вышел туда, куда вовсе не хотел выходить. Мимо него прогрохотал поезд...

«Ну, что ж, - сказал он себе. - Будь по сему».

Ночью в вагон подошедшего пассажирского поезда его без билета не пустили; а честному слову безденежного бродяги какой проводник поверит?

Что было делать? Пришлось повторить подвиг молодости: однажды пришлось ему ехать почти всю ночь от Ржева до Москвы на лязгающих буферах между вагонами. То было, когда он учился в техникуме, а в Ржеве проходили преддипломную практику. Вот и теперь Охотников прилепился к заднему вагону и почти до рассвета простоял тут, овеваемый вихревыми потоками воздуха с пылью и всяческим мусором.

На остановке в большом городе его чуть было не замели в отделение милиции, но он успел пересечь в электричку. Там его прищучили контролеры, однако полковник уже обрел нахальство, необходимое всякому бродяге, так что ссадить его с электрички не смогли. К полудню он прибыл в столицу, измученный, но чрезвычайно воодушевленный.

Чтоб не искушать судьбу, не объясняться опять с контролерами, в трамвай, а потом в автобус не садился - шел пешком от площади трех вокзалов до Теплового Стана. Лев Алексеевич явился перед семейством своим в таком виде, что зять с хохотком принялся обзванивать знакомых, говоря, чтоб непременно поскорее пришли поглядеть на его тестя. Жена была смущена и обескуражена, а трехлетний внук поглядывал на забородатевшего деда отчужденно. Сам же Лев Алексеевич никакого смущения не испытывал, а напротив, остроумно балагурил и был совершенно не похож на самого себя прежнего: очень уж легкомысленно выглядел, как-то недостойно для его полковничьего звания.

Весь вечер семья и гости слушали полковника... о деревнях, в которых никто не живет... о ночной ловле раков... о шампиньонах на старых, перепрелых кучах навоза... о церкви в лесу и о святом колодце... о цаплях на соседнем болотце...

Жена поглядывала на мужа с интересом, словно не узнавая, а внук снова лез к нему на колени.

22.

И во второй день отдыхал Охотников, то и дело приговаривая:

- Как хорошо дома!.. Как замечательно!..

Честно говоря, ему думалось, что уж никакой силой его теперь не отправить назад, в Клюкшино. Одно было досадно и не давало покоя: жалко было вещей, оставленных там: палаточка-то хороша... и рыболовные снасти, и посуда.... А самое главное - ружьецо. Придется туда ехать...

Но, может быть, уж оставить эту затею до будущего лета? Ведь он все спрятал. А что до ружья, то оно завернуто в тент палатки и уложено на чердаке дома, засыпано опилками. Так что если и на будущее лето приехать, все будет в сохранности. А уж будущим-то летом он обязательно доберется до Клюкшина! Теперь это не что иное, а его счастливое обретение.

Интересно будет явиться туда через год! Неужто деревня так и будет стоять, в молчании, в тишине, в неприкосновенности? Вот войдешь, а там все по-прежнему. Опять купальницы цветут, опять лопухи и крапива поднимаются. И дикие голуби воркуют, и тот же куличок постанывает над низиной, и те же синицы выводят птенцов в кусте крыжовника. Именно через год интересно будет туда явиться. Можно сравнить... И уж он снарядился бы более сноровисто.

Таковым было поначалу течение его мыслей, и именно в таком духе говорил он за семейным или гостевым столом. Но потом в рассуждениях его стали звучать, так сказать, иные мотивы: надо ли откладывать до будущего лета? Если хорошенько отдохнуть, то можно смотаться туда еще раз и теперь. Время есть: впереди весь август.

Тут пришло известие, которое сразу отодвинуло рассуждения Льва Алексеевича на задний план: младшая дочь Охотниковых, вышедшая замуж в Германии, родила сына. В семье полковника

наступил радостный переполох. Говорили только об этом, звонили по международному телефону

- Надо ехать, - тотчас решила жена. - Поглядим на внука... У дочки первенец, она совсем не умеет ухаживать за маленьким. Я ей помогу. Что ты сидишь, Лева? Иди, хлопочи о визах.

Полковник в ответ ни да, ни нет. Он ясно представил себе, как сядут в самолет... потом на поезде... как приедут в небольшой немецкий городок... как подойдут к домику, в котором живет дочь. Улочка тихая, дорожки все асфальтированы, разметены, ограды покрашены свежей краской, бордюры дорожные аккуратно побелены, на газонах ни одной дикой травинки - все культурные цветочки...

«Нет, это не Клюкшино, - вздохнул он. - То есть ничего и близко похожего! Напротив: полярная противоположность!»

Он усмехнулся, вспомнив, что в доме том, где живет дочь и где он уже гостил, порядок во всем прямо-таки угнетающий. Хоть сам полковник долгие годы прожил за границей, он так и не привык к подобному порядку: когда разуваешься, обувь следует ставить аккуратно рядышком, и чтоб этак перпендикулярно к стене, а не как придется... а, умывшись, полотенце надо повесить не просто так, а ровненько... а сидя за обеденным столом, избави бог положить вилку или нож криво-косо... и масло на ломтик булочки надо намазывать умеренно да и ломтик должен быть не толстым - все это не от бережливости, не от того, того, что продуктов мало, а просто порядок такой, правила истинно немецкого приличия.

- Нет, - сказал он жене. - Я не поеду.

- Да почему?! - возмутилась было она.

Но не очень возмутилась, просто так, словно по обязанности.

- А что-то не хочется. Я устал... вот полежу на диване, почи-таю газеты, посмотрю телевизор... поленюсь всласть.

- Тогда я поеду без тебя! - заявила жена.

Он пожал плечами. Ему почему-то было жалко ее: она не видела Клюкшина и, возможно, никогда не увидит. То есть она не

Он перебрал мысленно весь разговор, состоявшийся тогда и засомневался:

«Нет, старшая сказала: вот выйдем замуж, родим сыновей... Ну и что ж! Сказала так, потому что она не замужем. Наверно, у нее двое взрослых дочерей... А словно три сестры».

Ему приятно было думать о той единственной встрече. Впрочем, «сестры» ведь приходили еще не раз к его амбару-улью, значит, знакомство было более продолжительным. «Я все о тебе знаю!» – сказала тогда Вера. А что она может о нем знать?

«Что-то слишком много я там бездельничал, - раскаянно подумал теперь полковник. - А надо было работать. Коли окажусь там в будущем году, займусь делом. Начать с церковки... Святой колодец расчистить...».

Перед телевизором сидел Лев Алексеевич рассеянный: политические страсти почему-то уже не интересовали его в той степени, как это было раньше, а семейная новость тоже не очень-то взволновала. Ну, появился еще один внук - что тут особенного!

Он снова и снова затевал разговор о своем Клюкшине, но слова его как бы повисали в воздухе, не встречая отклика. А вспоминал, между прочим, о сушеных белых грибах... о плотве да подлещиках, развешенных в дровенике, на ветерке - вялить. Вот на это зять Михаил живо откликнулся: зачем не прихватил с собой! Как можно оставлять на произвол судьбы такой деликатес!

Полковник приобрел карту-двухкилометровку, отыскал «свои владения», и стал уговаривать жену отправиться в путешествие вдвоем - в Клюкшино. А что? Сесть на поезд, доехать вот до этой станции... а там лесом, не спеша. По пути можно переночевать в шалашике...

Жена слушала его отстраненно, не вникая в смысл.

- У меня там такой теремок! - повторял он. - Ты только представь себе: амбарчик крепенький, с малым крылечком, как раз на восход. Утром встанешь, сядешь на этом крылечке, а тут солнышко утреннее тебе светит, пригревает...

Жена посматривала на него с состраданием, как на заболев-

шего. Вот втемяшилось мужу в голову это Клюкшино! Одно название деревни чего стоит...

- Я тебя раками буду кормить каждый день! - уговаривал он, не замечая выражения ее глаз. - Жареные шампиньоны к завтраку, уха и рыба заливная к обеду. Поедем!... Ягоды там сейчас видимо-невидимо: земляника, черника, голубика, костяника, ежевика...потом еще эта - как ее? - ирга! Я это название в справочнике нашел. Замечательная ягода! А ирги на берегу Лопошатни три куста огромных...

Жена снисходительно улыбалась. Ее душа была возле дочери и новорожденного младенца, в чистеньком домике на чистенькой улице в тихом немецком городке. Надо непременно и как можно скорее поехать в Германию и помочь дочери ухаживать за младенцем! Это сегодня важнее всего. Как можно ради какого-то туристического путешествия оставлять без внимания, без заботы родившегося внука!

В свою очередь и Лев Алексеевич почувствовал себя несколько обиженным: разве можно так равнодушно относиться к родной земле... Словно растение, пустившее корешок в иную почву, сознает себя укрепленным на месте родном, так и он, полковник, утративший святое чувство своей малой родины, теперь обрел его.

Вот эта мысль об обретении родной земли чрезвычайно порадовала и согрела полковника.

23.

Ночью его посетил сон. Приснилось, что живет он возле Лопошатни, занят обычными делами и вот видит, что будто бы движется к деревне Клюкшино подвода или даже целый обоз. Кто-то ведет под уздцы лошадь, запряженную в телегу, а в телеге всяческих вещей много - узлы, корзина плетеная с кудахтающими курами, две овцы со связанными ногами, сзади то ли прицеплена, то ли самоходом катит ручная тележка, и на ней тоже что-то

накладено и увязано веревкой. А уж за тележкой идет пятнистая корова, возле которой сбоку скачет веселый теленок. Но что, пожалуй, самое удивительное: на большой телеге, на узлах сидит кошка. Мастью она похожа на корову - белая с рыжим - и смотрит вокруг очень осмысленными глазами, того и гляди вот-вот что-то скажет.

А вела-то под уздцы эту лошадь... Вера! Они приближались к Клюкшину, а он, Охотников, ждал ее! Ждал так, словно у них условлено было, что она к нему приедет.

- Тпру, - сказала она лошади и обратилась к нему: - Слава Богу, добрались... В Нянькином урочище застряли было. Я корову к лошади припрягла, так и вытащили телегу.

- Я ждал тебя, - сказал радостный Лев Алексеевич.

И тут уж он не покривил душой: ждал, ждал! Они вдвоем стали разгружать телегу. Корова уже щипала тут травку, теленок и овцы гуляли по луговине, и куры тут же. Петух явственно прокукарекал.

- Подоить Василису надо, - озаботилась Вера и стала доить корову.

Дальше все как-то перепуталось - они уже оказались в доме, и печка топилась, и самовар шумел, и пирогами пахло. Ходики тикали на стене, кошка сидела на подоконнике, между горшками с геранью...

Кто-то постучал с улицы в окно, сказал весело:

- С новосельем вас!...

Тут Лев Алексеевич и проснулся.

«Послушайте! - чуть не вскричал он. - Ведь это уже было со мной, было! Я когда-то жил этой жизнью!»

И долго лежал он под впечатлением увиденного сна. Нет, никогда он так не жил и продолжал дивиться своему сновидению: как же такое могло ему присниться? Ведь никогда не думал о том.

«Угнездилося в подсознании, - подумал он с усмешкой. - Память предков... Ай-я-яй, Лев Алексеич! Ишь, какие романтические мечты закралась в твою голову!»

24.

Не скоро, лишь через две недели подвернулась-таки оказия, и Лев Алексеевич Охотников опять десантировался на том же поле возле Клюкшино.

- Ну что, батя? - кричал ему из открытой дверцы вертолета Михаил. - Как договорились, да? Если заболеешь или кто-нибудь обидит, поднимай белый флаг!

И тот с земли махнул рукой: мол, все в порядке, можете лететь. Зять любил подтрунить над ним и делал это весело. Насчет белого флага был у них разговор ещё в Москве.

- Возьми, возьми, - уговаривал его зять. - Буду пролетать мимо, увижу его как сигнал бедствия, желание сдаться. Тогда приземлюсь, прихвачу.

И он взял с собой флаг... правда, не белый. Нет-нет, не сигнал бедствия и не как знак того, что он сдаётся.

- Счастливо, полковник! - донеслось из окошка пилотской кабины сквозь шум винтов.

Вертолет сделал крутой вираж и стал удаляться низко над лесом. Наступила тишина.

- Ну вот, десантировались, - сказал вслух полковник.

А потому он употребил во множественном числе это слово, что теперь был не один: в плетеной корзинке шевелились и подавали голоса две «живые души» - щенок немецкой овчарки в месячном возрасте и трехнедельный котенок, рыжий-рыжий, прямо-таки излучавший солнечный свет.

- Ну что, ребята? Вот вам terra инкогнита, - бодро сказал им полковник, присаживаясь на корточки перед корзинкой. - С благополучным прибытием!

Он откинул плетеную крышку корзинки, выпустил их обоих - они боязливо ступали, словно опасаясь уколотся, оглядывали, приняховались к травке. Лев Алексеевич покормил их холодной котлетой, попоил молочком из бумажного пакета и опять посадил в корзинку.

ПРО ПОЛКОВНИКА

- Сейчас, ребята, - сказал он. - Сейчас пойдем вступать во владение... Тут край непуганых зверей и птиц. Я уверен, мы все впишемся в эту компанию. Сейчас судьба наша, и моя, и ваша, делает крутой поворот...

Он опять сложил вещи в кучу, постоял, оглядываясь. Почему-то очень волновался. Сердце билось, не успокаиваясь. Все тут было мило Охотникову: поле, кусты, деревья, за которыми угадывалась деревня. Он взял с собой корзинку с живыми душами и, чувствуя прилив сил, отправился в Клюкшино.

По пути сам себя поймал на мысли: а не рассыпан ли желтый песочек возле амбара-улья и не отпечатался ли на нем свежий след... То было бы не просто отпечатком обуви, а знаком, что Вера, Надежда и Любовь не покинули его навсегда.

Он заторопился перейти поле, отделявшее его от Клюкшина. И первое, что полковник сделал, достигнув конечной цели, - он поднял российский флаг, государственный... знак победы и торжества.

1998 г.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ:

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КРАСАВИН

КНИГИ:

1. ЯСНЫЕ ДАЛИ: повести и рассказы. - М.: Московский рабочий, 1971.
2. НА МОЕЙ ЗЕМЛЕ: повести. - М.: Современник, 1973.
3. ХОЗЯИН: повести. - М.: Молодая гвардия, 1974.
4. В СЕРЕДИНЕ ЛЕТА: повесть. - Л.: Лениздат, 1975.
5. ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ: повести. - М.: Современник, 1978.
6. ПОРЕЧЬЕ: повести. - М.: Современник, 1981.
7. ХОРОШО ЖИВУ: повести и рассказы. - М.: Советский писатель, 1982.
8. МАСТЕРА: роман. - М.: Молодая гвардия, 1984.
9. ЯСНЫЕ ДНИ: повести. - М.: Советская Россия, 1985.
10. СЛОВО О МОЕЙ НЕРЛИ: повести. - М.: Современник, 1986.
11. ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ: повести. - М.: Советский писатель, 1990.
12. ВЕЛИКИЙ МОСТ: повести. - М.: Современник, 1990.
13. ТЁПЛЫЙ ПЕРЕУЛОК: повесть. - М.: Детская литература, 1990.
14. РУССКИЕ СНЕГА: повести. - Тверь.: Тверское издательство, 1998.
15. НОВАЯ КОРЧЕВА: повести и рассказы. - Тверь.: Альфа-пресс, 2008
16. К ВЕЛИКОМУ МОРЮ: повесть. - Тверь.: Научная книга, 2010.
17. Полное собрание художественных произведений в 14-ти томах. - Тверь.: Наука и культура, 2010

ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛАХ:

1. ПОБЫВАТЕЛИ, НА ОТШИБЕ: рассказы. - «ВОЛГА», №5 - 1966.
2. ДЕВИЧЬИ СНЫ: рассказ. - «Сельская молодежь», №1 - 1967.
3. ЖЕНЬКА: рассказ. - «ВОЛГА», №5 - 1968.
4. ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ...: повесть. - «НЕВА», №7 - 1968.
5. ХОЗЯИН: повесть. - «ОКТЯБРЬ», №7 - 1969.
6. ЯСНЫЕ ДНИ: повесть. - «ЗНАМЯ», №9 - 1970.
7. ХОРОШО ЖИВУ: повесть. - «ЗВЕЗДА», №9 - 1977.
8. ТРОПИНКИ НАШЕГО ДЕТСТВА: повесть. - «ВОЛГА», №3 - 1978.
9. СЛОВО О МОЕЙ НЕРЛИ: повесть без вымысла. - «ВОЛГА», №1 - 1980.
10. ТА, ЧТО ОСТАЕТСЯ: рассказ. - «МОСКВА», №10 - 1980.
11. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ОГНЯ: роман. - «ВОЛГА», №№11,12 - 1983.
12. РЕКА ЗАБВЕНИЯ: повесть. - «СЕВЕР», №1 - 1984.
13. ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ: повесть. - «НОВЫЙ МИР», №8 - 1989.
14. ОНИ НАСТУПАЮТ: повесть. - «ВОЛГА», №№6,7 - 1990.
15. НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ: повесть. - «НЕВА», №7 - 1990.
16. ВАЛЕНКИ: повесть. - «НОВЫЙ МИР», №4 - 1992.
17. СВИДЕТЕЛЬСТВО О ЖИЗНИ: повесть. - «ЗНАМЯ», №12 - 1992.
18. ГРИБЫ С ГЛАЗАМИ: повесть. - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ», №1 - 1993.
19. ГРИБЫ С ГЛАЗАМИ: повесть. - «МОСКВА», №12 - 1993.
20. ВРЕМЯ НОЛЬ: повесть. - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ» №2 - 1994.

21. ХУТОРОК: повесть. - «ДЯДЯ ВАНЯ», лит. альманах Чеховского общ-ва, №2 - 1994.
22. ВОРОВСКАЯ НОЧЬ, ОЗЕРО: рассказы. - «ТВЕРЬ»: альманах. - 1994.
23. ДИКИЙ РЫНОК: повесть. - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ» №1 - 1995.
24. ПУСТОШЬ: повесть. - «БЕЖИН ЛУГ», №2 - 1995.
25. «ПРИВЕТ, СТАРИК!»: повесть. - «ДЯДЯ ВАНЯ», лит. альманах Чеховского общ-ва, №1 - 1995.
26. АРХИПОВ (СНЫ ЗОЛОТЫЕ): рассказ. - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ», №1 - 1996.
27. РУССКИЕ СНЕГА: роман. - «МОСКВА», №9 - 1996.
28. ПУСТОШЬ: повесть. - «ВОЛГА», №11-12 - 1996.
29. НОВАЯ КОРЧЕВА: очерки. - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ», №4 - 1996.
30. НОВАЯ КОРЧЕВА: очерки. - «НОВЫЙ МИР», №2 - 1997.
31. ДЕЛО СВЯТОЕ: повесть. - «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК», №2 - 1997.
32. ДЕЛО СВЯТОЕ: повесть. - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ», №3 - 1997.
33. ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СТРАСТИ: повесть. - «МОСКВА», №12 - 1997.
34. САМОЗАХВАТ: рассказ. - «МОСКВА», №6 - 1998.
35. ДЕД: эссе. - «НОВАЯ ЮНОСТЬ», №6 - 1998.
36. ХОЛОПКА: повесть. - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ», №3 - 2000
37. ХУТОРОК: повесть. - «НЕВА», №11 - 2000.
38. СТИХИ - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ», №2 - 2001
39. ПРО ПОЛКОВНИКА: повесть. - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ», №3 - 2001.
40. «ПРИВЕТ, СТАРИК!»: повесть. - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ», №4 - 2002.

41. РУССКИЕ СНЕГА: роман. - «РОМАН-ГАЗЕТА», №3 - 2004.
42. ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ: повесть. - «ДОН», №6 - 2004.
43. ВРЕМЯ НОЛЬ: повесть. - «ДОН», №5 - 2005.
44. «ПРИВЕТ, СТАРИК!»: повесть. - «ДОН», №2 - 2006.
45. ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ХРОНИКИ: повесть - «НАШ СОВРЕМЕННОК», № 8 - 2006
46. ПРО ПОЛКОВНИКА: повесть. - «ПОДЪЁМ», № 9 - 2006.
47. ПИСЬМЕНА: роман. - «ДОН», №№ 10 - 12 за 2006, №№ 1 - 2 за 2007.
48. ХОЛОПКА: повесть. - «РУССКИЙ ПУТЬ №2(11) - 2006.
49. ДЕЛО СВЯТОЕ: повесть. - «ПОДЪЁМ», №4 - 2007.
50. ЯМУГА: повесть. - «НАШ СОВРЕМЕННОК», №1 - 2008.
51. ПРИЧИСЛЕН К ЛИКУ: повесть. - ПОДЪЕМ, №1 - 2008.
52. ХОЛОПКА: повесть. - «ПОДЪЁМ», №4 - 2008.
53. ВРЕМЯ НОЛЬ: повесть. - «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»(Минск), №4 - 2008.
54. ТРУБА ЗОВЁТ: повесть. - «ПОДЪЁМ», №2 - 2009.
55. СПОЛОХИ: рассказы. - «ПОДЪЕМ», №8 - 2009.

СОДЕРЖАНИЕ

Краткая биография	3
Хуторок	5
Холопка	40
Труба зовёт	108
Сны золотые	143
Озеро	169
Про полковника	182
Библиография	252

Отпечатано в Филиале ГУП МО «КТ»
«Клинская типография»
141600, Моск. обл., г. Клин, ул. Ленина, 7.
Тел./факс 5-83-97
E-mail:58397@mail.ru.
Заказ 490, тираж 30.